

ДЭВИД АРЧЕР
БЛЕЙК БАННЕР

ODIN

АЛЕКС
МЕЙСОН
ТРИЛЛЕР

Annotation

****Никто никогда не слышал об ODIN.**** ODIN является настолько секретным правительственным агентством, насколько это вообще возможно. Потому что внутри ODIN есть отдел общих операций, который говорит сам за себя - ODIN 5i, который занимается сбором разведданных, а есть ODIN 1i, который занимается настолько секретными операциями, что даже ЦРУ не может к ним прикоснуться. Все три отдела управляются железной рукой Шефа, исполина с гигантским IQ. Его лучший агент - Алекс Мейсон жесткий и хладнокровный - сам себе закон. Но когда агент ODIN 5i, работающий в посольстве США в Маниле, пропадает без вести, а вместе с ним исчезает его зашифрованный ноутбук, вся структура ODIN оказывается под угрозой. Затем один за другим начинают исчезать агенты, которыми он руководил, и ситуация начинает выглядеть ужасно. Алекса Мейсона отправляют в Манилу, и там он обнаруживает растущую тень китайского империализма, угрожающую не только присутствию Америки в Тихом океане, но и безопасности всего западного мира... ****Это работа для ODIN 1i**** ****И для Алекса Мейсона****.

ОДИН

© 2021 Дэвид Арчер и Блейк Баннер

Перевод: Колыжихин А. ака Kolyzh (май'2023)

Доктор Эдвард Улисс Хэмптон прочитал достаточно трудов по психоанализу Фрейда, чтобы понять, что мы никогда не преодолеваем тот ущерб, который они наносят нам в детстве. Багаж, который мы берем с собой в могилу, - это тот же самый багаж, который родители вручают нам сразу после рождения. Такие мысли крутились у него в голове, когда он спешил домой по улице Сто Нино, чтобы покормить кошку. Он думал о смерти. Его собственной, многих других.

И о Феликсе.

На улице было темно, хаотичное нагромождение одно-, двух- и трехэтажных зданий, загроможденных диссонирующими террасами, классическими балюстрадами и витыми коваными решетками окон, все заросло пальмами и платанами. Он не поднимал головы и не обращал внимания на бежевые стены, которые он так ненавидел; бежевые стены, которые стояли рядом с розовыми стенами над голубым фасадом магазина на углу, напротив стальных ворот с их дикими остриями. Все, все в Маниле было для Эдварда диссонирующим хаосом, и его ненависть проникала в бездонную тьму внутри него. Ему нужно было уехать. Ему нужно было сбежать.

Его собственный дом, ярко выбеленный, с ярко-зеленой гофрированной черепицей, стоял за железным забором, утыканным острыми остриями копий, а за ним росли различные виды пальм, плантаций и огромное каучуковое растение, что делало доступ невозможным, если вы не входите в ворота, а затем в дверь, обе из стали.

Эдвард вставил ключ в замок и вошел в свой двор. Закрыв ворота и снова заперев их, он быстро ввел код безопасности в клавиатуру рядом с воротами, но был обеспокоен тем, что экран не загорелся. Ему придется позвонить в компанию, как только он войдет в дом.

Он поднялся по трем белым мраморным ступеням к белой стальной двери и повторил операцию: толкнул дверь, шагнул внутрь, поспешно закрыл ее со щелчком, а затем ввел код безопасности. Хотя и здесь он увидел, что экран был темным. Тем не менее, обе двери были плотно закрыты, и, вероятно, дело было лишь в повторном подключении.

Дом был под сигнализацией, и сам он чувствовал себя в безопасности. Он усмехнулся про себя древней шутке, которой никогда ни с кем не делился.

Он направился на кухню, думая, как всегда, о своих родителях и их предательстве. Прошло уже более пятидесяти лет, но, как он часто напоминал себе, человек никогда не преодолевает ущерб, нанесенный ему родителями. Он положил ноутбук в портфеле на рабочую поверхность и, взяв кружку и банку растворимого кофе, сделал знающее лицо и кивнул, помешивая ложечкой. Он знал, что у него был неразрешенный Эдипов комплекс. В свои первые пять лет он пытался завладеть своей матерью со всей силой и яростью молодого воина. Но его отец... Он коротко рассмеялся и потянулся за сахаром. Его отец не пытался остановить его. Да и не пытался. Его отец ушел, запутавшись в простынях различных внебрачных постелей, смеясь и крича через плечо: "Она вся твоя, Эдди!".

Предательство, на каждом шагу предательство. Ведь она не была полностью его, с едкой болью подумал он, помешивая кипяток. Он принадлежал ей, но она принадлежала каждому хрюкающему неандертальцу, который забредал в их дом.

А он, Эдвард Улисс Хэмптон, был полностью, эмоционально искалечен на всю оставшуюся жизнь. Преданный до мелочей, с тяжелым замком на каждой двери.

"В голове нет времени", - сказал он вслух и нахмурился, гадая, где же Фродо.

Он позвал его по имени в пустом, безмолвном доме. Горел только свет на кухне, но, как он всегда говорил, дом был под сигнализацией, а сам он чувствовал себя в полной безопасности. Шутка прозвучала немного пустовато, когда он вошел в темный холл, где сквозь армированное стекло в стальной двери пробивался слабый свет с улицы.

"Фродо!"

Предательство, подумал он. Кошки не предадут тебя. Они такие, какие есть. Нужно быть человеком, чтобы предать тех, кто любит и зависит от них. Предательство - это все, чему его научили отец и мать. Предательство гораздо сильнее, чем измена. Предать собственного сына, свою плоть и кровь.

"Это непростительно", - сказал он вслух. Он никогда не предаст Фродо, а Фродо никогда не предаст его. Он никогда не предаст свою страну, своих друзей, своих коллег. Бедняжка Мэрион промелькнула у него в голове. Бедная Мэрион.

Он открыл дверь в спальню и услышал тоненькое мурлыкающее мяуканье, когда Фродо прыгнул с кровати и рысью прибежал на маленьких мягких лапках, чтобы погладить его по голове.

"Ты был здесь весь день, глупый кот? Ты заставил меня поволноваться, Фродо. Что ты здесь делал?" Фродо вцепился ему в лодыжки, и в этот момент Эдвард Улисс Хэмптон заметил темную фигуру, полузаметную на фоне тусклого свечения окна спальни.

"Кто, черт возьми...?"

Он увидел сине-желтую вспышку за миллисекунду до того, как услышал тихий плевок. Расплавленный свинец впился ему в грудь. Это не отбросило его назад и не повалило на пол, просто было очень больно. Он услышал, как сам сказал: "Ой...!", и тень плюнула еще раз, а потом и в третий раз.

Его ноги стали очень слабыми, и он медленно, неустойчиво опустился на пол. Его живот и руки были мокрыми. Он сел на ковер и прислонился спиной к стене. У него не осталось сил, чтобы почувствовать тревогу, но он неожиданно почувствовал очень, очень грусть по всем тем прекрасным вещам, которые он так и не сделал.

А потом он ничего уже не чувствовал.

Глава Первая

Начался хор на рассвете. Шумная, настоящая болтовня десяти тысяч мельчайших пернатых существ, порхающих среди листвы самолетов и дубов, которые делали Адамс-стрит "лиственной". Он поднялся от массового стрекотания до великолепного крещендо, когда серый предрассветный горизонт окрасился акварельной синевой. Затем мир словно зевнул и растянулся, и я сел.

Я натянул плавки, спотыкаясь, спустился по лестнице и залез в свой крытый бассейн. Я сделал несколько заплывов, стараясь не дышать, потом пять минут стоял под холодным душем. Десять минут с тяжелым мешком, сто отжиманий, пятьсот приседаний, еще один холодный душ, и я был готов к завтраку.

Это была моя утренняя рутина. Так было до тех пор, пока я был готов помнить, а это было недолго. В жизни, где царит хаос, важно иметь твердый распорядок, особенно завтрак. Завтрак, говорила моя бабушка, настраивает тебя на весь день. Иногда я сидел в четырехдюймовой грязи, а в ста ярдах от меня находилась дюжина мужчин, решивших меня убить, и завтракал жареной ящерицей. В такие моменты я вспоминал свою бабушку и ее советы.

Те парни подумали, что я убегу, и пошли за мной через джунгли, оставляя четкие следы, потому что они торопились. Поэтому я смог подобраться к ним сзади и застать их врасплох, выпустив две гранаты и тридцать патронов 223 калибра со скоростью девятьсот выстрелов в минуту".

На кухне Мэнни Пакияо лежал на корзине для хлеба и наблюдал за мной с плохо скрываемым презрением. Если рутина - причина того, что я до сих пор жив, то мой кот, вероятно, причина того, что я до сих пор холост.

"Какого черта! Кому какое дело, правда, Мэнни?" Я отрезал от буханки два куса цельнозернового ржаного хлеба и бросил их в тостер: "Брак все равно переоценен".

Я дал ему ломтик ветчины из холодильника и занялся приготовлением полпинты крепкого черного кофе.

"Как только ты впускаешь женщину в свой дом, ты начинаешь терять вещи. Ты тянешься за своим шампунем. Его там нет, потому что она нашла для него лучшее место. Ты ищешь свою M16, а она нашла для нее лучшее место. Если бы Эдип уделял больше внимания своей бабушке, - сказал я Мэнни Пакияо, размахивая ножом для масла, - то, возможно, у него и сегодня были бы глаза".

Кофейник булькнул. Я почувствовал запах кофе. Зазвонил мой мобильный. Я посмотрел на экран. Шесть тридцать утра. Офис. Я ответил.

"Что?"

Голос на другом конце был похож на темный кусочек шоколада, который слишком пьют, и на который наплевать.

"Алекс, детка, я тебя разбудила? Мне кажется, что мне должно быть не все равно".

"Что тебе нужно, Лавлок?"

"Я еду в офис. Старик расстроен и хочет, чтобы ты тоже был там".

"Я завтракаю."

В ее голосе была богатая, теплая улыбка, когда она сказала: "И я действительно чувствую, что мне должно быть не все равно, Алекс. Мне действительно не все равно,

Алекс".

Я нахмурился на Мэнни Пакьяо. Его глаза были томно непристойными. Ему тоже было все равно.

"Хорошо, я уже еду".

Я повесил трубку и сел завтракать.

ODIN располагался на восемнадцатом этаже здания Содружества по адресу 1300 Wilson Boulevard в Арлингтоне, штат Вирджиния. Тот факт, что в здании Содружества нет восемнадцати этажей, не был проблемой для большинства людей, которые, в любом случае, понятия не имели, что такое ODIN или что означает аббревиатура. Это было Бюро демократической разведывательной сети, совместное предприятие Соединенных Штатов, Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии - так называемых "Пяти глаз".

Она начинала как сеть обмена разведанными, но благодаря значительному бюджету и масштабам возможностей по сбору разведанных быстро превратилась в агентство, способное и готовое браться за работу, от которой другие отказывались.

Я оставил свой Aston Martin DBS на подземной парковке на 17-й улице и поднялся на специальном лифте на верхний этаж. Я прошел через сканеры безопасности в вестибюле, а затем прошел по длинному, безликому коридору в помещение, которое в ODIN обычно называли вестибюлем.

Здесь стены были бежевыми, ковер - голубым, стояла пара непримечательных диванов, пальма в горшке и кулер с водой. Из единственного маленького окна открывался вид на парк Свободы и башни-близнецы Росслин. За ними виднелись Потомак в том месте, где он поворачивает на юг, остров Теодора Рузвельта и горизонт Вашингтона.

В вестибюле также была дверь. На вид она была не слишком привлекательной, хотя под безвкусной кремовой внешностью скрывался стальной лист толщиной в два дюйма, который можно было открыть только изнутри. Я ввел свой код на клавиатуре рядом с дверью, позволил зеленому лазеру считать мой глаз и приложил ладонь к экрану. Дверь с тихим шипением щелкнула, и меня впустили.

Оттуда я пошел по второму проходу, огибая поворот, и попал ко второй такой же двери. После ввода второго кода и повторного считывания биометрии я получил доступ в так называемый офис Владыки, или, как его называли те, кто имел доступ, Валгаллу.

В прихожей Валгаллы находился кабинет Лавлок. В нем не было окон, он был пуленепробиваемым, а некоторые говорили, что и бомбонепробиваемым. Ее большой дубовый стол стоял рядом с большой красной дверью, которую она охраняла своей жизнью.

Сейчас она сидела за этим столом с холодными глазами из-под капюшона, слегка насмешливым ртом с очень полными губами и аквилинным носом, который делал ее похожей на черную египетскую богиню. Она смотрела, как я вхожу в комнату, и вскинула на меня изящную бровь.

"Ты опоздала".

"Я никогда в жизни не опаздывал".

"Он не в хорошем настроении".

"Когда ты позволишь мне пригласить тебя на ужин?"

"На следующий день после того, как я разведусь, а это будет примерно в то время, когда ты сойдешь в могилу". Она провела длинным темным пальцем по кнопке на своем столе, которая открывала дверь: "Алекс, - сказала она, - это одна из тех встреч, на которые ты, вероятно, придешь раньше. Вероятно".

Она подмигнула мне и нажала на кнопку. Большая красная дверь с мягким щелчком открылась.

"По крайней мере, - сказал я, наклонившись через стол и прошептал ей на ухо, - я не буду пускать слюни на своих внуков и заставляю привлекательных молодых женщин менять мне подгузники. Ты же, с другой стороны, будешь страдать и от того, и от другого". Я подошел к двери и толкнул ее.

Кабинет был достаточно большим, чтобы быть небольшой квартирой, и изысканно обставлен. Он был покрыт ковром глубокого бордового цвета Wilton, стены обшиты панелями из дуба Тюдоров, комод из красного дерева был английским XVII века, а кресла у открытого камина были оригинальными Chesterfields 1930-х годов. Вид из окна каким-то образом включал Потомак, мемориальный мост Теодора Рузвельта и мемориал Линкольна.

Тот "он", о котором ранее говорила Лавлок, сидел за огромным дубовым столом девятнадцатого века с зеленым кожаным бюваром и наблюдал за мной из-под двух бровей, которые вполне могли бы сойти за внушительные усы. Он был известен только как Шеф (с большой буквы "Ш") или иногда как Нерон, потому что ходили слухи, что однажды он поджег ресторан, потому что был так возмущен плохим обслуживанием. Возможно, это было неправдой, но смысл подобных слухов в том, что они могут быть правдой. И все, кто знал Нерона, соглашались, что это действительно может быть правдой.

Его рост составлял шесть футов шесть дюймов в ботинках, а вес, по моим оценкам, был около четырехсот двадцати фунтов. Часть из них составляли мышцы. Большую часть составляла очень хорошая еда.

В этот момент каждая его унция выглядела взбешенной. Он прорычал:

"Ты когда-нибудь был на Филиппинах?"

"Не нарочно".

"Не надо быть лицеприятным. Садись".

Я сел в удобное кресло напротив него и скрестил одну ногу на другой. Я сложил руки на коленях и стал ждать. Шеф тоже ждал, выгнув бровь и проявляя очень мало терпения.

"Ты собираешься ответить мне, Мейсон, или мне придется взвесить доказательства, чтобы решить, говорил ли ты правду или пытался пошутить?"

"Я никогда не был на Филиппинах, сэр".

"Это", - сказал он с большой точностью, перелистывая страницы папки, лежавшей перед ним, - "прискорбно". Он вздохнул, сканируя страницы глазами: "Конечно, вы знаете, я полагаю, что Китай - это проблема".

Я сузил глаза и поднял подбородок. Мне стало интересно, как это часто случалось с тех пор, как я был прикомандирован к ODIN, намеренно ли шеф говорит подобные вещи. Трудно было сообразить, как ответить, не передергивая. Шеф поднял глаза от папки и хмуро посмотрел на меня.

"Мне известно, - осторожно сказал я, - что китайцы уже некоторое время ведут агрессивную экспансию, сэр. Вскоре после того, как в Советском Союзе наступила гласность, и они начали либерализировать свою экономику. Совсем недавно они скупали большую часть инфраструктуры стран третьего мира в рамках так называемой схемы "Пояс и путь". А потом, конечно, возникает вопрос об их амбициозной космической программе, кибертерроризме, шпионаже и вмешательстве в британские и американские выборы...".

Я прервался, удовлетворенный тем, что прозвучало хорошо информированно и без шуток. В комнате воцарилась тишина. Шеф сказал: "Ты закончил?"

"На данный момент да, сэр".

Его взгляд вернулся к папке на столе: "На большинство вопросов, Алекс, можно кратко и удовлетворительно ответить "да" или "нет". Вам не нужно впечатлять меня тем, что вы читаете газеты. Я ожидаю этого от вас. Если бы я не считал вас достаточно умным и хорошо информированным...". Он сделал паузу в чтении на несколько секунд, вздохнул и заключил: "...вас бы здесь не было".

Он откинулся в своем большом кожаном кресле и посмотрел на меня: "Китай - это проблема по всем причинам, которые вы назвали, и по многим другим, о которых вы не знаете. Я не сомневаюсь, что есть причины, о которых мы все не знаем. И это еще одна причина, по которой они являются проблемой".

Он протянул пухлую руку через стол и нажал кнопку.

"Лавлок, принесите кофе". Он взглянул на Мейсона: "Вы будете кофе." Он снова посмотрел на свой палец, все еще лежащий на кнопке: "Также круассаны, горячие, без начинки. Будьте проворны."

Я сказал: "Если мне не изменяет память, Манила находится в тысяче семистах семидесяти милях от Пекина, что примерно равно расстоянию от Манхэттена до Розуэлла, Нью-Мексико. Кроме этого, сэр, мне трудно найти какую-либо интересную связь между Филиппинами и Китаем".

Нерон многозначительно хмыкнул: "Ты тратишь слова впустую. Сунь Цзы сказал: "Поэтому искусный полководец покоряет войска противника без боя; он захватывает его города, не осаждая их; он свергает его царство без длительных операций в поле". Нападение с помощью стратагем, параграф шесть. Параграф седьмой: "Со своими силами он оспорит господство в империи, и таким образом, не потеряв ни одного человека, его триумф будет полным. Это и есть метод атаки с помощью стратагемы". Искусство войны. Ты должен прочитать ее".

"Я включу ее в свой список, сразу после "Дневника Бриджит Джонс". Если позволите заметить, сэр, для человека, который не хочет тратить слова попусту, вы не торопитесь перейти к делу".

Дверь открылась, и вошла изысканная Лавлок с подносом кофе и корзинкой горячих круассанов. По мнению шефа, добавлять масло в хорошо приготовленные круассаны означало позолотить лилию и поэтому не разрешалось. Негласная угроза заключалась в том, что если вы все-таки намажете круассан маслом, он может прийти и сжечь ваш дом. Он отпихнул Лавлок пухлой рукой, она подмигнула мне и ушла, а он раздал превосходный черный кофе и горячие круассаны.

"Вам нужно понять, как думают китайцы, Алекс. Они тонкие, у них за плечами тысячелетия высокоразвитой культуры. Для меня загадка, что Марко Поло был итальянцем, а не китайцем". Он засунул в рот круассан и задумался, глядя, как я потягиваю кофе: "Дело в том, что война между Западом и Китаем неизбежна".

Я изогнул бровь: "Серьезно?"

"Я никогда не шучу, Алекс, поэтому я должен быть серьезен. Это просто вопрос времени. Фукидид, анализируя Пелопоннесскую войну между Афинами и Спартой, заметил, что эта война была неизбежна, потому что устоявшаяся держава всегда будет стремиться подрезать крылья развивающейся. Соединенные Штаты были естественным наследником Британской империи и унаследовали этот имперский трон в 1947 году. С тех пор мы правим западным миром и большей частью третьего мира. Теперь Китай набирает силу с

угрожающей скоростью, причем делает это очень агрессивно. Поэтому мы и наши союзники спешно пытаемся оградить ее. Но у нас это не очень хорошо получается".

Он замолчал, жуя и размышляя, с чашкой на полпути ко рту. Через мгновение я спросил:

"Правильно ли я понимаю, что вы беспокоитесь о том, что китайцы собираются развязать войну..."

Шеф нетерпеливо покачал головой: "Они уже ведут войну, Алекс. Они уже воюют с нами".

Я улыбнулся и кивнул, начиная понимать: "Без нашего ведома". Я прочитал: "Искусный вождь покоряет войска врага без боя. Он захватывает их города без осады и низвергает их царства без сражений в поле". Итак, они воюют с нами, но мы об этом не знаем, поэтому не сопротивляемся. Нам понадобилось восемь лет, чтобы отреагировать на схему "Пояс и путь". Хорошо, я понимаю, но что-то должно было случиться, иначе я был бы у вас здесь восемь лет назад, а не сейчас".

Шеф кивнул своей огромной головой и сказал что-то вроде "Умф", потому что его рот был полон. Он осушил свою чашку и, наполняя ее, сказал: "Мы наблюдали за ними. Неэффективная политика, граничащая с имбецилизмом и преступной халатностью, но чем могущественнее становится Пентагон, тем неохотнее он использует свою власть, если не видит реального физического насилия. А наши секретные службы так заняты погоней за исламскими террористами, что не замечают тигра, который только что вошел в комнату". Он ткнул в меня толстым пальцем: "Я уже давно считаю, что Пекин финансирует исламских террористов, чтобы отвлечь наши службы, пока они готовят полномасштабное нападение".

"И подозревая это нападение, вы следили за Пекином".

"Естественно".

"И хорошим местом, откуда можно наблюдать за Пекином, не бросаясь в глаза, является Манила".

"Естественно".

"Вы хотите, чтобы я поехал в Манилу наблюдать за Пекином вместо вас?"

"Видишь, Алекс? Ты начинаешь хорошо, но увлекаешься собственным умом и заходишь слишком далеко. Неужели ты думаешь, что за последние десять лет у меня в Маниле не было человека, который следил бы за Пекином? У меня уже давно есть ячейка в Маниле со связями в Пекине и других частях Китая".

"Но...?"

"Эта ячейка исчезла".

Мы смотрели друг на друга в течение десяти секунд, что является очень долгим временем, чтобы смотреть на кого-либо, пока, наконец, я не сказал: "Когда вы говорите "исчезла", что именно вы имеете в виду?"

"Я имею в виду, что мой куратор в Маниле исчез с радаров. Он не звонил, не включал аварийные протоколы, его никто не видел, а его команда из четырех агентов ушла на дно, и их невозможно найти, черт возьми! Как ты думаешь, о чем я?"

"У нас есть еще кто-нибудь в Маниле?"

"У нас есть несколько чиновников в полиции. Мы не владеем ими, но они сотрудничают. У ЦРУ там есть полевой офис, и они сотрудничают, до определенного момента. Но нечто подобное наносит ущерб нашей репутации, и я не хочу обращаться к ним за помощью без крайней необходимости". После этого он добавил: "У Моссада там тоже

есть отделение, но они не всегда готовы сотрудничать".

Я был удивлен, и мои брови сказали об этом: "У Моссада есть офис в Маниле?".

"Я только что сказал вам, что китайцы финансируют исламских террористов. В Маниле есть большая мусульманская община. Естественно, "Моссад" интересуется Китаем и Филиппинами. Последнее, что я знаю, это то, что мой куратор нашел источник в посольстве, который он использовал. Он сказал, что получил интересующую его информацию. Куратор должен был проинформировать меня и пропал с экранов радаров. Вот и все, что я знаю".

"И что вы хотите, чтобы я сделал?"

"Я хочу, чтобы вы отправились в Манилу, выяснили, что случилось с моим куратором - вернули его проклятый ноутбук! Одному Богу известно, какая информация на нем! И выяснить, что это за информация, которую он должен был передать мне".

"И это все?"

Шеф вскинул бровь и прорычал: "Если ты чувствуешь, что это слишком много для тебя..."

"Мне понадобится досье и все те имена, которые вы старательно избегали упоминать".

"Естественно".

"Когда мне уезжать?"

"Завтра в полдень, двенадцать пятнадцать, если быть точным, с Ана Юнайтед". Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнул юмор: "Это не ссылка на способ, которым вы полетите, а название авиакомпании, All Nippon Airlines, которая вступила в партнерство с United".

"Мне нравится эта игра, сэр, когда я пытаюсь угадать, забавляетесь ли вы".

"Вы прибываете в восемь пятьдесят пять утра по местному времени, после изнурительных двадцати часов сорока минут. Вам следует взять книгу. Я бы посоветовал что-нибудь из Джека Керуака или Аллена Гинзберга. Кто-нибудь из поколения "битлов". Они всегда быстро усыпляют меня".

"Вам все еще смешно, сэр?"

"Не думаю, что я что-то упустил. Лавджой даст вам все необходимое. Вы можете идти."

Глава Вторая

За неделю до этого и за восемь тысяч пятьсот пятьдесят пять миль, в понедельник, 26 апреля, Марион Джеймс разговаривала с матерью по мобильному телефону. Она сидела на крошечной террасе бара "Счастливая пчела" на улице Сан-Рафаэль, рядом с прачечной "Ледяной щит", где можно было не только постирать одежду, но и купить чистую питьевую воду. По другую сторону кирпичной стены рядом с баром находилась заброшенная фабрика с бамбуком и пальмами, буйно растущими из стен, и беспорядочно расставленными ржавыми металлическими бочками. Одна из этих пальм пощекотала ей затылок, и она рассмеялась тем смехом, которым люди отмахиваются от завуалированных упреков.

"Конечно, я скучаю по тебе! Но мне здесь нравится, мама. Я имею в виду, я бы не осталась здесь, если бы мне не нравилось, не так ли?"

Стоицизм боролся с тревогой в голосе ее матери, и она проиграла.

"Я знаю, дорогая, просто прошло так много времени. Ты сказала, что вернешься домой шесть месяцев назад! Потом ты пропустила Рождество, теперь Пасху. Ты уверена, что все в порядке? Мы с твоим отцом очень скучаем по тебе. И мы волнуемся!"

Марион откинулась в кресле и боролась с комком в горле: "Я знаю, мама, я тоже по вам скучаю..."

"Ну тогда, - голос ее матери приобрел просительный тон, - если дело в деньгах, мы с твоим отцом можем оплатить билет, а когда ты будешь здесь..."

"Нет, честно, мама, дело не в деньгах. Правда, как я уже сказала, это работа".

"Но, конечно, они могут дать тебе пару недель, чтобы съездить домой и повидаться с семьей".

Марион посмотрела вниз на свои бледные ноги и ступни в синих пластмассовых шлепанцах, и ей вдруг стало жаль обыденной разумности пригородной Англии. Она прикусила губу и вытерла слезы с глаз тыльной стороной пальца.

"Понимаешь, это не обычная работа, мама. Это посольство. Есть всевозможные вопросы безопасности и прочее".

"Но, конечно, ты не участвуешь в этой стороне дела, Ронни. Ведь ты даже не китаянка!"

Она улыбнулась старому прозвищу: "Нет", - сказала она с небольшим, влажным смешком: "Нет, конечно, нет, но они должны работать по расписанию и тому подобное, и если они говорят, что ты должна работать, ты не можешь отказаться".

Ее мать замолчала, и они сидели в тишине вместе, хотя их разделяло шесть тысяч семьсот миль. Наконец ее мать сказала: "Я твоя мать, милая. Ты уверена, что рассказываешь мне все?"

Марион искадила лицо и сильно укусила себя за палец. Она боролась с дыханием, сделала глубокий, дрожащий вдох и сказала: "Конечно, мама".

"Тогда почему ты плачешь, Ронни? Слушай, если у тебя проблемы, если есть какие-то проблемы, мы с папой здесь, чтобы помочь. Почему бы тебе просто не сказать мне...?"

"Честно, мама. Нет никаких проблем". Она заставила себя говорить бодро: "Просто, ты знаешь, каково это на новой работе. Ты застреваешь на всех работах, которые никто не хочет делать, на всех сверхурочных, которые никто не хочет делать. Хотя в долгосрочной перспективе это будет здорово для моего резюме, мама. Я имею в виду, китайское посольство! Я смогу найти отличную работу, когда вернусь домой, с таким опытом". Ее мать

вздохнула. Марион быстро сказала: "Слушай, я лучше пойду. Мне нужно возвращаться на работу. Я позвоню тебе позже или завтра".

"Поговори с ними на работе, ладно, дорогая? У тебя должен быть начальник или что-то в этом роде. Скажи ему, что твоя семья хочет тебя видеть".

"Я сделаю это, мама, обещаю. Я люблю тебя".

"Я тоже тебя люблю, Ронни. Оставайся в безопасности, дорогая".

Она повесила трубку, и внезапно наступила огромная, всеобъемлющая тишина. Внутри бара две женщины кричали, как смеющиеся попугаи, потом проехал двухтактный мотоцикл со снятым глушителем, заставив птиц на деревьях взлететь. Четверо худых детей в шортах забыли свой синий мяч и начали бить и пинать друг друга, крича на тагальском языке. Но все это не нарушало огромной тишины, которая повисла вокруг Марион после того, как умолк голос ее матери.

Она сидела несколько минут, глядя на два пластиковых пакета с продуктами, которые лежали на полу рядом с ее стулом. Если она будет осторожна, они доживут до конца недели, но ей будет трудно заплатить за квартиру за май.

Она достала из кармана мобильный телефон и уставилась на экран. Он не показывал ничего нового, не давал никакой надежды. Она обратилась к адресной книге и нашла Эда. Он сказал ей никогда не звонить ему, но он не оставлял ей выбора, и она смотрела, как ее палец, словно чужой, навис над его номером, а затем нажал кнопку вызова. Звонок прозвенел шесть раз, и она уже собиралась повесить трубку, когда на линии раздался его голос.

"Я думал, что просил тебя никогда не звонить мне".

"Эд, я не могу так больше продолжать. Я только что разговаривала с мамой..."

"Пожалуйста! Пощади меня! Мы так не ведем дела. Ты понимаешь, насколько это рискованно?"

"Нет, Эд, ты должен выслушать меня".

"Прекрати использовать мое имя! Ты с ума сошла?"

"У меня почти нет еды на неделю, и я не смогу заплатить за квартиру. Ты сказал, что собираешься заплатить мне!"

"Марион! Прекрати немедленно!"

Ее голос стал пронзительным: "Так что же мне делать? Как я должна питаться? Где я должна жить?"

"Заткнись!" Она замолчала: "Ты сама виновата, - продолжал он, - что изначально попала в такую ситуацию".

"Я знаю, Эд, но я не могу идти по улицам. Я умру в течение недели. Моя мама уже говорит о том, чтобы приехать сюда и забрать меня домой. Ты должен мне помочь".

"Хорошо. Мы должны уйти с линии. Слушай, мы встретимся. Во вторник, встречаемся в одиннадцать тридцать в Национальном музее, в галерее номер один, знаешь такую? Религиозное искусство семнадцатого-девятнадцатого веков. Когда увидишь меня, сделай вид, что ты меня не знаешь. Остановитесь и полюбуйте одним из святых. Если мы будем поняты, я случайно остановлюсь рядом с тобой, и мы обсудим статую или картину. Это понятно?"

"Ты думаешь, что сможешь мне помочь?"

"Да, но ты не должна мне больше звонить. Ты даже не представляешь, насколько это опасно".

"Хорошо, я не буду, но ты не должен меня бросать".

Он повесил трубку, и она снова осталась в этой пронизывающей, всепроникающей тишине.

Она допила колу и поняла, что ее руки слегка дрожат. Она была близка к панике, но сказала себе, что Эд справится. Он все уладит. Он не оставит ее на произвол судьбы. Он позаботится о том, чтобы с ней все было в порядке. Кроме всего прочего, она была нужна ему. Ему нужна была ее память.

Она поднялась и прошла триста ярдов по Сан-Рафаэлю и Санта-Ане до Сан-Хоакина чувствуя, как тревога закручивается в ее нутре и вызывает тошноту. Она повернула налево и короткими шагами направилась к детской поликлинике и обилию деревьев, которые частично скрывали разрушающийся многоквартирный дом напротив ее квартиры. С каждым шагом ей все больше казалось, что она входит в тюрьму. Куда бы она ни посмотрела, везде видела выкрашенные в белый цвет железные решетки: на окнах, на дверях, на террасах и балконах. В каждом доме, мимо которого она проходила, ей казалось, что дверь сделана из крашеной, облупившейся стали.

Скрежет и шлепанье ее резиновых шлепанцев вдруг громко зазвучали в ее ушах, как панически бьющееся сердце. Банда мальчишек в шортах остановила свою игру в уличный футбол, чтобы посмотреть, как она проходит мимо. Она отчетливо осознавала, что выделяется на их фоне из-за очень бледной кожи и светлых волос. Она прошла мимо овощного ларька, бакалейной лавки и кофейни, которые занимали угол улицы под огромным грязным зонтиком от кока-колы. Зонт дополнялся грязным тентом из кусков пластика, прикрепленных к импровизированному деревянному каркасу. Под ним, в его тени, женщины, делавшие покупки, приостановились в своем визгливом разговоре, чтобы посмотреть на нее. Мужчина с пивным животом и в футбольной футболке Аргентины высунулся из кафе, держа в руках бутылку пива, чтобы посмотреть, как она вставляет ключ в железную дверь и входит внутрь.

Она взбежала по деревянной лестнице без коврового покрытия, отперла белую дверь в свою квартиру, захлопнула ее за собой и побежала на кухню, где бросила продукты на маленький складной стол из формики, опустилась на стул из формики рядом с ним и разрыдалась. Она не закрыла лицо. Ее руки сжались в маленькие розовые кулачки на коленях, и она устала на стопку грязных тарелок в раковине, на мух, которые нагло перебирались на них, на накопившуюся грязь на оконных стеклах, и она стонала и выла так, как не стонала с шести лет. Но теперь не было мамы и папы, которые могли бы обнять ее и сказать, что все будет хорошо. Теперь не было мамы и папы, потому что теперь она не могла сказать им, что случилось. Она не могла сказать им, что случилось, потому что все не будет хорошо.

Она не могла никому рассказать, кроме Эда.

Она осторожно раскачивалась взад и вперед, нижняя губа сжалась над зубами, лицо было залито слезами, и она повторяла снова и снова: "О, Боже, что мне делать? Господи, помоги мне, что мне делать?"

В конце концов, она удалилась в спальню, свернулась калачиком под одеялом и погрузилась в сон. Она проспала почти двенадцать часов и встала в полночь, чтобы поставить в духовку частично размороженную пиццу. Когда все было готово, она вернулась в постель и снова заснула до семи утра. Затем она встала, постаралась принять душ и привести себя в приличный вид и отправилась на работу в китайское посольство.

Там ее начальник, мужчина в плохо пошитом синем костюме и с жестокими глазами, накричал на нее и сказал, что она похожа на бродягу. Она не может работать в китайском посольстве как бродяга, поэтому ей лучше купить себе новую одежду до завтра. На что она кивнула, промолчала и продолжила работу.

В течение трех раз ее начальник подходил к двери ее маленького кабинета и заглядывал внутрь. Каждый раз Марион делала вид, что не замечает его, и сосредоточивалась на экране компьютера. В конце концов он ушел.

Неделя пролетела незаметно. Она сделала уборку в квартире, постирала и отгладила свой синий костюм, уложила волосы. Постепенно продукты в холодильнике заканчивались. Надежда на то, что во вторник может прийти помощь, поддерживала ее, и по мере приближения выходных отчаяние стало сменяться если не оптимизмом, то, по крайней мере, осторожным мужеством. Эд поможет ей, сказала она себе, потому что в противном случае она может доставить ему много неприятностей, и он это знал. Но она не знала, хватит ли у нее смелости встретиться с ним лицом к лицу и бросить ему вызов. С другой стороны, то, чего не могла добиться одна лишь смелость, могло сделать отчаяние.

В понедельник она попросила у своего начальника отгул на вторник. Он накричал на нее, назвал ленивой шлюхой и пригрозил уволить, но вместо этого дал ей выходной, сказав, что ей придется работать сверхурочно без оплаты, пока не будут наверстаны восемь часов.

Она вернулась домой, где ела вареный белый рис и плакала, пока не упала на кровать и не накрылась одеялом, чтобы погрузиться в жалкий сон.

Она проснулась в панике в семь утра от рева маленьких мотоциклов на улице, постоянных криков филиппинцев, говорящих одновременно, и визгливого смеха женщин. Она села, с горячим, подергивающимся беспокойством в животе, и побежала в ванную, где попыталась вызвать рвоту, но не смогла, потому что желудок был пуст.

Она почистила зубы, приняла душ, оделась и посмотрела на часы. Было только восемь двадцать. Оставалось еще три часа. У нее не было денег на rousse-rousse, не говоря уже о такси, так что придется идти пешком. Она прикинула, что идти придется не меньше четырех миль, а это добрых полтора часа. Она могла бы начать прямо сейчас.

Она вышла из своей квартиры, дошла до Бони-авеню и повернула на север по грязной улице с беспорядочным клубком перекрещивающихся воздушных кабелей, покосившихся телеграфных столбов и разбитых тротуаров. За последний год она возненавидела этот город, и поэтому, идя, видела только то, что ненавидела: старые, но не старинные здания, их некрашенные стены, грязные от пыли, неухоженные, граффити, беспорядочные знаки, расставленные где попало и как попало, шумный, грязный транспорт, не уважающий ни пешеходов, ни дорожные знаки. Все это наполняло ее гневом, разочарованием и ненавистью. И пока она шла, она молилась богу, в которого не верила, чтобы Эд смог помочь ей сегодня.

И если он поможет - она погрузилась в ходячую мечту - если он поможет, она выплатит все, что должна, тут же позвонит матери и примет ее предложение о билете домой. Может быть, они смогут прислать ей несколько сотен фунтов, и она сможет купить новую одежду, сделать прическу, провести последнюю ночь в приличном отеле, принять нормальную ванну и спать в приличной постели с чистыми простынями.

Она улыбнулась, увидев себя выходящей из аэропорта Хитроу, где ее ждут мать и отец, машущие ей рукой. Может быть, Бобби, ее брат, тоже придет, ведь прошло столько времени, а она была так далеко. Они поселят ее в ее старой комнате, пока она не найдет работу и собственное жилье. Они вернулись бы к прежней рутине: ранний подъем, помощь

маме на кухне, воскресный ужин...

Она сказала себе, что никогда не будет говорить с ними о том, что произошло, но в мыслях она видела, как завтракает с мамой, и все выплескивается наружу, мама обнимает ее, а она рыдает и умоляет о прощении.

У Нью-Панадерос она повернула налево и рассеянно отметила про себя, что вся Манила похожа на один огромный промышленный район. Теперь она шла на юг, к мосту Ламбинг, перекинутому через реку Пасиг. Во встречном направлении проехала белая "Тойота", ехавшая слишком быстро, виляя с полосы на полосу. Она нахмурилась, проклиная филиппинских водителей.

Неожиданно для себя она вспомнила ту ночь у залива, когда она выпивала в убогом ночном клубе на улице Адриатики. Она мысленно видела каждую черточку его интерьера. Ей было скучно и хотелось домой, она уже тогда думала о том, чтобы отказаться от восточного приключения и вернуться в Лондон.

Ее близкими друзьями тогда были Мэтт и Сьюзен. Каждая деталь их одежды была свежа в ее памяти, как будто она смотрела на них сейчас. Все, что они делали той ночью, все места, где они побывали, были яркими и живыми. Она покачала головой, пока шла. Они все были пьяны, смеялись, танцевали, а потом к ней подошел молодой американец.

Она не танцевала. Он спросил ее, почему. Она ясно слышала его голос в своей голове. Все ли с ней в порядке? Он протянул ей руку. Его звали Дон. Ему тоже не нравилось такое шумное место, сказал он. Он пришел с друзьями, но это была не его стихия. Если бы ему нужны были такие вещи, он бы остался в Лос-Анджелесе, верно? Верно.

До этого момента он стоял, но теперь сел.

"Эй, - сказал он с большой, дружелюбной, красивой улыбкой, - не хочешь посмотреть на настоящую филиппинскую ночную жизнь?"

Она подняла на него бровь и рассмеялась: "Я не уверена, что хочу".

Он тоже рассмеялся: "Нет, это не то, что ты думаешь. Они собираются в таких убогих барах, пьют пиво и играют в филиппинский маджонг. Игра отличная, ты действительно в нее погружаешься, они от нее без ума. И эй! По крайней мере, ты можешь услышать свои мысли. Мы можем выпить пару кружек пива и поиграть, а потом я отвезу тебя домой, как безупречный джентльмен. Честь скаута".

Он так и сказал. Честь скаута. Она помнила каждое слово.

Он казался таким приятным и таким надежным, что она согласилась.

Сама того не замечая, она дошла до улицы Генерала Луны. Она свернула на нее и пошла вниз, мимо Собора Славы к музейному комплексу. Она пришла рано, как и ожидала, поэтому прошла в небольшой сад напротив музея, который выходил на поле для гольфа, нашла скамейку и села. Ноги болели от долгой ходьбы, но она почти не замечала этого.

Ее мысли вернулись к той ночи. Она часто задавалась вопросом: если бы она отказала Дону в тот вечер, где бы она была сейчас? Возможно, дома, в Лондоне; возможно, замужем, с ипотекой, думая о детях.

Но все это, все эти надежды, потенциал, возможности для счастья - все это - все - было стерто из ее жизни, уничтожено из-за одной игры в маджонг.

Глава Третья

В этот самый момент, в четырех с половиной милях от этого места, если считать по полету ворона, когда он летит немного восточнее юго-востока, Бао Лю, или, как говорят китайцы, Лю Бао, сидел в маленькой комнате на Катипунан-авеню, уставившись на экран портативного компьютера. Программное обеспечение не было ему знакомо, и это было его первой проблемой, потому что, прежде чем начать думать о взломе компьютера, ему нужно было узнать, что такое операционная система и как она работает.

Сначала казалось, что она основана на технологии Apple, но как только он начал ее исследовать, появились всевозможные защитные системы, не имеющие ничего общего с Apple. На самом деле это было похоже на то, чего он никогда раньше не видел.

Это беспокоило его не только потому, что это усложнило бы его работу, но и потому, что его начальник дал ему понять, что эта работа настолько важна, насколько это вообще возможно. Он сидел в кресле рядом с его столом и наблюдал за ним спокойными, ничего не выражающими глазами.

"Вам нравится ваша работа здесь, в посольстве, Бао? Работаете также на новом факультете, таком молодом! Не многим таким молодым, как вы, выпадают такие возможности".

"Да, господин Ванг. Я очень счастлив здесь и очень благодарен".

"Вы понимаете, что мы даем вам сложную работу, чтобы помочь вам самосовершенствоваться".

"Да, господин Ванг, я очень благодарен".

Господин Ван кивнул, а затем добавил: "Эта работа важна не только для вас. Она важна для Чжун Гуо, - улыбка тронула его тонкие губы и едва заметно скривила уголки глаз, - Тьян Чао, нашего Небесного Царства, Бао. Вы понимаете это?"

Бао кивнул: "Да, господин Ванг".

Улыбка исчезла с лица господина Ванга: "Это может иметь далеко идущие последствия для вашей семьи, вашей матери, вашего отца и для вашей девушки. Вы планируете жениться в декабре, я прав?"

Ванг дал тонкой, подразумеваемой угрозе несколько секунд на осмысление, а затем улыбнулся Бао так, что кровь отхлынула от его лица.

"Выполняйте эту работу хорошо, Бао, и вы сможете обеспечить своей девушке и своей семье счастливое, процветающее будущее. Вы находитесь на развилке жизненного пути, Бао. Решите эту проблему, и перед вами откроется много-много дверей. Провал..." Господин Ванг покачал головой. Неудача, как он предполагал, была тем, о чем он не хотел говорить.

Но Бао казалось, что все двери для него не открыты, а закрыты. Ведь не зная операционной системы, как он мог надеяться попасть внутрь?

Его голова раскалывалась, а глаза болели. И все же, возможно, была какая-то надежда. Если это была не совсем другая операционная система, а просто другое программное обеспечение, установленное на систему Apple, как программа-паразит, работающая внутри операционной системы и изменяющая ее, не заменяя, то, возможно...

Он подался вперед, с горячим страхом и тревогой в мозгу, и начал печатать.

Всего в пяти милях к югу и востоку Джей Хоффстаддер сидел в своем современном, минималистском офисе с видом на парковку Юридического отдела. За ним сквозь густую листву деревьев виднелись крыши Ромуло Холла. Он смотрел и размышлял о планах. Он задавался вопросом, почему Эд не связался с ним, как должен был. Как долго он должен ждать? Это было совершенно не в его духе, а Эд всегда был в своем стиле. Этот факт значительно усиливал его беспокойство. За два с лишним года, что он работал с Эдом, Эд ни разу не опоздал.

Так пришло ли время приводить план в действие?

Джозеф Хеллер говорил: "Ничто никогда не работает по плану". Он не ошибался. Сам акт запуска плана порождает хаос и изменяет его еще до того, как он начался.

"В чем же тогда, - спросил он вслух, - смысл плана?"

Он осознал, что постукивает пальцами в такт песне "Breathe" из альбома Pink Floyd "Dark Side of the Moon": "Все, к чему ты прикасаешься, и все, что ты видишь, - это все, чем будет твоя жизнь".

Смысл плана в том, чтобы дать вам знать, куда вы идете, и обмануть вас, заставив поверить, что вы знаете, как вы туда попадете.

Зуммер вывел его из задумчивости, и он поднял трубку внутреннего телефона. Это была его секретарша.

"Да, Мэй".

"К вам инспектор Херардо Баккей, доктор Хоффстаддер". Он почувствовал жжение в кишках, но скрыл его и сказал: "Впустите его, пожалуйста".

Дверь открылась, и вошел стройный мужчина в плохо пошитом, блестящем сером костюме. Джей встал и улыбнулся, протягивая руку.

"Джерри, рад тебя видеть. Как дела?"

Инспектор взял протянутую руку и пожал ее один раз без энтузиазма. Его английский был хорошим, с небольшим акцентом.

"Мне стало лучше, Джей. Как Глория и дети?" Он произнес это как формулу и сел без спроса.

"Хорошо, они в порядке. Что я могу для тебя сделать, Джерри?"

Глаза инспектора остановились на окне, а его пальцы барабанили бессознательную дробь по ручке кресла.

"Вы знаете доктора Эдварда Хэмптона". Интонация не была вопросительной.

Джей знал, что вопрос вполне вероятен, но даже в этом случае он не был к нему готов. Чтобы скрыть свое беспокойство, он улыбнулся и сказал: "У вас есть время выпить кофе?".

Инспектор улыбнулся в окно, затем повернулся к Джею. Улыбка говорила о том, что он знал, что потряс его: "Да", - сказал он, - "было бы неплохо".

Он смотрел, как Джей нажимает кнопку интеркома: "Мэй, принеси нам кофе, пожалуйста".

"Сейчас, доктор Хоффстаддер".

Инспектор Херардо Баккей продолжал выжидающе смотреть на Джея. Джей нахмурился и улыбнулся одновременно: "Эдвард Хэмптон, Эд, да, конечно. А что?"

"Когда вы видели его в последний раз?"

Джей почесал ухо: "Точно не знаю. Он не самый общительный член сообщества эмигрантов. Должно быть, около месяца назад? Кажется, я помню, что он был на мероприятии в Департаменте международной торговли. Это ведь его сфера деятельности, не

так ли?". Инспектор Херардо Баккей не ответил. Он просто наблюдал за Джем со следами улыбки в глазах. Джей нахмурился: "Если вы скажете мне, в чем дело, возможно, я смогу вам помочь".

Взгляд Баккея переместился на край стола Джея. Он протянул руку и осторожно коснулся его, как будто не был абсолютно уверен, что он настоящий.

"Доктор Хэмптон - это то, что мы называем интересным человеком".

Хоффстаддер рассмеялся, затем, видя, что это было воспринято не очень хорошо, стал серьезным: "Эд? Seriously?"

Теперь в глазах инспектора Баккея был след раздражения.

"Вы будете удивлены, Джей, тем, каких людей мы находим интересными. Академики и дипломатический персонал - одни из тех, кого мы находим наиболее интересными. Кажется, что они всегда занимаются вещами, которые не совсем связаны с их заявленной работой. Доктор Хэмптон попадает в обе эти категории".

Джей кивнул: "Да, я знаю, что он был прикреплен к посольству США в качестве советника по торговле. Меня удивило то, что вы считаете его интересным. Вряд ли я могу представить кого-то менее интересного!"

Инспектор проигнорировал это замечание: "Как за человеком, представляющим интерес, мы наблюдали за ним. И за последние тридцать шесть часов он исчез".

Хоффстаддер сел вперед: "Исчез?"

"Да, Джей, исчез".

Джей глубоко вздохнул и медленно поднял плечи: "Я хотел бы помочь тебе, Джерри, но, как я уже сказал, я очень мало общался с Эдом. Это было больше похоже на знакомство по кивку, чем на что-то еще".

Дверь открылась, и вошла Мэй с подносом с кофе, сливками и сахаром. Она поставила его, улыбнулась инспектору и ушла. Джей налил, и тишина стала тяжелой и неуютной. Передавая Баккею его чашку, Джей сказал:

"Джерри, что у тебя на уме? Мы знакомы уже несколько лет, и надо быть слепым, чтобы не заметить, что тебя что-то беспокоит". Он сделал глоток своего кофе и выдержал взгляд полицейского. Отставив чашку, он продолжил: "Я уже говорил тебе, что мы с Эдом были знакомы, и в последний раз я видел его, - он сделал паузу, - думаю, около шести недель назад. Если важна точная дата, я могу попросить Мэй уточнить, когда была эта конференция".

Инспектор Херардо продолжал следить за его лицом, как будто наблюдал за сценой, разыгрывающейся на экране телевизора: "Мы знаем, когда была конференция, Джей".

Джей покачал головой: "Нет", - сказал он и поднял указательный палец правой руки: "Нет, я говорю ложь..."

Баккей поднял бровь: "Ложь?"

"Это манера речи, выражение. Я видел Эда совсем недавно. Наверное, неделю или десять дней назад. Он позвонил и спросил, не могли бы мы встретиться для беседы в каком-нибудь баре". Он нахмурился, словно в раздумье: "Скайро", кажется, он назывался, на Калаян-авеню".

"Что он хотел?"

Джей рассмеялся: "Денег! Он знал, что я близок с профессором Карло Пангаланганом деканом юридического факультета, и хотел, чтобы я потянул за ниточки, чтобы получить для него почетную кафедру на факультете. Я сказал ему, что не могу этого сделать. Я выпил

виски, он выпил газированной воды, и мы разошлись в разные стороны".

Инспектор Баккей несколько раз кивнул, затем вздохнул и сел вперед, поставив локти на колени и уставившись в пол.

"Позволь мне рассказать тебе, что у меня на уме, Джей".

"Конечно. Если я могу помочь, знай, я помогу".

Баккей поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с глазами Джея, и улыбнулся: "Что у меня на уме: почему ты мне лжешь?"

Джей нахмурился: "Успокойся, Джерри".

"Где доктор Хэмптон?"

"Понятия не имею".

"Ты привлечешь много нежелательного внимания, Джей. Ты этого не хочешь".

"Будь я проклят, Джерри! Ты мне угрожаешь?"

"Я не угрожаю тебе, Джей. Я предупреждаю тебя как друг".

Джей глубоко вздохнул и откинулся в кресле. Он молился о том, чтобы правильно выбрать время. Он со вздохом выпустил воздух и закрыл глаза.

"Хорошо, Джерри. Я буду откровенен с тобой. Ни для кого не секрет, что война с наркотиками на Филиппинах очень тяжелая. У нас безоружных женщин застреливают на улицах, детей полицейские загоняют в подворотни и убивают, местных чиновников расстреливают в тюрьме без суда и следствия. Независимо от прав и виноватых, для американского академика среднего класса это довольно тяжелые вещи".

Инспектор Баккей покачал головой: "И что?"

"У Эда, - Джей пожал плечами и развел руками, - эмоциональные проблемы. И единственное, как он мне сказал, что он может спать большую часть ночи, - это если он под кайфом. Ему нужна конопля, и он хотел узнать, могу ли я достать ее для него. Я сказал ему, что ни за что. Я не собираюсь подвергать свою семью риску, чтобы достать ему наркотики. Я сказал ему, чтобы он пошел к врачу".

"Ты хочешь сказать, что доктор Хэмптон торговал наркотиками?"

"Нет, Джерри! Я говорю тебе, что у него были проблемы со сном, если он не мог выкурить косяк!".

Инспектор Херардо Баккей положил руки на колени и встал.

"Мой совет тебе, Джей, как другу, - будь очень осторожен с теми, с кем ты общаешься в ближайшие несколько недель. Мы будем наблюдать".

Он ушел, не допив кофе и не попрощавшись. Общение без помощи языка было ясным. Он не мог рассчитывать на то, что дружба инспектора Херардо Баккея вытащит его из горячей воды, если он по неосторожности в нее попадет.

Эта мысль вызвала выброс адреналина в его животе, и он потянулся к телефону. Голос его секретаря сказал: "Да, доктор Хоффстаддер?".

"Мэй, соедините меня с моей женой, хорошо?"

"Сейчас, доктор Хоффстаддер".

Он положил трубку и откинулся в своем огромном кожаном кресле. Небо над листвой над Ромуло-Холлом казалось странно неподвижным. Это напомнило ему тот случай, когда он принимал кислоту в колледже в Нью-Йорке. Тогда у него тоже было ощущение полной неподвижности и безвременья, что время - это вызванная химикатами иллюзия, которая скрывает бесконечность других реальностей, сосуществующих с этой. На этот раз в нем нарастал ужас от того, что некоторые из этих реальностей могут внезапно стать

неприкрытыми. Реальность, например, оказаться в филиппинской тюрьме.

Телефон напугал его, и он сел вперед, чтобы поднять трубку.

"У меня ваша жена на первой линии, доктор Хоффстаддер".

"Спасибо, Мэй". Он нажал на первую линию: "Привет, дорогая".

"Джей, все в порядке?"

"Конечно, разве влюбленный муж не может время от времени звонить своей жене, чтобы сказать, что любит ее?"

Она помолчала мгновение, затем: "Я могу вспомнить нескольких моих друзей, которые сказали бы мне, что я сейчас очень подозрительна, и если ты принесешь мне цветы сегодня вечером, я должна с тобой развестись".

"Это для тебя циничные американские жены эмигрантов. Знаешь, на что я падох, Глория?"

Он использовал ее имя намеренно, чтобы привлечь ее внимание к тому факту, что он говорит серьезно. У них был разговор - или, как она называла его, "Разговор" с большой буквы - много лет назад, когда он рассказал ей о двойственном характере своей работы. Время от времени он напоминал ей об этом, чтобы она не останавливалась на достигнутом. Теперь он заметил по ее голосу, что она уловила сигнал.

"Что тебе приглянулось, Джей?"

Он придал своему голосу теплоту, которой не чувствовал: "Помнишь тот милый ресторанчик, который мы открыли несколько месяцев назад в заливе Бакур?"

"Конечно, да, там была отличная еда. Хочешь поехать туда снова? Туда можно доехать".

Он мог слышать напряжение в ее голосе. Она знала, что он ей говорит.

"Полчаса, не больше. Может, поедем туда на выходные? Может быть, мы могли бы остаться там, а вернуться в воскресенье вечером".

"Да, я скажу детям. Они будут в восторге".

Он тепло усмехнулся, чего не почувствовал, и спросил "Что на ужин?"

Это была ее реплика, чтобы подтвердить, что она все поняла: "О, - сказала она, - я думала зажарить курицу и испечь яблочный пирог".

"Мой любимый", - сказал он и рассмеялся, смех был пустым: "Ты куколка, дорогая. Я люблю тебя. Ты ведь знаешь это, правда?"

"Конечно".

"Скажи этим циничным "кофейным женам", чтобы они шли к черту. Я и ты, детка".

Ее голос был едва слышен: "Я и ты..."

"До вечера, малышка".

"До вечера", - ответила она, хотя они оба знали, что не увидятся.

Глория повесила трубку и первым делом зашла в настройки своего телефона и отключила службу глобального позиционирования. Затем она взбежала по лестнице в кабинет мужа. Она открыла шкаф с канцелярскими принадлежностями, сняла деревянную панель и открыла сейф. Дрожащими пальцами она быстро повернула циферблаты и со второй попытки открыла тяжелую стальную дверь. Внутри лежали три паспорта, один для нее, по одному для детей, на имена Джулии Хенсон и Марка и Элизабет Хенсон. Выбор пал на Марка и Элизабет, потому что это были имена их детей, и не было необходимости сообщать детям о случившемся или говорить им, что они должны использовать другие имена.

Там же была белая кожаная сумка, в которой лежали пять тысяч долларов наличными,

черная Visa и водительское удостоверение. Она выхватила все это, потратила десять минут на то, чтобы забронировать три места на ближайший рейс в Лос-Анджелес, распечатала посадочные талоны и сунула их в белую кожаную сумочку. Затем она сбежала вниз по лестнице.

Из дома она не взяла ничего, кроме ключей от машины. Она отправилась в гараж и села за руль своего BMW. Там она сидела с закрытыми глазами, медленно дыша и считая в обратном порядке от десяти до одного и нуля. Затем она нажала на пульт дистанционного управления, чтобы открыть дверь гаража, и осторожно выехала.

Она поехала на юг по проспекту Катипунан до пересечения с бульваром Аврора. Всю дорогу она повторяла про себя мантру из наставлений, которые дал ей муж. Прежде всего, сохранять спокойствие и вести себя так, как будто ничего не произошло. Взять машину и припарковать ее у "Метробанка", затем пройти три негритянских квартала до Гарварда, сто пятьдесят ярдов вверх по Гарварду, слева - "Овен Рент-а-Кар". Не сразу она узнала бы в ней фирму по прокату автомобилей.

Она доехала до перекрестка с 15-й авеню, сделала разворот и подъехала к парковке у Метробанка. Припарковав и заперев машину, она вернулась к пешеходному переходу на 15-й авеню. Там она перешла дорогу среди хаоса автомобильного движения и поспешила мимо "7-Eleven" в Гарвард. Мужчины в лавке на углу наблюдали за ней, покуривая. Одна пара окликнула ее с плохо скрываемой наглостью: "Такси трайцикл! Вам нужен трайцикл? Американское? Американский?"

Она проигнорировала их. Она поспешила мимо кафе "Rapture" и быстро пошла по Гарварду мимо голых бетонных стен, зданий с облупившейся желтой краской и вездесущих пустых участков, заросших подорожником и каучуковыми растениями. Дальше было хаотичное изобилие тротуарных лавочек, зонтиков и вывесок на вывесках, на любой поверхности и любого цвета под солнцем: "стоянка запрещена", "продается", "голосуйте за Рамона Лусену", "ешьте здесь", "остерегайтесь электрических проводов". А владельцы магазинов и их семьи сидели на порогах и на пластиковых стульях, всегда в бермудах и шлепанцах.

Это было не то, что она часто видела за те годы, что жила в Маниле. Она и ее друзья, как правило, оставались в своем мире эмигрантов, общаясь в основном с англоговорящими, учеными и дипломатами, которые, как она с благодарностью подумала, были маленьким кусочком Калифорнии в Маниле.

Пункт проката автомобилей, как и предупреждал Джей, обнаружился не сразу. Он находился во дворе, через ржавую железную дверь в сырой бетонной стене. На каком-то этапе истории кто-то покрасил дверь в оранжевый цвет. Теперь оранжевая краска облупилась, обнажив оранжевую ржавчину под ней. Над дверью висела нарисованная от руки табличка с надписью "Автомобили".

Внутри она поговорила с женщиной с тонкими, измазанными никотином губами, который, когда она назвала имя мужа, взял у нее сто долларов наличными за Volkswagen Golf. Он сказал ей, где припарковать машину, когда она закончит, и сообщил, что заберет ее на следующий день со стоянки аэропорта.

Оттуда она с нарастающим беспокойством поехала обратно по бульвару Аврора сквозь кишачий, клаустрофобный поток машин. На пересечении с Катипунан-авеню она проехала под мостом и мимо психоделического депо джипни "Сержант Пеппер", после чего ускорила и выехала на проспект. Она понимала, что едет слишком быстро, и заставила

себя сбавить скорость и двигаться вровень с потоком машин, пока не подъехала к детской школе. Там она свернула на парковку, нашла место вне поля зрения школьного офиса и тридцать секунд сидела в тихой панике, пытаясь взять под контроль свои дрожащие руки и дыхание.

Наконец она вылезла из машины и бодро зашагала внутрь. Хелен, заведующая, была в кабинете и разговаривала с Джудит, секретарем. Они обе подняли глаза и улыбнулись, когда она вошла. Хелен сказала.

"Глория, привет. Что мы можем для тебя сделать?"

Глория рассмеялась и покачала головой: "Хелен, мне очень жаль. Я совсем забыла, что у детей сегодня прием у доктора Хирша. А вы знаете, как он занят. Если мне придется отложить, неизвестно, когда он сможет снова их принять. Мне не хочется этого делать, но мне придется забрать их с уроков. Я принесу справку завтра утром".

"О, конечно. Мне знакомо это чувство. Этот парень - золотая пыль. Джудит, не могла бы ты взять детей Глории ради нее?"

"Конечно".

Джудит выскользнула из-за стола и поспешила за детьми. Хелен сказала что-то вроде: "Мы должны как-нибудь пообедать, прошло слишком много времени".

А Глория, благодарная за то, что хотя бы на несколько минут она могла притвориться, что все идет как обычно, улыбнулась и сказала: "Ты должна прийти к нам с Хэнком. Мы поужинаем. Джей очень хотел попробовать свое новое барбекю. Мы можем запустить детей в бассейн, заставить Хэнка и Джея поговорить об электроинструментах, а мы с тобой сможем расслабиться за бокалом джина с тоником!".

Они рассмеялись, и через пару минут Марк, которому было десять лет, и Элизабет, которой было восемь, а ей сейчас исполнилось сорок, появились с сумками и держали Джудит за руки.

"Мамочка, - говорила Элизабет, - почему ты не сказала нам, что мы идем к доктору Хиршу?"

"Потому что взрослые не все рассказывают своим маленьким деткам. А теперь идемте, поторопитесь, а то мы опоздаем".

Она вывела детей, помахав на прощание рукой, и они пробрались сквозь машины на стоянке к белому "Гольфу". Там Элизабет пожаловалась, что это не их машина. Мама сказала ей, что папа взял ее специально для них, чтобы они могли отправиться на поиски приключений.

Они забрались назад, пристегнулись ремнями, и Глория выехала со стоянки и направилась в аэропорт.

Глава Четвертая

Я взял Toyota Fortuner у Avis в аэропорту Ниной Акино и совершил получасовую поездку по Маниле до отеля Grand Hyatt на 8-й авеню. Поездка была познавательной и напомнила мне строчку Тома Уэйтса из "Вальсирующей Матильды": "Все сломано, никто не говорит по-английски, и я сегодня на коленях". Тот факт, что английский был официальным языком, наряду с тагальским, казалось, не имел большого значения. Так же как и тот факт, что эта страна считалась одной из самых динамично развивающихся экономик на Востоке, не повлиял на крайнюю нищету, очевидную в разросшихся трущобах, разбитых тротуарах и запущенной инфраструктуре города.

Я забронировал номер в отеле Grand Hyatt, где все говорили по-английски и ничего не было запущенным, убогим или сломанным, и отнес свои вещи в номер. Вознаградив посыльного, я разделся и двадцать минут стоял под горячим душем, время от времени переключаясь на холодный. После этого я переоделся в свежий льняной костюм, заказал кофейник крепкого черного кофе и завтрак и уселся на террасе, снова просматривая досье и запоминая факты.

Похоже, последним, кто видел человека из ОДИНа в Маниле, был полицейский по имени Даниэль Алькантара, который входил в команду, возглавляемую инспектором Герардо Баккеем. Согласно досье, Баккей был таким же склочником, как продавец подержанных автомобилей, баллотирующийся в президенты. Я мысленно отметил, что Баккей - хорошее место для начала.

Очевидно, управляющий Джеймс Каноса был другом ОДИНа и был готов организовать любые необходимые мне интервью. Я снял трубку и позвонил ему. Его секретарь соединил меня с ним.

"Мистер Мейсон", - сказал он, как будто мое имя было для него забавным: "Я ждал вашего звонка только завтра. Это долгий перелет из Вашингтона. Большинству людей нужно хорошо выспаться после прилета".

"Никогда за счет компании, инспектор. Не стоит терять время".

"Очень достойно восхищения. Скажите, чем я могу вам помочь?"

"Как вы знаете, мы обеспокоены исчезновением американского гражданина..."

"Да", - сказал он, и в его голосе снова послышалось веселье: "Мы полностью осознаем вашу озабоченность, мистер Мейсон".

"Хорошо. Поэтому мне было бы очень интересно поговорить с инспектором Херардо Баккеем, а также с офицером Даниэлем Алькантарой. Вы можете организовать это для меня?"

"Конечно, мистер Мейсон. Я попрошу инспектора Баккея позвонить вам в течение следующего часа. Алькантара - один из его парней, так что он все устроит".

Мы немного поболтали о погоде и золоте, и он сказал мне, что я должен увидеть его перед отъездом на барбекю. Я сказал, что так и сделаю.

Звонок Баккея раздался не через час, а через пятнадцать минут, когда служба обслуживания номеров доставляла мне в номер кофе и круассаны. Я дал парню десять баксов и ответил на звонок, когда он уходил и закрывал дверь.

"Мистер Мейсон, это инспектор Баккей. Чем я могу вам помочь? Вы были другом доктора Хэмптона?"

"Инспектор". Я сел и налил себе демитассе очень крепкого черного пива: "Спасибо, что связались со мной. Уверен, вы поймете, что это не та тема, которую мне хотелось бы обсуждать по телефону. Может быть, мы могли бы встретиться где-нибудь? Я уверен, что это не будет пустой тратой вашего времени, инспектор".

Это было гладко, как шелк, и улыбка была заметна в его голосе, когда он ответил.

"Я уверен, что это будет выгодно для нас обоих, мистер Мейсон. Как насчет торгового центра Uptown Mall на 11-й авеню в двенадцать часов дня? Ресторан "Бургеры и пиво" очень хорош".

"Звучит неотразимо. Я буду там".

Я закончил читать файл за поздним завтраком, взял машину и проехал пятьсот ярдов до Uptown Mall. В этой части города не было ни одной лачуги, и большинство тротуаров выглядели вполне целыми. На самом деле, все казалось сделанным из блестящего стекла и стали. Возможно, именно здесь находился динамичный восточный рынок.

Я оставил Toyota на подземной парковке и поднялся на эскалаторах на второй этаж. Пройдя немного, я обнаружил ресторан быстрого питания, который был оформлен как салун Дикого Запада, с большими красными пластиковыми буквами над распашными дверями, гласящими "Бургеры и пиво", а под ними - "Еда и напитки по-американски". Я так и видел Джефферсона, мирно улыбающегося в своей могиле, довольного тем, что его замысел стал реальностью.

Я пришел немного раньше, поэтому нашел столик у стеклянной витрины и заказал пиво, по-американски. Симпатичная официантка принесла мне его, и я спросил ее, знает ли она инспектора Баккея.

Она кивнула: "О да, он часто сюда приходит. Он любит встречаться здесь со своими друзьями".

"Когда он придет, скажите ему, что здесь мистер Мейсон".

Она кивнула и ушла. В течение следующих пятнадцати минут я играл в игру "угадай-ка" через окно, пытаясь заметить полицейского. Когда он наконец появился в двубортном блестящем сером костюме, который висел так, будто был на один размер больше, я уже не сомневался, что заметил его. Он прошел через распашные двери, и я был уверен, что в его голове звучит свист Эннио Морриконе. Симпатичная официантка поймала его взгляд и указала на меня. Он повернулся и пошел ко мне на маленьких хрустящих ногах. Я встал.

"Инспектор, как хорошо, что вы меня приняли".

Он улыбнулся тонкими губами и ничего не выражающими глазами: "Вы знаете, что на Филиппинах мы любим сотрудничать с США, когда это возможно, даже если потом мы попросим вас заплатить за это сотрудничество".

Я улыбнулся его косвенной ссылке на Соглашение о Силах Присутствия и кивнул, когда мы пожали друг другу руки и сели.

"Поверьте, я прекрасно понимаю, что у всего есть административные расходы, которые необходимо покрывать". Я выдержал его взгляд и добавил: "И я с радостью иду навстречу".

"Это всегда делает все намного проще. Знаете, многие филиппинцы беспокоятся, что если Соединенные Штаты бросят нас, то китайцы придут и захватят власть. Вон они сидят, - сказал он, жестом указывая на запад, - на рифе Уитсун. Все, чего мы хотим, - это жить дальше, чтобы никто не указывал нам, что делать".

"Политики создают беспорядок, инспектор Баккей; люди вроде нас с вами его убирают".

"Будем надеяться на это, мистер Мейсон. Итак, чем я могу вам помочь?"

"Наш друг, доктор Хэмптон, кажется, исчез. И я здесь, чтобы попытаться найти его".

Симпатичная официантка подбежала и поставила перед ним чашку кофе. Он не обратил на нее внимания, но протянул руку и коснулся блюда кончиком пальца: "Ваш друг, доктор Хэмптон, - шпион".

Я позволил своему лицу превратиться в камень: "Это, - сказал я, - такие разговоры отбивают у друзей охоту помогать с административными расходами на операции, которые в итоге могут стать очень дорогими, инспектор Баккей. Давайте проясним ситуацию: доктор Хэмптон был консультантом по международной торговле и международному праву, специализировался на китайских делах и консультировал правительство США по Китаю. Он не был шпионом".

Он с усмешкой посмотрел на свою кофейную чашку: "Простите меня, мистер Мейсон. Я ошибся. Так что, возможно, китайцы устали от того, что он так много консультировал их. Китайцы могут стать довольно агрессивными, когда думают, что это сойдет им с рук".

Я отпил кофе: "Мы здесь в стране спекуляций, или у вас есть факты, которые могут иметь административные издержки?"

"У меня есть некоторые факты, мистер Мейсон. Не спешите выбрасывать свои деньги или осуждать филиппинскую полицию. Я действительно считаю, что мы должны сотрудничать с американцами. Я не в восторге от идеи заменить вас китайцами".

"Хорошо, теперь я исправился".

"Мы поговорим об административных расходах позже. Сейчас я могу сказать, что мы следили за доктором Хэмптоном, потому что наши китайские друзья попросили кого-то на верхнем этаже присмотреть за ним".

"Есть идеи, кто?"

"О." Он пожал плечами, опустил уголки рта и покачал головой: "Возможно, генеральный директор, но я думаю, по указанию из офиса президента. Китайскому посольству стало известно, что доктор Хэмптон следит за ними, и им это не понравилось. Поэтому они попросили полицию присматривать за ним от их имени и докладывать о его передвижениях".

"И поэтому вы приставили к нему офицера Дэвида Алькантару".

"Среди всего прочего, да".

"В какой степени они были осведомлены о характере работы?"

"Совсем нет. Им сказали докладывать обо всех передвижениях, и все".

"Так когда вы впервые поняли, что он пропал?"

Он достал из кармана пачку "Кэмел", вытряхнул одну и прикурил от зеленой пластиковой одноразовой зажигалки. Он засунул пачку обратно в карман и сильно затянулся, втянув щеки. Вынув сигарету, он сделал глубокий вдох и выпустил дым маленькими затяжками, пока говорил.

"Алькантара был на дежурстве. Это была несложная работа. Доктор Хэмптон - человек привычки. Выходил из дома в восемь утра. Утром на работу, потом в американское посольство, вечером домой. Как часы. Но две недели назад он стал непостоянным. Все началось с того, что он договорился встретиться с доктором Хоффстаддером в баре под названием "Скайро".

Это название пощекотало края моей памяти: "Доктор Хоффстаддер?"

"Профессор международного права в Филиппинском университете".

Я кивнул. Он был в досье, один из известных членов ячейки, завербованных доктором Хэмптоном. Баккей снова заговорил.

"Он договорился встретиться с ним в "Скайро" на Калаян-авеню рядом с мемориальным кругом Кесона".

"Это было необычно?"

Он сделал уродливое лицо и пожал плечами: "Нет, доктору Хоффстаддеру нравится делать вид, что они едва знали друг друга. Но дело в том, что они встречались более или менее регулярно, либо случайно на каком-нибудь университетском мероприятии, либо незаметно в городе. В этот раз они встретились, наверное, на полчаса, и доктор Хоффстаддер ушел немного раньше доктора Хэмптона. Но Хэмптон не пошел домой. Это было очень необычно. Он вернулся в посольство. Затем он отправился в несколько отелей, где пробыл около пятнадцати минут в каждом - "Хилтон", "Гранд" и "Континенталь". После этого он пошел в ресторан..."

"Он пытался потрясти хвостом".

"Возможно."

"Что за ресторан?"

Вопрос, казалось, удивил Баккея. Он уставился на меня на мгновение, затем повторил: "В какой ресторан? Ресторан, в который он обычно ходил: дешевый, филиппинский, не вычурный, как те рестораны, которые есть в "Гранд Хаятт"".

"Где? Как называется ресторан?"

"Это кафе в Шестом районе, Кесон-Сити. Улица называется Road One. Ресторан - "Голодный Сэм"".

"Отличное название".

"Да."

"Значит, он там ужинал. Ваш человек тоже туда заходил?"

"Нет, ему было приказано ждать снаружи".

"Значит, мы предполагаем, что он там ужинал, но мы не знаем, что произошло".

Баккей покачал головой: "Мы ничего не знаем, потому что это было последнее, что мы знаем о нем. Насколько нам известно, это последнее, где его видели".

"Значит, он ушел через кухню..."

Он перебил меня: "Не обязательно. Туалеты находятся на заднем дворе. Мы предполагаем, что он пошел в туалет, затем по задней аллее и на вторую дорогу. Мы, конечно, опросили работников кухни, но они ничего не знают, ничего не видели, ничего не слышали, ничего не говорят".

Я тихо хмыкнул: "А что насчет его дома?"

Он пожал плечами: "А что с ним?"

"Вы там смотрели?"

"Нет. Прежде всего, у нас нет доказательств того, что было совершено преступление, поэтому у нас нет оснований для ордера на обыск. Мы не можем просто войти в чей-то дом, потому что не видели его тридцать шесть часов, особенно если это американский гражданин, и особенно в это дипломатически чувствительное время".

"Вы имеете в виду, что китайцы сказали, что не хотят, чтобы вы шпионили в доме?"

Он пожал плечами: "Китайцы ничего не сказали. Нам нужна причина, чтобы войти в чей-то дом", - повторил он: "Особенно американца, работающего в посольстве".

"Справедливо. А как насчет меня, могу я пошнырять в доме?"

"Я же говорил вам, что в наше дипломатически чувствительное время мы стараемся не вмешиваться в дела американцев, если только они не торгуют наркотиками. Тогда мы их просто расстреливаем. Но если вы близкий друг доктора Хэмптона, и он сказал вам, что вы можете входить и выходить из его дома, когда вам заблагорассудится, мы не станем поднимать шум. Только не выходите с двумя килограммами героина под мышкой".

"Я сомневаюсь, что Хэмптон увлекался наркотиками".

"Это не то, что сказал мне доктор Хоффстаддер. По его словам, Хэмптон регулярно употреблял марихуану. Не мог заснуть без него".

"Вы ему верите?"

Он прихулся и некоторое время смотрел в окно. Затем он покачал головой: "Нет". Он повернулся и снова встретился с моими глазами: "Нет, он расстроил китайцев, и ему либо пришлось спешно покинуть Манилу, либо они его нейтрализовали". Он сел вперед: "Мое мнение, у него был друг, который ждал на Второй дороге, он подкупил персонал "Голодного Сэма", чтобы тот ничего не говорил, вышел в туалет во дворе, прошел по узкой улочке и вышел на Вторую дорогу. Там он забрался в машину и исчез. Если его убили, то это должно было произойти в ресторане, а такой возможности не было. Значит, он сбежал, потому что испугался китайцев".

"Могу ли я поговорить с Алькантарой? Иногда есть какая-то маленькая деталь, которая ничего не значит для них, но может что-то значить для меня".

Он покачал головой: "Нет, Алькантара находится в бессрочном отпуске на крайнем севере страны. С ним невозможно связаться. Сейчас он думает, что доктора Хэмптона подозревают в торговле наркотиками. Если вы поговорите с ним, он поймет, что это международный шпионаж".

Я вздохнул, говоря себе, что если Алькантара этого еще не знает, то я не удивлен, что Хэмптон так легко от него отделался. Я сказал:

"Хорошо, начнем с визита к нему домой. Посмотрим, что я найду. А потом будем действовать дальше".

Он кивнул, снова уставившись в окно. По его отсутствию выражения лица и по тому, что он не пошевелился, не встал и не пожал мне руку, было ясно, что ему все еще есть что сказать. Я ждал. В конце концов он глубоко вздохнул.

"У Филиппин есть одно большое преимущество. Это большое преимущество также является большой проблемой". Я продолжал ждать, а он продолжил: "Наше положение. Мы, как и Япония, являемся воротами в Тихий океан. Большая разница с Японией в том, что у нас не было ни Хиросимы, ни Нагасаки. Когда вы, американцы, забрали нас от Испании, у нас не было атомных бомб. Когда началась Вторая мировая война, мы уже принадлежали вам. Не было необходимости подавлять нас. Поэтому мы никогда не были по-настоящему уничтожены. Япония умерла в Хиросиме и возродилась в американском образе. Но Филиппины, мы остались частично испанскими, частично индо-китайскими. Так что сегодня мы не столько верный союзник Америки, - он коротко, сухо, без юмора рассмеялся, - мы скорее поле битвы, где Америка и Китай ведут свои сражения".

"Что вы пытаетесь мне сказать, инспектор Баккей?"

"Я не собираюсь мешать вам расследовать исчезновение доктора Хэмптона. На самом деле, если вы не потянете за большие дипломатические нити, я сделаю все возможное, чтобы больше вас не видеть. Но я не знаю, что будут делать китайцы. И я буду честен с вами, мистер Мейсон, я не могу контролировать то, что собираются делать китайцы. Как я уже

сказал, это поле боя. В Маниле царит хаос. Вы стреляете в китайцев. Китайцы орудуют против вас. Вы оба хотите контролировать Филиппины, а что делаем мы? Стреляем в женщин и детей, которые продают марихуану". Он покачал головой: "Не просите меня о помощи. Лучшая помощь, которую я могу вам оказать, - это не мешать вам, и именно это я и собираюсь сделать".

Я смотрел, как он встает. Он сделал небольшую паузу, опираясь на спинку стула: "Сегодня никаких административных штрафов, мистер Мейсон. Скажите своему боссу. Никаких административных расходов сегодня".

По тому, как он это сказал, было ясно, что это не очень хорошо. Филиппины больше не подлежали продаже. Он вышел через двери бара-салона в торговый центр, тот маленький кусочек Манилы, который все еще был Америкой.

Глава Пятая

Я сидел некоторое время, обдумывая то, что сказал мне Баккей. Предупреждение было ясным. Влияние Китая на Филиппины усиливалось, а воля правительства Дутерте противостоять этому влиянию была невелика. Я был предоставлен сам себе, а наш самый сильный союзник в Тихом океане охотился на наркоманов.

Я расплатился и вышел в переполненный торговый центр, задаваясь вопросом, какого черта Хэмптон делал этой ночью, бегая по Маниле, как сукин сын в поисках своего отца. Возможно, он знал, что за ним следят копы, но я полагал, что он знал, что китайцы тоже сидят у него на хвосте, и пытался их потерять. Я задумался, каким должен быть мой следующий шаг.

Моей отправной точкой должно было стать то, что Эдвард Хэмптон либо мертв, либо жив. Если он мертв, то его устранили китайцы, и есть шанс, что тело было выброшено там, где его никогда не найдут. Если он жив, значит, он сбежал и предпримет какие-то усилия, чтобы выйти на связь или оставить сообщение о том, куда он отправился.

Я решил, что в любом случае лучшим вариантом для меня сейчас будет посетить дом Хэмптона и прочесать его на предмет того, не оставил ли он какого-нибудь сообщения. После этого можно было бы нанести визит доктору Хоффстаддеру в Филиппинский университет.

У меня также было местное отделение ЦРУ, с которым я мог бы поговорить, но я не видел, чем они могли бы помочь в данный момент, и решил отложить этот визит.

Но, как сказал тот человек, ничто не идет по плану.

Я спустился на эскалаторе в гараж и пошел по темной, мрачной подземке, слушая, как мои шаги отдаются эхом в тени. Когда я уже подходил к своей машине, я заметил, что вторые шаги, отдающиеся эхом, запутались в моих. Я внимательно прислушивался, пока шел, и заметил, что они становятся все ближе. Когда я поравнялся с "Тойотой", я незаметно похлопал себя по карманам и повернулся, как бы собираясь вернуться в торговый центр.

Он был примерно в восьми футах от меня, его рост составлял внушительные шесть с половиной футов, а для плеч пришлось бы принимать особые меры. Он был одет в дорогой небесно-голубой костюм, а на макушке его стрижки сидели дорогие очки. У него были китайские черты лица, безгубый рот и жестокая улыбка.

"Мистер Мейсон?"

Его голос эхом отдавался в тени. Я поменял приветливую улыбку на его жесткую и спросил: "А вы...?".

"Это неважно".

"Для кого? Для вас? Для меня сейчас это очень важно".

"О," - кивнул он, все еще улыбаясь, - "тогда вы можете называть меня Рен."

"Рен?"

Он кивнул и повторил с ударением: "Рен".

"По-китайски это означает "человек", верно?"

"Я и есть человек. Пожалуйста, мистер Мейсон, я должен задать вам несколько вопросов".

"Хорошо, Рен, вы можете задать мне несколько вопросов".

"Вы здесь, чтобы расследовать исчезновение доктора Хэмптона?"

"Вы только что сказали мне, что вас зовут Человек, и вы ожидаете, что я буду сговорчив и отвечу на подобный вопрос?"

Он мгновение смотрел на меня, не отвечая, читая мое лицо, затем кивнул: "Вам нужно идти домой. Для вас очень опасно оставаться здесь, расследуя такие вещи".

"Верно. Что ж, спасибо за совет, Человек, я обязательно пойду и передам его Джо и Белый дом. Было ли что-нибудь еще?"

Он моргнул и слегка нахмурился: "Вы будете очень глупы, если не отнесетесь к моему предупреждению серьезно, мистер Мейсон".

Я пожал плечами: "Я был бы более склонен отнестись к вам серьезно, если бы знал, кто вы такой. Но семифутовый парень подходит ко мне на парковке и говорит, что его зовут Человек? Ну, это похоже на начало шутки. Так что я не склонен воспринимать вас всерьез, нет".

"О, хорошо". Он снова кивнул: "Скоро вы узнаете, кто я такой, мистер Мейсон".

"Отлично, я с нетерпением жду этого, Человек".

Я забрался в машину, сдал назад и выехал из гаража. Всю дорогу я видел гиганта, который стоял там в тени, неподвижно, наблюдая за мной: ""Хороший и правильный" - это англицизм, используемый в основном кокни. Я рассеянно подумал, не из Гонконга ли он.

Выйдя на 11-ю авеню, вместо того, чтобы направиться на север и запад к Бони-авеню и цирку Мейсело, чтобы взглянуть на дом Хэмптона, я сделал несколько больших восьмерок вокруг района Форт-Бонифасио, где находился торговый центр Uptown Mall. Я изменил свой план и позвонил местному связному ЦРУ. Он прозвонил дважды, и красивый голос Валли ответил.

"Зарубежные запросы американского посольства, чем я могу вам помочь?"

"Зарубежный отдел международных новостей слушает, у меня код один-и. Не могли бы вы мне подсказать".

"Я соединю вас с нашим местным отделом. Оставайтесь на линии, пожалуйста".

Возникла пауза, достаточная для короткого разговора, а затем на линии появился мужчина. У него был такой голос, какого вы ожидаете от своего слегка "левого", дружелюбного школьного учителя. Я решил, что даже шансы на это есть, что у него светлая борода и приветливая улыбка. Прошли времена темных костюмов и солнцезащитных очков Wayfarer. ЦРУ было не таким, как раньше.

"Я ждал вашего звонка. Прежде чем мы начнем разговор, не хотите ли назвать мне номер обращения?"

Я назвал буквенно-цифровой код и понял, что программа распознавания голоса анализирует мои слова по ходу разговора. Через мгновение голос заговорил снова.

"Все в порядке, мы находимся на защищенной линии, для целей этого разговора меня зовут Джулиан. Вам не нужно называть мне свое имя. Это займет больше минуты?"

"Я так не думаю. Рост метр девяносто, китаец, возможно, из Гонконга, сложен как танк, свободно говорит по-английски, но немного неправильно использует британский сленг".

"Он подходил к вам?"

"Да, предупредил меня. Сказал, чтобы я оставил расследование".

"Похоже на Зимо Чу. Он опасный парень. Наемный убийца Министерства государственной безопасности Китая. Он работает в отделе, известном как Táotài bù, что буквально означает "Отдел ликвидации". Мы знаем, что он прибыл в Манилу около недели назад. Он сказал что-нибудь еще?"

"Да. Он сказал мне, что скоро, цитирую, я узнаю "хорошо и правильно", кто он такой. Он знал мое имя, а по моему опыту, это не очень хорошо, когда китайский киллер ростом метр девяносто шесть, построенный как танк, знает твое имя. Это то, что я бы точно отнес к категории "не очень"".

Его голос сказал, что он улыбнулся, но он не стал смеяться: "Вы здесь, чтобы искать доктора Хэмптона, верно?"

"Да".

"Нам сказали быть наготове".

"У вас есть что-то для меня?"

"Где вы сейчас находитесь?"

"Форт Бонифасио, еду к дому Хэмптона".

"Так вы в пятнадцати минутах езды. Почему бы вам не заехать, не поздороваться и не выпить кофе?"

"Вы рекомендуете?"

"Ну, знаете, как я уже сказал, нам сказали не вмешиваться в это дело, но мы всегда следим за происходящим. Для этого мы здесь и находимся. Это может быть полезно для вас".

"Хорошо, спасибо, Джулиан".

Я прошел мимо Национального музея, по проспекту Падре Бургоса, и свернул направо на бульвар Роксас, в квартале от посольства США. Посольство Соединенных Штатов в Маниле похоже на крепость. С момента окончания Второй мировой войны оно было "правительством за спиной правительства" на Филиппинах. Оно до сих пор является одним из крупнейших представительств Государственного департамента, и в нем работают около трехсот американцев и около тысячи филиппинцев. На территории площадью пятьсот ярдов в поперечнике и двести ярдов в глубину расположены новое здание посольства, канцелярия США и еще полдюжины зданий, не имеющих точного названия. Это как маленький городок на берегу залива, в пределах гавани, и даже есть отдельная пристань, где официальные лица и их багаж могут быть посажены или высажены, или переправлены на ожидающие суда, если возникнет такая необходимость.

Я подъехал к большим двойным воротам в пятнадцатифутовых белых стенах, и ко мне подошел морской пехотинец. Я показал ему свой значок "ОДИН". Он отдал честь и сказал, что мистер Хоффманн примет меня в здании канцелярии. Мгновение спустя большие ворота отъехали назад, и я въехал в комплекс посольства. Я оставил машину на парковке справа от ворот и пошел через сады к Канцелярии. Когда я поднимался по ступенькам к дверям, навстречу мне вышел мужчина. Он был одет в сине-белую полосатую рубашку и синие джинсы. У него была светлая борода, редящие светлые волосы и легкая улыбка. Он протянул мне руку.

"Капитан Мейсон, Пол Хоффманн. Пожалуйста, зовите меня Пол. И простите за все эти маскировочные и кинжальные штучки. Иногда это необходимо". Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу: "Смотрите, кому я говорю! Как дела?"

Я вернул хлопок более мягко: "Я в порядке. Алекс, пожалуйста. Пытаюсь разобраться с тем, что случилось с Хэмптоном. У вас есть что-нибудь?"

Он повернулся, и я опустился на ступеньку рядом с ним. Он повел меня через пустой, гулкой вестибюль к лифтам. Пока мы шли, он говорил.

"По правде говоря, Алекс, мы уже некоторое время интересуемся доктором Хэмптоном.

Мы были знакомы, конечно". Он издал небольшой, дружелюбный смешок: "Он не был приятным парнем, не совсем подходящим, но мы иногда сталкивались друг с другом".

"Был? Он умер?"

Мы остановились у лифта, и он нажал на кнопку: "Честно говоря, я не знаю. Это вполне возможно, особенно с учетом того, что вы только что рассказали мне о Зимо. Филиппины всегда были опасным местом. Сейчас оно особенно опасно. Президент Дутерте создал очень нестабильную обстановку. Он разжигает антиамериканские настроения, и китайцы не прочь попинать их. Они готовы продать своих бабушек, чтобы контролировать Филиппины". Он рассмеялся, прищутив уголки глаз: "А это много бабушек!" Он вздохнул, покачал головой над собственным остроумием и продолжил более серьезно: "Мы полагаем, что доктор Хэмптон настойчиво пытался выяснить, что он может узнать о планах Китая в отношении Филиппин. У нас сложилось впечатление, что у него было ощущение неотложности. Он играл в очень опасную игру".

Мы вошли в лифт, двери с шипением закрылись, и мы поехали вверх на один этаж. Там мы вышли в короткий проход, который вел только к двум дверям. Наша была в конце и открылась после того, как сканер на стене проверил его большой палец. Он толкнул дверь и жестом пригласил меня войти.

Это был светлый угловой офис с видом на сады и Манильский залив. Он был обставлен в минималистском, функциональном стиле, который напоминал Скандинавию, но не напоминал ИКЕА. Он опустил в белое кожаное кресло за светлым дубовым столом и жестом пригласил меня сесть в меньшее белое кожаное кресло по бокам от него.

"Полагаю, вы уже поговорили с местными полицейскими". Я кивнул, и он подтвердил это своим кивком: "Эд, доктор Хэмптон, не очень любил филиппинцев. Ему не нравилась Манила, и он не любил южную часть Тихого океана. Я часто спрашивал его, почему он здесь, если он так ненавидит это место, и он обычно отвечал, что кто-то в Вашингтоне хотел его наказать". Он пожал плечами и развел руками: "Кто знает? Дело в том, что филиппинский истеблишмент стал его недолюбливать - чувство было совершенно взаимным, - но, с другой стороны, они не знали, что с ним делать. По правде говоря, он прекрасно понимал филиппинскую культуру, да и китайскую тоже, но они не знали, что с ним делать. Он был груб, покровительственен, имел растрепанный вид и был очень необщителен. Он также проявлял глубокое неуважение к их обычаям и верованиям. В конце концов, я думаю, они просто решили, что он сумасшедший, и практически не обращали на него внимания. Если это было намеренное прикрытие, то оно было очень эффективным - до сих пор".

"Вы же не предполагаете, что они убили его, потому что посчитали его грубым?"

Он рассмеялся, что идея не была такой уж надуманной, и слегка наклонил голову.

"Я бы не поставил это в вину филиппинцам. Они убьют за гораздо меньшее. Это касается и китайцев, хотя они делают это гораздо изощреннее. Но нет, я не думаю, что его убили за это. Я даже не знаю, что его убили. Я просто говорю, что он не был очень популярен среди филиппинцев и китайцев".

"Вы постоянно упоминаете китайцев. Я понимаю, что китайцы сейчас здесь нарасхват".

"Можно и так сказать. Сейчас между Пекином и Дутерте существует динамика, которая приводит к большим переменам. Некоторые люди считают, что если бы не проамериканские элементы в правительстве, Филиппины сейчас были бы, по сути, китайским протекторатом. Для многих филиппинцев США - слабеющая держава, а Китай - восходящая азиатская

звезда, и они хотят прицепить свою телегу к этой звезде".

Я хмыкнул: "Так что же, по-вашему, заставило Хэмптона исчезнуть?"

"Вы, ребята из "ОДИН", вероятно, знаете гораздо больше, чем мы, но если вы хотите услышать мое мнение, находясь здесь, на земле, то я думаю, что он либо очень испугался и убежал, либо его убрали китайцы".

"На основании чего?"

Он вздохнул и уставился на залив, где солнечный свет создавал преходящие драгоценные камни на маленьких волнах.

"На основании, - покачал он головой, - не хочу говорить, но это интуиция, постоянное накопление мелких вещей, которые по отдельности ничего не значат, но в совокупности напоминают пуантилизм. Они создают целую картину". Он пожал плечами: "Я не могу точно сказать, что это было, но в последние пару-тройку недель он стал другим. От него всегда исходила атмосфера безнадежности - как там у Pink Floyd: "Держись в тихом отчаянии"? Это был Эд. Это всегда был Эд, державшийся в тихом отчаянии. Но в последние пару-тройку недель что-то изменилось. Он стал более напористым, более агрессивным, более жизнерадостным. Как будто что-то произошло".

"И вы думаете, что бы это ни было..."

Он прервал: "Думать - это слишком сильно сказано. Это скорее чувство, которое я испытываю, видя его рядом, сталкиваясь с ним несколько раз. Вы узнаете человека. И вдруг он стал веселым, улыбочивым, властным. И что бы это ни было, что сделало его таким, либо это заставило его бежать и начать новую жизнь, либо это убило его".

"Вы знаете, кто был его контактами здесь? Его сотовый?"

Он поднял брови: "Серьезно? Вы не знаете?"

Я предложил ему сдержанную улыбку: "Я знаю, что он нам сказал. Но мне не нужно говорить тебе, что доверять исчезающим людям не очень умно".

Он фыркнул и полез в ящик стола. Он достал папку и извлек из нее листок бумаги. Он протянул его мне через стол.

"У меня было предчувствие, что вы можете попросить это, поэтому я скопировал это". Я взял его в руки. На нем было четыре имени; последнее было нацарапано от руки с тремя вопросительными знаками после него. Он продолжил: "Это люди, с которыми мы его наблюдали. Список может быть неполным. Если на то пошло, он может быть совершенно неверным. Я сомневаюсь в этом, но, с другой стороны, у нас нет привычки шпионить за другими агентствами".

Я поднял на него бровь, но он проигнорировал подразумеваемую иронию и указал на написанное от руки имя.

"Девушка в конце, Мэрион Джеймс? Мы не уверены, что она завербована". Он держал руку очень близко к груди, я уверен, что вы это знаете, но она не соответствует типичному профилю его рекрутов. Другие его контакты - это, как правило, ведущие ученые, государственные служащие". Он улыбнулся: "Она просто кажется неопытным ребенком, который приехал сюда на свободный год и застряла. Мы не искали ее".

"Как задолго до его исчезновения они выходили на связь?"

"Насколько мы смогли выяснить, примерно за три недели".

"Где она сейчас?"

Он пожал плечами: "Мы собирались привезти ее и поговорить с ней, но нам сказали отступить, потому что ОДИН прислал своего человека. Если она умна, то занимается своими

делами, как ни в чем не бывало".

"У вас есть ее адрес?" Он назвал мне адрес на Сан-Хоакин, и я нахмурился, пытаюсь представить его себе: "Разве это не за углом от дома Хэмптона?"

"Вполне, примерно в трех минутах ходьбы".

"Это было глупо. Это не та ошибка, которую совершил бы такой человек, как Хэмптон".

"Как я уже сказал, она не была типичным профилем его рекрутов. Может, она была просто шлюхой! Я не знаю."

Мы поговорили еще минут пятнадцать, а потом я ушел, пообещав встретиться снова и выпить кофе перед тем, как отправиться домой.

* * *

Когда я выезжал из ворот посольства, у меня на уме было два вопроса. Первый: что Мэрион Джеймс дала или сказала доктору Хэмптону, что заставило его исчезнуть - или привело к его смерти?

И второе: как китайское посольство узнало о моем приезде так быстро, что смогло послать киллера, чтобы предупредить меня? Охрана ОДИН была настолько жесткой, насколько это вообще возможно без использования андроидов вместо людей, поэтому я решил, что утечка информации, вероятно, исходила от Баккея и его начальства: ОДИН позвонил суперинтенданту Джеймсу Каносе, чтобы сообщить ему о моем приезде и оказать мне помощь, а Каноса повесил трубку и позвонил в китайское посольство. Инспектор Баккей сообщил об этом. Я думал об этом, выезжая на бульвар Роксас и изучая свое зеркало заднего вида.

Но даже когда я смотрел, я решил, что нет смысла закрывать дверь конюшни, если дракон уже убежал. Они знали, что я здесь, и знали зачем. Так что не было смысла скрывать этот факт. Я повернул на север и запад на проспект Курино и направился к улице Педро Гиль и мосту Ламбинган.

Когда я съезжал с моста на улицу Нью-Панадерос, преодолевая хаотичное движение, среди огромного количества вывесок, плакатов и реклам, которые, казалось, были характерны для Манилы, я понял, что, по сути, поймал хвост. Я улыбнулся и несколько раз сменил полосу движения, уворачиваясь и ползая среди моторизованных, закрытых трайциклов, мотоциклов и психоделических джипни. Но куда бы я ни ехал, хвост "Мерседеса" оставался за мной, держась на несколько машин позади, но не делая никаких усилий, чтобы скрыть свое присутствие. Я также отметил, что у него были дипломатические номера.

Они были уверены в себе, уверены в своей растущей власти на Филиппинах.

Я решил, что если он облегчает мне задачу, это не значит, что я должен отвечать ему взаимностью. Поэтому я срезал через внешнюю полосу, заставив несколько мотоциклов и машин с визгом остановиться, и ускорился на улицу, прославляющую имя правого преподобного Джи Аглипая. Я жег резину всю дорогу до Бони Авеню, наблюдая за Мерс в зеркале, пытаюсь не отстать. На Санто-Розарио я вошел в правый поворот под углом и проскочил через поток машин, сделал еще один рыбий хвост на Санто-Нино и остановился посреди дороги с включенными фарами.

Это была улица доктора Хэмптона. Мерс - теперь я мог разобрать, что это был AMG

Roadster - подъехал ко мне сзади, остановился, плавно проехал мимо меня и продолжил движение. Когда он уехал, я снова начал движение и проехал мимо большого зелено-белого дома справа, не отрывая глаз от заднего вида. Я остановился в пятидесяти ярдах от дома, заглушил двигатель и стал ждать.

Мерс появился впереди, примерно в семидесяти ярдах от меня, поворачивая с Санта-Аны. Он остановился в тридцати или сорока футах от меня, прямо передо мной. Я вздохнул и вылез из "Тойоты", затем прошел десять шагов до места их парковки. Через тонированное лобовое стекло я увидел, что это были восточные люди. Они смотрели прямо перед собой, не замечая моего присутствия. Я постучал по стеклу со стороны водителя. Оно опустилось, и водитель посмотрел на меня с лицом, которое было чуть менее выразительным, чем некрашеный бетон.

Я прислонился к окну и улыбнулся. Он посмотрел вниз на мои руки. Я сказал: "Вы, ребята, преследуете меня".

Он поднял взгляд на мое лицо и слегка сузил глаза. После этого эмоционального излияния он ничего не сделал. Я сказал:

"Я хочу, чтобы вы перестали меня преследовать".

По-прежнему ничего. Я вздохнул еще раз и потянулся во внутренний карман. Это вызвало тревожную реакцию, и они оба потянулись к своим вещам. Я поднял обе руки и сказал: "Расслабьтесь, я собираюсь показать вам свое удостоверение".

Они оставались с руками на полпути к своим кобурам, пока я доставал свой паспорт и показывал его им. Я сказал: "Видите? Я гражданин США, иду по своим делам, и вы не должны меня преследовать".

Они нахмурились, глядя на паспорт, как будто я сошел с ума. Я закрыл его и продолжал говорить, пока клал его на место: "Я знаю, что Филиппины - демократия только по названию, но все же, ребята..."

Теперь они смотрели на мое лицо, как на сумасшедшего. Я сунул паспорт в карман, сказал: "Дайте парню передохнуть" и вытащил из-под мышки прототип Maxim 9S. Он был меньше, тоньше и удобнее в обращении, чем старый Maxim 9. У них было чуть меньше секунды, чтобы переключиться с хмурого вида, будто я сошел с ума, на ошарашенный вид, будто я сошел с ума. Максим выстрелил! Трах! И все было кончено.

Я открыл дверь, поднял стекло и достал ключ из кармана водителя. Я снова закрыл дверь, нажал на кнопку замка, и тут же замигали лампочки и раздался звуковой сигнал. Затем я пошел обратно к дому Хэмптона. Дипломатические номера на "Мерсе" гарантировали, что машину не будут искать, по крайней мере, в течение ближайших нескольких часов.

Глава Шестая

В одиннадцать двадцать Марион поднялась со скамейки и направилась в музей. Она прошла в первую галерею, секцию религиозного искусства XVII-XIX веков, и постаралась осмотреться как можно незаметнее.

Он сказал, что если она увидит его, то не должна делать ничего, кроме как вести себя так, будто она его не знает. Но его там не было, и в соседних комнатах его не было видно. Он сказал ей остановиться и полюбоваться одной из святых, и если берег будет чист, он остановится рядом с ней, и они обсудят произведение искусства, на которое она смотрит.

Она бродила по смежным залам в течение получаса, возвращаясь каждые пять минут или около того в галерею №1, но Эда не было видно, и она поняла, что начинает становиться заметной. Поэтому в одиннадцать сорок пять, с нарастающим чувством паники, она пробралась через галереи и вышла из музея на залитую полуденным солнцем улицу.

Долгое время она просто стояла на тротуаре, не замечая огромного, величественного здания позади себя, осознавая лишь дикую панику, толчками нарастающую в груди, и отчаяние, похожее на дыру в ее сознании, через которую здравомыслие начинало утекать. Одна мысль заполнила ее разум, одна мысль преобладала над всеми остальными: она должна была уйти. Она должна была уехать из Манилы и Филиппин, и только Эд мог помочь ей в этом. Эд был ее единственным выходом. Эд был ее дверью к свободе.

Он запретил ей звонить ему и приходить к нему домой. Но она знала, где он живет, и если он не хотел, чтобы она шла туда, то должен был появиться в музее. Отчаяние стало перерастать в негодование, а затем в холодную ярость.

Она начала идти, не обращая внимания на боль в ступнях и ногах. Она повторяла свои шаги по улицам Генерала Луны и Педро Хиля, среди ненавистных, вечно присутствующих безвкусных вывесок, баннеров, плакатов и постеров, под вечной путаницей воздушных кабелей электропередач, похожих на черные паутины в небе. Она шла сквозь толпы людей в шортах и шлепанцах, и по мере того, как она шла, ненависть росла, ярость внутри нее становилась все глубже и чернее.

Наконец она подошла к своему дому в Сан-Хоакине, но прошла мимо него, не в силах смириться с перспективой возвращения в дом с нависшим над ней кошмаром. Она пошла дальше, свернула в Санто-Нино и шла до тех пор, пока не дошла до зелено-белого дома. Там она обнаружила, что ворота задвинуты, но не заперты. Она потянулась, чтобы открыть их, замешкалась на секунду с колотящимся сердцем, затем рванулась вперед.

Внутри маленького двора она встала у входной двери и увидела, что и здесь дверь была задвинута, но не заперта. Она снова толкнула дверь, но более осторожно. Дверь распахнулась. Она шагнула в небольшой коридор и заметила, что сигнализация на стене была выключена. Свет не горел, а экран был мертв. Она толкнула дверь и негромко позвала: "Эд...?", осознавая всю иронию ситуации: хочется, чтобы тебя услышали, но при этом нужно говорить тише, чтобы этого не произошло.

Она прошла в гостиную, обратила внимание на все книги, заполонившие каждый дюйм пространства на полках, на тумбу с телевизором рядом с диваном, на ворох газет и журналов, сваленных на журнальном столике. Здесь никого и ничего нет, сказала она себе и пошла на кухню. Сбоку стояла кружка с растворимым кофе и сахаром. Обе баночки стояли рядом с кружкой. Она потрогала чайник. Он был холодный.

В коридоре она нашла лестницу на верхний этаж и поднялась по ней. Они были выложены бетонной плиткой и поэтому не скрипели при подъеме. Но каждый шаг звучал в ее ушах как барабанный бой. Поднявшись на площадку, она увидела, что дверь его спальни приоткрыта.

И она заметила запах. Она никогда раньше не чувствовала запаха смерти, но какая-то первобытная расовая память, какой-то жестко заложенный древний инстинкт подсказывал ей, что именно этот запах она ощущает прямо здесь и сейчас: настоящая, естественная смерть.

Побуждаемая необходимостью узнать, она двинулась вперед и приложила кончики пальцев к двери. Она мягко надавила и почувствовала, как мертвый холод проникает сквозь кожу. Ее желудок сжался, и она поднесла пальцы к губам, когда комната покачнулась.

Он сидел в нескольких дюймах от двери, немного слева от нее. Его колени были согнуты, большой живот и промежность были покрыты засохшей, свернувшейся кровью, как и ковер, на котором он сидел, прислонившись спиной к стене.

Внезапный страх охватил ее. Что, если убийца все еще там? Она повернулась и уставилась на лестничную площадку и на ступеньки, ведущие на нижний этаж. А как же его записи, его компьютер? Если его убили китайцы, они наверняка обыщут дом, а если обыщут, то узнают о ней.

Она побежала. Она бежала по лестнице, открывая каждую дверь, но нашла только его кабинет, пустую спальню и ванную. Не обращая внимания на пустую спальню, она обшарила кабинет и ванную комнату, выдвигая ящики и шкафы, рассыпая шампунь, кондиционер, мыло, документы, зубную пасту, корреспонденцию и зубную щетку в раковину, ванну и на пол. Она порылась в аптечке, сметая содержимое на пол. Она ничего не нашла, не зная, что ищет.

Она спустилась по лестнице, прошла через гостиную и кухню, снова опрокидывая содержимое ящиков на пол, и плакала, снова и снова ничего не находя. Отчаяние и безнадежность ее задачи овладели ею.

Она выбежала из гостиной обратно на кухню и схватила кухонный нож. Она резала и рвала подушки, разрывала обивку кресел и дивана. Вернувшись на кухню, она бросила столовые приборы на пол, достала из шкафов кастрюли и сковородки, на ходу вытирая слезящиеся глаза и текущий нос тыльной стороной запястья.

Два и два - четыре. Если они убили Эда и если они нашли любую информацию, которая у него была, тогда они придут за ней и убьют ее тоже. Она села на пол в кухне и попыталась собраться с мыслями. Она должна бежать из Манилы. Она должна выбраться с Филиппин, но они будут держать в состоянии повышенной готовности все выезды, чтобы найти всех, кто фигурирует в его записях. А она без тени сомнения знала, что она числится в его документах. Он был слишком привередлив, слишком придирчив, слишком точен и дотошен. Конечно, у него должен был быть компьютер, или маленькая черная книжечка, или что-то еще.

И так же точно его убийца должен был найти это, потому что здесь этого не было.

Она знала, что из себя представляет филиппинская полиция. Она знала, что они сделают с такой девушкой, как она, в тюрьме. Если, конечно, ей повезет, и ее арестуют филиппинские полицейские и будут судить. Гораздо более вероятно, что они передадут ее китайцам, которые будут пытаться ее для получения информации, а затем вернут филиппинцам, которые заклеят ее как наркоторговку, отвезут в какую-нибудь

подворотню в Шесть Сорок Девять или Аддишн Хиллз и застрелят. Она подумала о своей матери и отце, сидящих в уютной гостиной в Суррее, смотрящих новости и видящих свою дочь, застреленную как наркоторговка. Она начала рыдать в сильных, шумных спазмах горя.

Она уставилась на нож, лежащий рядом с ней на полу. Его рукоятка казалась длинной и черной, лезвие - длинным, тонким и холодным. Она услышала, как отвратительный, влажный шум ее рыданий постепенно затихает. Она вытерла лицо рукавом, затем обошла дом, пытаясь вспомнить, к чему прикасалась, и стирая свои отпечатки. Затем она снова поднялась по лестнице в маленькую комнату, которую Эд использовал в качестве своего кабинета. Пол был усеян бумагами, скрепками, пресс-папье и папками.

Она снова перебрала их, на этот раз тщательно, пока не нашла то, что искала: его паспорт, который лежал в ящике стола, который она бросила на пол, и манильский конверт, который она в отчаянии выбросила раньше. Она выбросила его, потому что не удосужилась взглянуть на него. Она искала информацию, а простой конверт, с первого взгляда, ничего не давал.

Но теперь, когда ее разум охладила уверенность в смерти, она вспомнила, что в конверте что-то было. Она вспомнила давление на пальцы и вспышку каракулей на лицевой стороне.

Она подняла конверт и, рассмотрев его, увидела, что каракули, которые она видела раньше и на которые не обратила внимания, на самом деле были ее именем, написанным на лицевой стороне. Это был конверт - деньги, которые он собирался отдать ей в тот же день в музее, но они убили его прежде, чем он успел отдать.

Она заглянула внутрь. Там было десять тысяч долларов наличными. Больше ничего. Она надеялась на большее, отчаянно нуждалась в большем, ей нужны были документы, но теперь придется обойтись этим.

Тогда она пошла в его спальню и нашла рубашку, которая была ей велика, и панамскую шляпу. Она натянула рубашку поверх собственной блузки, закатала рукава и засунула хвосты в джинсы, стараясь сделать это как можно незаметнее. Она надела шляпу на голову, хотя она тоже была ей велика на пару размеров, и надела солнцезащитные очки - даже если кто-то заподозрит, что она пытается скрыть свою личность, она решила, что главное, чтобы ее не узнали.

Она поспешила вниз по лестнице, открыла дверь, вышла на маленький двор и закрыла дверь за собой. Затем она вышла на улицу Санто Нино. Быстрый взгляд показал, что улица была практически пуста. На некотором расстоянии от нее стоял мужчина, прислонившийся к "Мерседесу". Она отметила дипломатические номера, перешла дорогу на дальнюю сторону, опустила голову и стала быстро идти прочь от "Мерседеса", в сторону цирка Майсило. Дойдя до угла улицы, она обернулась, чтобы посмотреть, и увидела, как мужчина в кремовом костюме протискивается во двор перед домом Эда.

Она дошла до угла и побежала. Она бежала по Сан-Франциско, на ходу срывая с себя шляпу и одолженную рубашку. Она бросила их за оранжевой стальной дверью автомойки и бежала дальше, пока не заметила джипни. Она остановила его, не зная и не заботясь о том, куда он направляется.

Она заплатила таксисту, потом нашла место, где можно было сесть, и погрузилась в глубокую задумчивость. Теперь паника соперничала с волнением. Если бы она могла это проверить, если бы она могла исчезнуть, убедить их, что она мертва. Но как? Она должна была тщательно продумать каждый шаг, но она была слишком взволнована и слишком

напугана. Ей нужно было пойти куда-нибудь и побыть в тишине, в спокойном месте, где она могла бы успокоиться и обдумать все необходимые шаги.

Сначала она думала о парках, садах, даже об отелях. Но потом перед ней возник образ. Прибрежный город, отдаленная рыбацкая деревушка, куда она ездила с друзьями пару лет назад. Они провели там пару недель, и это был рай. Никаких туристов, добрые жители деревни, которые заботились о них, свежие овощи, фрукты и рыба каждый день. Она улыбнулась воспоминаниям. Она потянулась за названием, и, как всегда, оно пришло к ней кристально чистым.

Nayon ng Pangingisda. Это было далеко, на самом южном краю острова Минданао, в шести или семистах милях от него. Но это можно было сделать. Когда они ездили раньше, то брали напрокат машину и переправлялись на пароме. Сейчас она не могла арендовать машину, но могла поехать на междугороднем автобусе. Это займет пару дней, может быть, чуть больше, но это будет последнее место, где ее будут искать.

А когда она там окажется?

Первые зеленые ростки плана начали пробиваться из ее темного бессознательного. Она хотела отправиться на север, в Англию, но что если пойти на юг? Как она могла это сделать?

Вдруг она увидела, что они пересекают реку Пасиг в направлении делового района Макаати. С волнением она попросила водителя высадить ее на Макаати-авеню, и там, среди ухоженных садов, чистых улиц и высоких башен из стали и стекла, она поймала такси и попросила водителя отвезти ее на автобусный терминал Philtranco Pasay на бульваре Аврора.

Через пять минут она расплатилась с таксистом десятидолларовой купюрой и вбежала в здание терминала. Среди белого кафельного пола, пластиковых скамеек и киосков с фастфудом она нашла автомат по обмену валюты, разменяла пятьсот баксов и встала в очередь к билетным кассам. Перед ней стояли молодая филиппинская пара, женщина средних лет, а затем крупный мужчина, который говорил через окно с американским акцентом. Он попросил билет до Мабалаката, и она почувствовала облегчение от того, что он не поедет с ней в автобусе. Мабалакат находился на севере страны.

Два полицейских прошли мимо и остановились, чтобы посмотреть на очередь, по одному человеку за раз. Ей показалось, что они смотрят на нее чуть дольше, чем на остальных, и на одну страшную секунду она подумала, что они собираются с ней заговорить. Но они что-то пробормотали друг другу и пошли дальше.

Американец повернулся и пошел прочь от билетной будки к вагонам, а она спрятала лицо, чтобы он не увидел ее и не запомнил, если позже ему покажут фотографии.

Через мгновение после этого она сама оказалась у окна. Служащая, женщина в очках с кислым лицом, дернула подбородком в ее сторону: "Куда?"

Она бы ее запомнила. Она вдруг почувствовала уверенность в этом, но решила, что это не имеет значения.

"Nayon ng Pangingisda, - сказала она, - на Минданао. Когда следующий автобус?"

Женщина протянула ей билет и взяла деньги: "Следующий в два двадцать".

Она посмотрела на часы. У нее оставалось чуть меньше часа, чтобы купить самое необходимое - зубную пасту и щетку, рюкзак, смену одежды и нижнего белья, но сначала нужно было что-нибудь съесть.

Она вышла на Пан-Филиппинское шоссе и побежала через дорогу к торговому центру "Метро Пойнт" на углу Тафт-авеню, в трехстах ярдах вниз по дороге. Когда она бежала, то слышала позади себя звук мотоцикла и остановилась у перегородки посреди дороги, чтобы

оглянуться. Она увидела бегущих и кричащих во все стороны людей и смутно знакомого мужчину, лежащего лицом вниз на тротуаре.

Горячая, тошнотворная тошнота скрутила ее желудок. Она перемахнула через центральное ограждение и спринтерским шагом направилась к торговому центру. Мужчина лежал позади нее, видя перед собой бетон в мельчайших подробностях. Он осознавал, что его жизнь угасает, и жаждал увидеть перед смертью своих детей и жену. Он задавался вопросом, можно ли это сделать силой воли. Последнее, что он услышал, был хрип собственного дыхания, а потом ничего не было.

Глава Седьмая

Джей Хоффстаддер положил трубку после разговора с женой, сразу же перешел к настройкам своего телефона и отключил GPS. Затем он встал и прошел через весь кабинет к дубовому шкафу, стоявшему у дальней стены. Он нагнулся, чтобы открыть его, и обнаружил дверцу сейфа из вороненой стали. Он покрутил циферблаты шесть раз, туда и сюда, и открыл дверцу.

Изнутри он достал спортивную сумку, которую открыл, чтобы проверить содержимое. Пара джинсов, ботинки Timberland, толстовка с логотипом Гарварда спереди, пара тяжелых темных солнцезащитных очков и бейсболка Red Sox. Там же были паспорт и водительские права на имя Джона Джонса, адвоката из Вашингтона, округ Колумбия. Там же был бумажник с кредитной картой и достаточным количеством наличных, чтобы он смог добраться до Штатов.

На дне сумки лежал планшет, также зарегистрированный на имя Джона Джонса. С нег он заказал билет на следующий день из международного аэропорта Кларк в Дубай авиакомпанией Emirates. Кларк находился между Анжелесом и Мабалакатом на скоростном шоссе Лусон.

Он намеревался заказать железнодорожный билет на север до Багио и пересесть на поезд в городе Мабалакат. По какой-то причине он предполагал, что к тому времени, когда это станет необходимым, на Филиппинах уже будет функционировать железнодорожная система. Но такой железнодорожной системы пока не существовало. Вот вам и планы.

Теперь ему оставалось либо добираться на общественном транспорте до Санта-Марии или Гуигунто на севере города, а затем нанять водителя, чтобы он довез его до конца пути, либо играть в туриста и сесть на автобус до Кларка.

Время, конечно, было не главное, но и терять его было нельзя, поэтому он выбрал последний вариант.

Он вышел из своего кабинета с сумкой и остановился у стола Мэй.

"Что у меня есть на сегодня, Мэй?"

Она обратилась к своему дневнику: "Терра Нуллиус и юрисдикция Международного суда, в четыре часа".

"В четыре часа? Он сделал вид, что задумался: "Хорошо, я вернусь к этому времени, но если к трем тридцати меня не будет видно, пусть Грег Ньюман заменит меня. Он в курсе дела. Но я почти уверен, что вернусь".

Мэй наклонила голову, как она делала, когда думала, что доктор Хоффстаддер плохо себя ведет.

"Проблема?" - сказала она.

"Детям нужен дантист, а Элизабет его ненавидит. Она не пойдет туда, если с ней не будет папы".

Мэй улыбнулась: "Конечно, нет. У нее должен быть папа".

Он ушел и, спускаясь рысью по лестнице, задумался, поверила ли она ему. Он подумал, что, скорее всего, да. Они с Глорией стали неотъемлемой частью филиппинского общества, их любили и уважали. Но иногда так трудно было понять, что происходит за этими улыбками. Хотя он думал, что она, вероятно, так и есть, он должен был предположить, что это не так. Он должен был предположить, что она кому-то докладывает. Вероятно, это было

большой несправедливостью по отношению к женщине, которая, скорее всего, была лояльным, порядочным сотрудником. Но такова была уродливая природа игры. Чтобы обезопасить себя, он должен был предположить, что она шпионка.

Он забрался в свою темно-синюю "Ауди" и выехал из ворот, но вместо того, чтобы сделать очевидное и повернуть направо и на юг, он повернул налево и на север, направляясь к Конгресс-авеню и Кесон-Сити. Там, на эстакаде Тангданг Сора, он повернул налево на проспект Дона Мариано Маркоса, на юг, в сторону Кесон-Сити, но сошел с проспекта у Макдональдса и начал серию сложных, запутанных кругов и восьмерок, которые привели его через пригороды, которые должны были быть приятными пригородами для среднего класса, но вместо этого оказались перенаселенными, запутанными акрами ржавых гофрированных крыш, участками, заросшими пальмами и банановыми деревьями, лианами и каучуковыми растениями; и вечные, вездесущие воздушные кабели, которые всегда как-то умудрялись затмевать небо.

Все это время он не спускал глаз с зеркала заднего вида, ища ту машину или тот номерной знак, который попадался ему на глаза слишком часто. Либо за ним не следили, в чем он сомневался, либо он поджал хвост, либо хвосты были очень хороши и прилагали массу усилий, чтобы его не заметили.

Он подъехал к Проекту 6 и проехал мимо ресторана "Голодный Сэм". Это было место, которое, как он знал, часто посещал Эд, и он почувствовал, как в животе у него зашевелилось невнятное беспокойство.

Наконец он свернул с Кесон-авеню на бульвар Эспанья и свернул в подземный гараж торгового центра "Исетанн". Он спустился на нижний уровень, не отрывая глаз от зеркала, погружаясь все глубже и глубже, и визг шин эхом разносился по пустоте здания, ожидая, что за ним покажутся сдвоенные фары. Но их не было, и он почувствовал, как в его животе загорелась надежда.

Он вылез во мрак, запер машину и побежал к лифтам. Наверху, в торговом центре, под яркими бликами неоновых ламп и кремовых кафельных полов, он бросил ключи в урну и направился прямо к общественным туалетам. Там он переоделся: натянул джинсы и толстовку, ботинки Timberland, бейсболку и темные очки. Из бокового кармана спортивной сумки он достал наклеенные актерские усы и приклеил их к верхней губе. Затем он сложил спортивную сумку, открыл бачок за умывальником, засунул туда сумку и закрыл крышку.

Наконец он выскользнул наружу и, стараясь изобразить шаркающую походку - манеру ходьбы, которую он презирал, - прошел через торговый центр и вышел на тротуар, где светило солнце, тротуары кишели, плотный поток машин сигналил, а в воздухе витал запах горячего асфальта и угарного газа.

Он поймал такси и, забравшись на заднее сиденье, сказал: "Автобусный терминал Philtranco Pasay, пожалуйста".

Водитель слишком много улыбался и был слишком болтлив, но Хоффстаддер решил плыть по течению и расслабился на сиденье, улыбаясь.

"Едешь куда-нибудь в хорошее место?"

"Да, был пару дней в Маниле, теперь хочу посмотреть север острова, понимаете? Багио, Лаоаг Сити, я слышал, что Баллестерос и Апарри - это круто".

Водитель с энтузиазмом согласился, у него там был двоюродный брат или, возможно, шурин. Хоффстаддер не сводил глаз с дороги позади, но по-прежнему ничего не видел и начал сомневаться, удастся ли ему выкрутиться. У него с самого начала было

фаталистическое чувство, что если этот день когда-нибудь наступит, он должен сделать так, чтобы Глория и дети ушли, хотя он смирился с тем, что это не так. Люди, против которых он выступал, были слишком хороши и слишком безжалостны.

Он расплатился с таксистом, который весело пожелал ему удачи, и вошел в гулкий, выложенный белым кафелем вокзал. Он встал в очередь за билетами и подумал, где в этот момент находится Глория. Он молился, чтобы она была на высоте тридцати пяти тысяч футов в воздухе и направлялась домой.

Он заметил, что к очереди позади него присоединились люди, и поборол желание оглянуться, но тихий, почти рептилийский голос произнес у его плеча: "Доктор Хоффстаддер".

Голос был императивным, властным, и его реакция была инстинктивной. Он вскочил, повернулся и уставился в лицо, которое улыбалось ему. Улыбка не была счастливой или приятно удивленной. Улыбка была жестокой до злобы. Владелец улыбки был высоким, ростом от шести футов шести дюймов и выше, китайцем, одетым в хорошо пошитый небесно-голубой костюм. Через секунду Хоффстаддер сказал: "Простите, вы меня напугали. Боюсь, вы меня с кем-то перепутали. Меня зовут Джонс". Он добавил с самоуничижительным смешком: "И я не врач".

Китаец улыбнулся еще немного и покачал головой: "Не нужно извиняться, мистер Джонс. Мне жаль, что я напугал вас".

Окно освободилось, и он подошел к нему. Он тихо заговорил с белобрысой женщиной за столом, дважды повторив то, что хотел. Очки женщины сердито сверкнули: "Говорите громче, пожалуйста!"

"В один конец до Мабалаката".

Она дала ему билет, и он заплатил. Когда он повернулся, чтобы уйти, то с облегчением увидел, что высокий китаец ушел. Он рассеянно заметил потрепанную иностранную девушку, которая стояла за ним в очереди, и вышел на улицу.

Движение было шумным, а день жарким; у него было немного свободного времени, и он думал о том, чтобы найти какую-нибудь еду и холодное пиво. Ему не понравился фаст-фуд на углу, но он знал, что на дальней стороне дороги, примерно в двух минутах ходьбы к югу, есть торговый центр. Он направился к крытой пешеходной дорожке, перекинутой через проспект в тридцати шагах от него, и заметил, что девушка, которую он видел в очереди позади него, пыталась перейти тот же проспект, уклоняясь от движения. Там было центральное ограждение, которое ей пришлось бы перепрыгнуть. Это была опасная игра для молодых людей. Он надеялся, что ей это удастся и ее не собьют.

Он повернулся и начал идти, и в этот момент услышал позади себя крик: "Доктор Хоффстаддер! Доктор Хоффстаддер!"

На этот раз он был готов и не отреагировал, а продолжал идти. Затем он услышал громкий, плоский треск, затем еще один, а потом крики. Он повернулся.

Небольшая группа людей возле тела вскочила, крича и вопя, но большинство равнодушно обходили место происшествия и шли по своим делам, либо не зная, либо не интересуясь.

Высокий, широкоплечий китаец убрал оружие в кобуру, подошел к лежащей фигуре и перевернул ее на спину. Это был не Хоффстаддер. Это был регламент, поэтому он достал из кармана мобильник, сделал снимок и отправил его в офис для подтверждения. Но этот человек, хотя и имел мимолетное сходство с грузным, смуглым Хоффстаддером, был

филиппинцем.

Однако Зимо почесал подбородок - учитывая тот факт, что он не был Хоффстаддером, его реакция, когда Зимо назвал имя доктора Хоффстаддера, была удивительной. На первый взгляд, это было трудно объяснить. Зимо задумался, воспроизводя в уме эту сцену: Он услышал крик "Доктор Хоффстеддер!", повернулся, пораженный, даже шокированный, и уставился в толпу, ища того, кто его позвал.

Зимо обыскал карманы мертвеца, зная, что скоро появится полиция, но не особо заботясь об этом. В нагрудном кармане он нашел американский паспорт и водительские права на имя Джона Карденаса. В противоположном кармане он нашел бумажник с десятью тысячами долларов. Стандартный набор для побега из города. Сменить личность и отправиться в ближайший умеренно безопасный международный аэропорт самым незаметным способом.

Он вспомнил короткий список, который ему предоставили. Этот человек, должно быть, Хуан Кармона, один из четырех человек, которых Баккей недавно видел связанными с Эдвардом Хэмптоном. Он сделал именно то, что Зимо ожидал от Хоффстаддера: изменил свою личность и сел на автобус до Кларк Интернэшнл.

Он улыбался так, как геккон улыбается мухе. Возможно, в любом другом городе, в любой другой стране было бы проще скрыться. Но в Маниле они сами шли к нему в руки. Железнодорожной системы на Филиппинах практически не существовало, что ограничивало дальние поездки в пределах острова Лусон либо автомобилем, либо самолетом, либо междугородним автобусом. О передвижении на самолете не могло быть и речи - за ними было слишком легко следить. Автомобили - особенно наемные - были смертельными ловушками. Номерные знаки позволяли легко их опознать, блокпосты - легко перехватить, и они даже не были пуленепробиваемыми.

Поэтому единственным реальным вариантом был автобус, и Зимо был уверен, что рано или поздно все четверо проедут либо через эту автобусную станцию, либо через другую. Не имело значения, через какую именно, у него все было под контролем.

Он сунул маленький пакетик кокаина в карман трупа и встал, когда зазвонил его сотовый.

"Да?"

"Это мистер Ванг. Убитый вами человек - Хуан Кармона, работал в Министерстве иностранных дел. Он был номером три в списке. У него было несколько встреч с Хэмптоном. Что насчет Хоффстаддера?"

"Я его пока не видел. Пара двойников, не более того".

"А что насчет девушки?"

"Я уже говорил вам, мне нужно больше информации о девушке. Вы, наверное, не заметили, мистер Ванг, но в этом городе полно девушек. Вам нужно снова поговорить с Баккеем и узнать больше подробностей. Там была девушка, которая ждала, чтобы купить билет, но она была туристкой и ехала на юг. Наша женщина - местная жительница и поедет на север".

Ванг проигнорировал подразумеваемое оскорбление его сексуальности. Такого нахальства можно было ожидать от агентов МСС, или Гуаньбу, особенно от отдела, известного как Táotài bù, который занимался убийствами. Он спросил: "А Маркос?"

"Пока никаких следов. Какое-то время он будет лежать на дне, но я его найду. Что с ноутбуком?"

"Этим занимается наш лучший человек. Он достаточно мотивирован. Скоро он его взломает".

Зимо хрюкнул: "Скоро может оказаться недостаточно скоро".

Хоффстаддер стоял и наблюдал за происходящим с крытой дорожки, перекинутой через проспект. Он видел, как подъехали две патрульные машины, затем скорая помощь и фургон для осмотра места преступления. Он видел, как инспектор Херардо Баккей подошел к высокому китайцу в небесно-голубом костюме, и видел, как тот отстранил группу криминалистов. Он не хотел, чтобы они там что-то узнали. Он знал, кто убийца. Он уже знал, у кого есть средства, мотив и возможность.

Он видел, как Зимо затаился и полез в карман Хуана Кармоны. Он видел, как Баккей пригнулся рядом с ним и что-то взял в руку. Хоффстаддеру не нужно было видеть это, чтобы понять, что это было. Это был наркотик, скорее всего героин или кокаин, подброшенный для оправдания убийства.

Сначала Эд, теперь Хуан.

Он почувствовал, что кто-то дергает его за руку, и повернулся. Постепенно он осознал, что в этом ужасном, грязном месте, среди толкающегося потока людей, который в обоих направлениях проносился по грязной пешеходной дорожке, был дом. Это был дом для семьи филиппинцев, которые сидели и спали на полу, среди торговцев тканями, где они раскладывали продаваемые ими товары - сандалии, кроссовки, носки, солнцезащитные очки, резинки для волос. Он непонимающе уставился в лицо молодого филиппинца и рассеянно заметил, что у него не хватает четырех зубов. Филиппинец говорил ему: "У нас есть хорошие носки для походов. Ты много ходишь, тебе нужны хорошие носки".

Но Эд был мертв, как и Хуан Кармона. Сколько еще, задавался он вопросом, тех, кого он никогда не встречал? Всех? Вся ячейка? Остался ли он один?

На парапете через проход лежала жена, или мать, или тетя, или сестра этого человека, спящая в нескольких дюймах от смерти, но, по-видимому, безразличная. У той же стены сидел мужчина в ржавых шортах и желтом жилете, а рядом с ним на грязном полу сидел худой ребенок и ел ломоть хлеба. Все они смотрели на него с любопытством, но без интереса.

"Извините", - сказал он, как будто их это могло волновать, - "мне нужно идти домой", а затем, нелепо: "Меня ждет жена".

Он убежал от семьи, которая жила в крытом холле и спала в сантиметрах от смерти, протиснулся сквозь поток людей, спустился по ступенькам на улицу и побежал.

Глава Восьмая

Я отвернулся от "Мерса" и пошел обратно по Нино в сторону зелено-белого дома Эдварда Хэмптона. На дальней стороне улицы стояла странно одетая молодая женщина в панамской шляпе и рубашке, которая была ей велика на несколько размеров. Она выглядела странно, и на мгновение я собрался перейти дорогу и заговорить с ней, но мне очень хотелось увидеть дом, поэтому я пропустил это мимо ушей.

Ворота были закрыты, но не заперты. Когда я толкнул их, какой-то инстинкт или интуиция подсказали мне, что я найду доктора Эдварда Улисса Хэмптона мертвым. Судя по тому, что я слышал и читал об этом человеке, он был не из тех, кто оставляет ворота открытыми.

Я нахмурилась, поднимаясь по лестнице и подходя к двери. Дверь была закрыта. Ворота были открыты, но дверь была закрыта. Я не был уверен, что это значит, но я знал, что это что-то значит. Это было несоответствие, а несоответствия могут рассказать о многом. Например, о том, что на дверной ручке вполне могли остаться отпечатки пальцев человека, закрывшего дверь.

В голове всплыл образ девушки в большой шляпе и рубашке, но было уже слишком поздно идти за ней. Я достал из кармана свой швейцарский армейский нож, выбрал шило, а затем вынул зубочистку. Я вставил шило в замок и возился с зубочисткой, пока не услышал щелчок, затем осторожно толкнул дверь.

Внутри я заметил, что сигнализация была отключена. На ней не было никаких повреждений, поэтому я решил, что убийца отключил ее снаружи или дистанционно. Я снова захлопнул дверь и постоял, прислушиваясь к дому. Было тихо. Очень тихо.

Но один маленький звук царапал мой слух. Он доносился из задней части дома, я решил, что это из кухни, и двинулся по коридору. Я замер, когда вошел в дверь. Было похоже, что банда байкеров на скорости сыграла там матч по регби. Все столовые приборы были разбросаны по полу, половина ящиков повалена сверху. Содержимое шкафов последовало за ними. Там были два лопнувших мешка муки, сахар, соль, банки с помидорами, различные овощи.

Я пробрался к двери на кухню, которая выходила на задний двор, который на самом деле был скорее садом, заросшим высокой травой, каучуковыми деревьями и различными видами пальм.

На пороге сидел кот, маленький, дымчато-серый, и смотрел на меня снизу вверх.

"Наверное, ты проголодался, да?"

Я порылся в беспорядке, пока не нашел его миски, наполнил одну водой, а другую - сухими сухарями, затем поставил их снаружи.

Кухня мало что могла мне сказать, кроме того, что кто-то, кто был неуправляем, что-то там искал. Без криминалистов не было особой надежды выяснить, кто именно.

Поэтому я направился в гостиную. Здесь было то же самое, только еще больше. Мебель была разорвана в клочья, вся обивка выдрана, каждый ящик и каждый шкаф были открыты и опустошены.

Было одно небольшое пустое место, где тот, кто это сделал, сидел и разрывал кресла, диван и все подушки, а рядом с ним лежал кухонный нож с большим серебряным лезвием и черной рукояткой. Я пригнулся, чтобы посмотреть на него. Это был Sabatier. Я достал из

кармана носовой платок и взял нож за лезвие, затем отнес его на кухню в поисках пластикового пакета.

Я нашел пакет для продуктов и аккуратно завернул в него нож. Затем я вернулся в гостиную, чтобы еще раз осмотреть нож. Меня не покидала мысль, что единственное, что я мог восстановить из того, что видел, - это приступ ярости или паники. Но чья она или чем мотивирована, сказать было невозможно.

Я поднялся по лестнице, совершенно уверенный в том, что найду там, и не ошибся. Это было невозможно не заметить - кроме того, что дверь была открыта, был еще и запах, тошнотворно сладкий и немного приторный.

Он был убит выстрелом в грудь с довольно близкого расстояния, хотя и не в упор. На его рубашке не было никаких пятен. По положению тела я понял, что он находился между стрелявшим и дверью, поэтому стрелявший вошел первым. Он подождал, пока Эд не уйдет, отключил сигнализацию, а затем поднялся наверх, чтобы подождать его. Мне стало интересно, почему Эд не заметил, что сигнализация отключена. Он был осторожным, с огромным вниманием к деталям.

Какова бы ни была причина, он поднялся по лестнице и вошел в спальню. И убийца поразил его с другого конца комнаты. Я опустился рядом с ним. На ране уже сидели мухи, кровь запеклась и засохла. Это мало о чем говорило. Время смерти в лучшие времена установить практически невозможно. Но это говорило о том, что три выстрела были плотно сгруппированы. Стрелок не дрожал. Он был спокоен и сосредоточен. Он не был похож на мужчину, или женщину, если уж на то пошло, которые собираются разнести дом в поисках чего-то. Кроме того, я стоял и вздыхал - если бы убийца так отчаянно хотел что-то найти в доме, он бы выстрелил Эду в колено, а не в грудь.

Убийца не обыскивал дом. Он нашел то, за чем пришел, Эд. Если бы ему нужно было что-то еще, он бы спросил, прежде чем убивать его.

Я стоял, уставившись на шкаф. Спальня была единственной комнатой, которую не обыскивали - еще одно доказательство паники, - но шкаф был открыт, и рубашки были потревожены. Одна из вешалок, голая, зацепилась за одну из рубашек, как будто с нее в спешке что-то сдернули, и она откинулась назад под углом. Что-то вроде рубашки на три размера больше для маленькой женщины.

Я тихо проклял себя за то, что проигнорировал собственные инстинкты, и двинулся вниз по лестнице к его кабинету. Он тоже был разграблен, как и весь дом. Я подошел к креслу и сел, наблюдая за комнатой и создавая в голове фильм.

Убийца приехал, отключил сигнализацию, возможно, подключил ее снова, когда был внутри. Затем он поднялся наверх в спальню и стал ждать прихода Эда. Эд, как положено, пришел, прошел на кухню, убрал продукты, а затем поднялся в спальню. Зайдя внутрь, он получил три пули в грудь и рухнул в кресло у стены.

Затем убийца ушел, отключив сигнализацию, чтобы она не сработала при его уходе. Забрал ли он что-нибудь с собой? Возможно. Позже, фактически совсем недавно, женщина пришла искать Эда. Ей нужно было что-то от него, но она обнаружила, что двери открыты, а он мертв. Она стала судорожно искать то, что ей было нужно. Нашла ли она это? Невозможно узнать, но бешеный характер поисков говорит о том, что не нашла, так что, возможно, убийца забрал это с собой.

Моя рабочая теория: то, что она искала, был какой-то список, список членов ячейки Эда, список, по которому она все поняла. А улики указывают на то, что Зимо Чу, опасный

чувак, забрал этот список с собой.

Возможно.

Пока я размышлял, я позволял своим глазам путешествовать по комнате, выбирая вещи наугад. Теперь они обнаружили манильский конверт с нацарапанным на нем именем. Имя было Марион. Я встал и пошел, чтобы взять его, с большой осторожностью, используя носовой платок. Не многие это понимают, но бумага - одна из лучших поверхностей для извлечения отпечатков пальцев. И мое чутье подсказывало мне, что Мэрион только что оставила прекрасную пару, когда забирала то, что Эд хотел дать ей перед убийством. Я поставил на фальшивое удостоверение личности и несколько тысяч в долларах США. Городской набор для выживания.

Этот ребенок не был профессионалом, иначе она бы не запаниковала и не оставила конверт. Тот факт, что она это сделала, говорит мне больше, чем просто о том, что она была дилетантом и до смерти напугана. Это также говорило о том, что она верила, что находится в списке жертв - а если еще не была, то скоро станет. Эда не пытали и не допрашивали. Значит, либо у них была нужная им информация, либо у них была его "маленькая черная книга" - или портативный компьютер, который так заметно отсутствовал в доме, - и в нем была она.

Итак, если я собирался выяснить, что Эд сделал, чтобы навлечь на себя гнев дракона, мне нужно было найти Марион до того, как это сделает дракон.

Я отнес две улики на кухню и нашел второй пластиковый пакет для конверта. Я сложил их в третий пакет и очень тихо вышел из дома. Я дошел до "Тойоты", положил телефон в гнездо, бросил улики на сиденье рядом с собой и позвонил Полу Хоффману в посольство.

"Алекс, чем я могу тебе помочь?"

Я завел пикап и отъехал от дома: "Я подумал, что тебе будет интересно узнать, что я просто навестил старого друга".

Наступило минутное молчание: "Правда? Он был дома?"

"Ну, я думаю, это зависит от твоих взглядов на природу человеческой души. Скажем так, он физически присутствовал, но в остальном очень отсутствовал".

Я пытался говорить, не употребляя слов.

"Ну, думаю, это не очень удивительно".

"Верно. А вот что удивило, так это состояние дома. Настоящий беспорядок. Все перевернуто вверх дном. Очень не похоже на него, ты не находишь?"

"Совершенно. Ты думаешь, его ограбили?"

Я свернул на Бони-авеню, не торопясь, пока думал.

"Мы должны встретиться. Я подобрал пару вещей, которые могут заинтересовать..." Я задумался на мгновение и придумал: "Скажем, для археолога-криминалиста. Здесь есть древний режущий инструмент, и я уверен, что отпечатки ладоней будут интересны любому, кто интересуется концом эдвардианской эпохи".

"У тебя есть дети, Алекс?"

"Нет, дети обычно показывают пальцем и кричат, когда видят меня. А что?"

"У отцов обычно развивается ужасное каламбурное мышление, когда они пытаются рассмешить своих маленьких детей". Я захихикал. Он добавил: "Мы на защищенной линии. Ты можешь говорить откровенно".

"Понятно. Итак, в Эда стреляли. Он сейчас у себя дома. Похоже на профессиональную казнь. На полу в гостиной лежал нож, а на полу в кабинете - конверт. Думаю, отпечатки на

них будут очень полезны".

"Ты думаешь, они принадлежат его убийце?"

"Нет, я уверен, что нет. Но они принадлежат кому-то, кого я должен найти до того, как это сделают китайцы".

"Хорошо, мы можем это сделать. Ты готов поделиться?"

"Я почешу тебе спину, если ты почешешь мою".

"Это хорошие новости. Брось вещи на территории посольства, и я сразу же займусь нашей командой".

"У тебя есть доступ к базам данных "Пяти глаз", верно?"

"Конечно. Просто назови себя и брось его у ворот. Там будет ждать лейтенант".

"Хорошо, Пол, я твой должник. Слушай, еще кое-что".

"Конечно."

"Было бы неплохо отправить туда команду по очистке, пока это не сделали копы или китайцы".

Конечно, мы можем позаботиться об этом".

"И еще, там есть кот, которого нужно спасти".

"Я возьму его домой для детей".

Так что я заскочил на бульвар Роксас, отдал свою посылку лейтенанту морской пехоты у ворот, получил квитанцию и забрал ее с собой в отель. Когда я поднялся в свой номер, был уже поздний вечер, и мне захотелось принять душ, выпить пару крутых мартини и съесть кусок прожаренного мяса. Поэтому я зашел в душ на пятнадцать минут, побрился, намазал лицо бальзамом после бритья (таким, каким пользуются мужчины), натянул вечерний костюм от Savile Row, завязал не совсем идеальный шелковый бант и направился в Peak Grill, где, как мне сказал консьерж, будет все, что я захочу. Он не сказал этого, но по его глазам можно было предположить, что я найду немного больше, чем рассчитывал.

Он не ошибся. Консьержи пятизвездочных отелей очень редко ошибаются.

Когда я приехал, солнце только-только теряло свою хватку и бросало ржавый отблеск за стальные и стеклянные башни города, зажигая окна апокалиптическим огнем и грязно-красным дымом. Я облокотился на барную стойку и сказал бармену, что мне нужен Vesper Martini.

Это был крупный австралиец в бордовом жилете, и он улыбнулся.

"Вы же знаете, что это невозможно, сэр. Они просто больше не производят ингредиенты. Но я могу сделать почти то же самое, черт возьми".

"Попробуйте, только не взбалтывайте".

Он засмеялся: "Как будто я осмелюсь!"

Пока он смешивал ингредиенты с колотым льдом и взбалтывал их, я мысленно собирал ингредиенты этого дня и гадал, какой коктейль из них получается. У меня было очень мало фактов. Эдвард Хэмптон был застрелен на сравнительно близком расстоянии кем-то, чья рука не дрожала. Кто-то разнес его дом. Кто-то оставил нож на полу в гостиной. Кто-то забрал содержимое конверта, адресованного Марион.

С другой стороны, как Гейзенберг и его приятели в Дании постоянно пытались объяснить Эйнштейну и Шредингеру, нельзя отделить наблюдателя от того, что он наблюдает. Они являются частью одной и той же вещи. Так что фактов было больше, чем эти. Был факт, что Зимо Чу, он же Рен Человек, взял на себя труд предупредить меня, чтобы я покинул Манилу и не расследовал исчезновение Хэмптона. Кроме того, было известно, что

Зимо Чу работал в отделе Таотай в Министерстве государственной безопасности в качестве наемного убийцы.

Эти факты позволяли предположить, что Марион наткнулась на чрезвычайно ценную информацию и передала ее Хэмптону, сделав себя при этом главной мишенью. Возможно, она была неосторожна и ее раскрыли. В результате Хэнсон был убит, а она сбежала. Впрочем, это предположение.

Что касается остальных членов ячейки Хэнсона, то мне еще предстояло поговорить с Хоффстаддером, Хуаном Кармоной, работавшим на филиппинское министерство иностранных дел, и доктором Феликсом Маркосом, заведующим новой кафедрой вирусной кибернетики в Филиппинском университете. Можно было с уверенностью предположить, что, если только их должности не были очень надежными, все они тоже уже ушли бы на дно.

Паренек Оззи закончил смешивать напиток и налил его в стакан для меня: "Взболтать, не размешивать", - сказал он, позолотив лилию.

Я взял его, отпил глоток и почувствовал рядом с собой извилистое, но мягкое присутствие. Я повернулся посмотреть и увидел, что на табурет рядом со мной забралась изящная женщина в коктейльном платье из красного бархата. У нее были глаза цвета грешного темного шоколада, черные как грех волосы, собранные в пучок, загорелая кожа, натянутая на совершенно безнравственную шею, плечи и изгибы, которые для целомудрия были тем же, чем бекон для вегетарианцев.

Она использовала полные красные губы и очень белые зубы, чтобы затуманить мой разум улыбкой: "Игристую воду", - сказала она бармену со смутным акцентом Восточного побережья, который никуда не годился. Затем она обратилась ко мне: "Не возражаете, если я присоединюсь к вам?".

Глава Девятая

Я сделал еще один глоток своего мартини и аккуратно поставил его на барную стойку.

"Это тот момент, когда я говорю: "Вовсе нет", а ты срываешь парик и выдираешь зубы?"

Она слегка нахмурилась, но не наморщила лоб: "Извините, я не понимаю".

Я оперся одним локтем на барную стойку и снова нахмурился: "Я прошу прощения. Я шутил. Наверное, вы никогда так не поступаете".

"Нет, если я могу избежать этого. В школе это не одобряется".

"Возможно, им следовало отправить меня в школу. Меня зовут Мейсон, Алекс Мейсон".

В ее глазах было больше юмора, чем на губах: "Если бы нам разрешили, я бы взяла вас за руку".

"И что бы вы с ней сделали, когда она у вас будет?"

Она изогнула изящную бровь: "Ну, конечно, пожалала бы ее и сказала "Как поживаете?". Меня зовут Эйла".

"Эйла?"

"Капитан, капитан Эйла Галлин".

"Капитан..." Это был не совсем вопрос, но он напрашивался на ответ.

"Пехота ЦАХАЛа, затем полевая разведка".

Я кивнул: "А теперь Моссад".

На этот раз ее улыбка была немного теплее: "Не совсем достойно Холмса. Думаю, доктор Ватсон мог бы это сделать".

"Итак, я полагаю, вы присоединились ко мне не из-за моей точеной внешности и дебоширской сметливости".

Она умудрилась прищурить глаза, поднять бровь и выдать одностороннюю улыбку одновременно: "Это много воздуха, - сказала она, - и большая его часть горячая. Хотите занять столик?"

Я кивнул: "Конечно".

Мы отнесли наши напитки за тихий столик, откуда открывался обширный вид на Манилу, погружающуюся в смоговую тьму, пронизанную миллионом крошечных точек света.

Галлин устроилась на сером мягком стуле, а я сел напротив, пытаюсь представить, как она выполняет прямые и боковые удары с камуфляжной краской на лице. Это было нелегко. Прежде чем я успел что-то сказать, она сразу перешла к делу.

"Давай не будем терять время, Мейсон. Позволь мне сказать тебе, почему я здесь".

"Что, никаких светских бесед? Ты не хочешь поговорить о погоде? Я считаю, что Нью-Йорк прекрасен в это время года".

Она оставалась невыразительной, пока я не закончил, а затем спросила "Закончили?".

Я пожал плечами и развел руками: "Заметано".

"Мне не нужно говорить вам, что Соединенные Штаты - наш ближайший союзник".

"Согласен".

"Но даже с близкими союзниками вы не всегда делитесь всем". Она жестом указала на меня: "Вы сами, в ваших разговорах с Агентством, не делитесь всем, и они не полностью открыты с вами, а ведь вы даже не союзники - вы одна и та же страна".

"К чему вы клоните?"

"Я хочу сказать, что у Моссада и ОДИНа не всегда были самые кооперативные отношения..."

"Один? Разве он не какой-то норвежский бог или что-то в этом роде?"

Она вздохнула и достала свой мобильный из сумочки: "Один Одноглазый", - сказала она, набирая номер: "Бог войны и магии".

Она не подносила телефон к уху, а просто смотрела на него. Через мгновение она сказала: "Добрый вечер, Неро, как дела? Алекс хотел бы поговорить с тобой".

Она передала трубку, и на экране появилось жирное лицо шефа. С воротника рубашки свисала льняная салфетка, и он ел устриц. Я ничего не сказал.

"Добрый вечер, Алекс. Это капитан Эйла Галлин. Будьте сговорчивы. Я поговорил с ее начальством, и у нас есть общие интересы".

"Приятного аппетита".

"Faut-il toujours être facétieux? Хватит терять время, поговорите с капитаном Галлин".

"Что он сказал?" - спросила она, но я знал, что она слышала.

"Он спросил, всегда ли я должен быть таким чертовски лицеприятным".

Ее лицо было таким же выразительным, как белый шум: "Боюсь, эта тема меня не интересует. Может, перейдем к делу?"

"Переходите. Вы пришли ко мне. Чем я могу вам помочь?"

"Нам нужно найти доктора Эдварда Улисса Хэмптона, и мы понимаем, что вы тоже его ищете".

"Это так? И почему вам нужно найти Эда?"

"Как это вас касается?"

"Это", - я поднял свой бокал и улыбнулся ей, - "именно об этом я вас и спрашиваю". Она оставалась безучастной. Предположительно, она размышляла. Я отпил глоток и сказал: "Мне кажется, вы хотите, чтобы мы сотрудничали с вами, но только до тех пор, пока вам не придется сотрудничать с нами".

"Дело не в этом".

"Тогда в чем же дело?" Она колебалась, и я огрызнулся: "Хватит нести чушь, Галлин, я знаю о вас столько же, сколько вы обо мне. Нам обоим приказано сотрудничать, но будь я проклят, если буду сотрудничать, пока ты будешь сверкать на меня своими большими карими глазами и рассказывать, какая ты интересная. Это работает в обе стороны или не работает вообще".

Она изогнула бровь: "Значит, ты не всегда лицеприятен".

"В данный момент это вы легкомысленны и теряете время. В чем заключается интерес Моссада к доктору Хэмптону?"

"Хорошо, пару лет назад китайское правительство начало дискретно инвестировать в Филиппинский университет. Все началось с небольших сумм от анонимных доноров. Затем скромные суммы для финансирования совместных исследований по довольно бесспорным темам. Довольно скоро постоянный приток китайских денег вырос и стал тем, от чего университет практически зависел, а китайцы стали донорами, которых университет и правительство не хотели расстраивать или обижать".

Я взял оливку из своего мартини и положил ее в рот: "Только не говорите мне, что именно тогда начались настоящие инвестиции".

"Верно. Это было предложение, от которого они не смогли отказаться. Целый новый отдел для совершенно новой области исследований".

Я поднял палец и нахмурился: "Департамент вирусной кибернетики, возглавляемый доктором Феликсом Маркосом".

"Очень хорошо, доктор Ватсон".

Я сделал лицо, выражающее сомнение: "Китайцы уже давно лидируют в кибервойнах и компьютерных вирусах. Тот факт, что они открыли факультет, специализирующийся на этом, здесь, на Филиппинах, сам по себе не является чем-то выдающимся. Это позволяет им использовать западные таланты так, как они не смогли бы в Китае".

"Вы задали мне вопрос. Вы позволите мне закончить ответ или попытаетесь ответить на него сами?".

"Вы веган?"

Она нахмурилась: "Боже правый, нет!"

"Хорошо, давайте есть". Я подала знак официанту, и он принес два меню, а я велел ему принести два мартини. Когда он ушел, она продолжила.

"Мы очень заинтересовались новым факультетом университета, не в последнюю очередь потому, что на Филиппинах много мусульман, которые вполне могут оказаться студентами этого колледжа. Они тоже могут стать врагами Израиля". Она сделала паузу: "И Соединенных Штатов".

"Я понимаю. Итак, вы следили за доктором Феликсом Маркосом и обнаружили, что он периодически, дискретно контактирует с Хэмптоном".

"Вы снова это делаете".

"Простите, но я прав?"

"Мы заметили, что Маркос и Хэмптон были вместе в одной койке, но мы также заметили кое-что еще. Казалось, что департамент примерно на сорок процентов богаче, чем должен быть".

"Что это значит?"

"Это значит, что Китай выделил департаменту X сумму денег, а правительство Филиппин выделило Y сумму - возможно, десять процентов от общего бюджета, но эти двое вместе составили только около шестидесяти процентов от фактических годовых расходов департамента. Значит, сорок процентов денег, которые они потратили, были получены откуда?".

"Кредиты?"

"Очевидно, это было первое, о чем мы подумали, и это были не кредиты. Поэтому наши бухгалтеры-криминалисты начали копать, и мы обнаружили, что деньги поступали из..."

"Ближний Восток, Саудовская Аравия, счета, связанные с джихадистскими организациями".

Она слегка покачала головой: "Знаете, это не впечатляет, если оставить это на самый последний момент, когда ответ уже стал очевиден".

Она украсила комментарий небольшой улыбкой.

"Это плохая привычка, я знаю. Но позвольте мне побаловать вас еще немного. Вы обеспокоены тем, что Китай и Аль-Каида и/или другие джихадистские группы могут сотрудничать в кибертеррористической атаке, которая, возможно, разрабатывается здесь, в Университете Филиппин."

"Это небезосновательное беспокойство".

"Это совсем не необоснованное беспокойство. Но есть ли у доктора Феликса Маркоса связи с исламом или антиамериканскими группами?"

Она покачала головой: "Нет, но кто у него работает под его началом?"

Я повторил ее покачивание головой: "Я не знаю".

"Но я знаю. Из шести руководителей его проектов трое - мусульмане, двое из Саудовской Аравии и один из Египта. Остальные трое - китайцы. Все шестеро были выбраны китайцами. Феликс Маркос вообще не имел права голоса".

"Похоже, он может быть интересным собеседником".

Она кивнула: "Возможно. Будем надеяться, что завтра он не будет мертв, как Хуан Кармона". Она улыбнулась и взяла меню: "Вы собираетесь рассказать мне, где, когда и как он был убит?"

Я моргнул, глядя на нее: "Нет. Я собираюсь выбрать стейк".

Она обратилась к меню: "Я делюсь и сотрудничаю, верно? Кармона был застрелен возле автобусного терминала Philtranco Pasay вскоре после полудня. Неясно, пытался ли он сесть на автобус или просто оказался там по какой-то другой причине. Полиция утверждает, что он хотел совершить сделку с наркотиками. Они утверждают, что при нем был кокаин, он пытался сопротивляться аресту и был застрелен. Они будут мутить это дело какое-то время и надеяться, что оно рассосется".

"Вы говорите, что его убили китайцы?"

"Мы не знаем, не так ли? Но он был одним из четырех человек, которые, как известно, были связаны с Хэмптоном, и, вероятно, составляли часть его ячейки. Я права?"

"Вы правы. Он работал в Министерстве иностранных дел. Это предположение, но возможно, он знал о договоренности с Китаем".

Она пожала плечами: "Возможно, но, как вы сказали, сейчас это предположение".

"Вы получили это от инспектора Баккея?"

"Он - универсальный источник. Он сделал себя бесценным для Запада и для китайцев. Мы все знаем, что не можем доверять ему на сто процентов, но мы также знаем, что восемьдесят-девяносто процентов того, что он нам говорит, подтверждается".

"Значит, остаются Феликс Маркос на факультете вирусной кибернетики, доктор Джей Хоффстаддер на факультете международного права и, возможно, Марион Джеймс, чумакая иностранка, бросившая учебу".

Она посмотрела на меня поверх своего меню: "И Эдвард Хэмптон".

Я хмыкнул и взял свое меню. Через мгновение она сказала: "Я очень верю в то, что нужно переходить к делу, Мейсон. Вы знаете, что хотите стейк из вырезки, поджаристый снаружи и сырой внутри. Вас не особенно волнует, что к нему подадут, кроме крепкого бургундского, но сначала вы хотели бы что-нибудь из моря, чтобы возбудить аппетит; возможно, креветки или устрицы".

Я уставился на нее на мгновение и не смог удержаться от рычания: "Устрицы".

Она улыбнулась, но не поделилась со мной: "Так, посмотрим, бургундское к стейку, это будет Nuits St. George, Henri Gouges, хорошее, крепкое бургундское. 2008 год был хорошим годом для этого региона, и хотя вы не хотите пить premier cru слишком рано - конечно, не раньше, чем через пять лет, - вы также не хотите его слишком долго хранить. Максимум тринадцать-пятнадцать лет. Я полагаю, что это вино уже готово к хорошей вырезке". Она вздохнула с чувством, похожим на удовольствие, и продолжила просматривать меню: "Что касается устриц, то шампанское - это уже перебор, не так ли? Лично я предпочитаю нежное, ледяное Мюскаде. Здесь есть Севр-и-Мен-сюр-Лье, Шато Л'Оиселиньер-де-ла-Раме, Шеро Карре". Она сказала это легко, без малейшего жеманства: "Для этого вина не было 2017 года,

но 2018 год был отличным урожаем в долине Луары".

Пришел официант с мартини, и она не стала задерживать дыхание. Она сказала ему: "Мы возьмем дюжину устриц с бутылкой очень холодного Sèvre-et-Maine sur Lie, Château L'Oiselinière de la Ramée, Chéreau-Carré, 2018. Я хочу, чтобы вино было очень холодным, вы понимаете?".

"Конечно, мадам".

"Положите его в морозилку сейчас же. Затем мы возьмем два филейных стейка, редкой прожарки, но убедитесь, что они хорошо пропеклись снаружи, прожарились, но внутри кровоточат. К ним - Nuits St. George, Henri Gouges, 2008. Откройте его сейчас и дайте ему подышать".

Он поклонился и ушел: "Как говорил мне терапевт моей матери: "Я слышу, что вы говорите", не надо опекать меня, заказывая за меня напитки".

Она взяла свой напиток и отпила глоток. Она облизала губы очень розовым языком и тихо вздохнула, опустив бокал.

"Я не хочу всю ночь "ломать тебе яйца", Мейсон, но скажи мне кое-что. Когда в последний раз ты объяснял, почему ты заказал еду?" Она наклонилась вперед и поставила локти на стол: "У нас в Израиле все немного по-другому, Мейсон. В Британии, США женщины изо всех сил стараются быть больше мужчин, агрессивнее мужчин, властнее и напористее мужчин. Моя теория состоит в том, что они делают это потому, что в современном мире не остается ничего другого, кроме как фантазировать, и потому, что ваше общество больше не испытывает никакой потребности в мужчинах.

"Но Израиль не такой. Мы сталкиваемся с угрозой исчезновения каждый день, когда поднимаемся на работу, и каждую ночь, когда ложимся спать. Мы окружены с трех сторон людьми, которые хотят стереть нас с лица земли только потому, что мы евреи. Женщины идут в армию в Израиле не потому, что мы должны - хотя мы должны, - и не потому, что мы хотим доказать, что мы равны или лучше мужчин. Мы идем в армию, чтобы бороться за свое выживание, за выживание наших семей и наших детей. Вы понимаете?"

Она ждала, что я отвечу. Я не ответил, и она продолжила.

"И, в отличие от британских и американских женщин, мы не ходим с топором в руке, пытаюсь отрубить яйца каждому встречному мужчине. Потому что мы хотим и нуждаемся в том, чтобы наши мужчины были мужчинами. Настоящими мужчинами. Не мачо-задротами, не гориллами, а мужчинами. Отцами в мире, львами на войне".

Я кивнул: "Я понимаю".

Она выглядела неопределенно удивленной: "Правда? Мне не нужно драться с тобой или ломать тебе руку?"

Я улыбнулся: "Я бы не рекомендовал пытаться, но тебе не нужно этого делать, нет".

Она протянула руку, и наши руки сжались. Официант спас нас от неловкого молчания, появившись с тарелкой устриц, бутылкой в ведерке со льдом и двумя матовыми стаканами. Он налил и оставил нас.

Если не считать нескольких благодарных звуков, мы молчали, пока не была съедена последняя устрица и выпита последняя капля вина. Затем она улыбнулась мне через стол, и тут же я увидел ее, покрытую грязью и пылью, в камуфляжной форме, сидящую с парнями в грязи, с Tavor X95 на коленях. Она позволила мне заглянуть за завесу.

"Итак, - сказала она, - в чем дело с доктором Эдвардом Улиссом Хэмптоном? Почему вы не хотите о нем говорить? Он мертв? Они убили его?"

Я кивнул: "Да".

"Ублюдки. Я знала, что это случится. Знаешь, когда ты наступаешь китайцам на пятки, если ты им не нужен, они тебя ликвидируют. Они не ссут без дела. Я сказала им в офисе: "Он бесполезен для китайцев и ведет очень опасную игру. Они его убьют". Они послушали?"

"Видимо, нет".

"Они убьют их всех, если мы им позволим. Вы знаете, кто это сделал?"

"Я могу предположить".

"Зимо Чу?"

"Теперь ты это делаешь".

Она подмигнула и усмехнулась: "Да, но у меня это хорошо получается".

И она определенно была одним из парней.

Глава Десятая

Поэтому я рассказал ей о том, как нашел Хэмптона, и о девушке, которую я видел спешащей прочь от дома в рубашке и шляпе Хэмптона. Я рассказал ей все это за кофе и двадцатилетним виски Bushmills, потому что, по ее словам, мясо и вино заслуживали нашего полного внимания.

"Вы получите больше того, на чем сосредоточитесь", - сказала она и пожала плечами: "Может быть, они дадут нам вторую порцию".

Когда она полностью очистила свою тарелку, она откинулась на спинку стула, вздохнула и снова улыбнулась мне. Она осушила свой бокал и, поставив его на стол, чмокнула губами.

Теперь мой отец сказал бы: "А теперь, тело мое, чего ты еще хочешь?". Она подняла руку и щелкнула пальцами, и официант появился рядом с ней, как будто она вызвала его с помощью каббалы.

"У нас будет два кофе эспрессо, два бокала двадцатилетнего односолодового Bushmills, но вы поставите их в коньячные бокалы без льда. Вы также принесете набор сыров, в основном голубых".

Я прокомментировал: "Вы привыкли отдавать приказы". Она ответила: "Да, так расскажите мне о докторе Хэмптоне", и тогда я рассказал ей о том, как нашел его и встретил девушку, которую я принял за Марион, во время рассказа принесли кофе, виски и сыр.

Она сидела, потягивая виски и время от времени принохиваясь к нему: "Оно похоже на изысканный бренди", - прокомментировала она.

"Так что, на мой взгляд, после смерти Хэмптона Марион, похоже, стала центральной фигурой в этом деле".

Она кивнула: "Потому что именно она фактически, физически снабдила Хэмптона тем, из-за чего его убили". Я кивнул и сделал глоток: "В противном случае у нас есть Хоффстаддер и Маркос".

"С обоими мы должны поговорить утром. Феликс может представлять особый интерес".
"Мы? Я с удовольствием поделюсь..."

Она покачала головой и полезла в сумочку. Она достала сложенный лист бумаги и передала его мне через стол. Я открыл его и увидел, что это соглашение между ОДИН и Моссад, неразборчиво подписанное шефом, о том, что мы будем всячески сотрудничать с их агентом.

"Ты и я, приятель. Как Бинг Кросби и Боб Хоуп, Старски и Хатч, Малдер и Скалли".

"Мейсон и Галлин - это не совсем то же самое".

"У нас все получится. Куда ты, туда и я. Поверь мне, ты не пожалеешь об этом. Я могу быть довольно полезной".

Я вздохнул: "Я в этом не сомневаюсь, но предупреждаю, что я не лучший командный игрок".

"Настоящие хищники редко бывают такими, но ты привыкнешь ко мне. Кто это был? Это был Грязный Гарри? Ему пытались навязать напарника, а все его предыдущие напарники погибли, а он рычит: "Я всегда работаю один". А потом выясняется, что его новый напарник - дама!".

Она засмеялась, и я заметил, что ее глаза стали теплыми и влажными. Выпивка пошла

ей в голову, и я решил, что она не часто пьет.

"Я не против работать с партнером. Просто я не очень хорош в этом. Так какие планы на завтра?"

"Я присоединюсь к тебе на завтраке ровно в восемь, потом мы поедем на моей машине навестить доктора Хоффстаддера. Затем в обед мы устроим засаду на Феликса Маркоса. Он обычно ходит домой на обед. Мы поймаем его там, дома".

"Звучит нормально. А почему на твоей машине?"

"Потому что я видела твою машину. Она выглядит так, будто роботы умерли от скуки, собирая ее. Представляешь, как трудно наскучить роботу? Твоя машина может это сделать. У меня Corvette C8, четыреста девяносто пять лошадей, сто девяносто пять миль в час, и, заметь, от нуля до шестидесяти за две целых восемь десятых секунды. Это эффективное использование крутящего момента. Твое лицо становится похожим на лужу, когда вертолет заходит на посадку. Ты когда-нибудь видел это? Оно становится как бы плоским, а по бокам колышется рябь. Твои щеки не успевают за твоим лицом. Это злобная машина".

"Корвет C8. Ты та самая женщина, которая присоединилась ко мне в баре? Ты как-то по-другому выглядишь. Слушай, нам лучше сделать..."

"Я выгляжу соответствующе, но мне трудно держать себя в руках. У тебя есть Aston Martin DBS".

"Есть".

"Я читала твое досье".

"Может быть, нам...?"

Я хотел встать, но на ее лице все еще была теплая, озорная улыбка.

"Что?" - сказала она: "Танцевать? Променад? Откланяться?" Ее лицо стало неожиданно грустным: "Взять отсрочку?"

"Как насчет того, чтобы отдохнуть перед завтрашним днем?" Я встал, а она сидела, глядя на меня сверху.

"Умно и разумно. Моя мать не одобрила бы тебя: "Он убьет твой творческий дух!" - сказала бы она. Найди себе хорошего мальчика, который напьется до смерти, только чтобы написать одно стихотворение о правде".

Наши глаза надолго застыли. Затем я твердо сказал: "Гэллин, нам пора идти. Нам завтра рано вставать".

Она, казалось, не слышала меня: "Моя мать дала мне много советов". Она рассмеялась: "И я имею в виду много! "Никогда не занимайся сексом на первом свидании, если ты не трезвая". Это был один из ее советов. А потом: "Никогда не занимайся сексом с парнем, который не напоит тебя на первом свидании. Он слишком хорош, чтобы быть правдой".

Я подавил вздох: "Умно. Я понимаю, что она там делала".

"Понимаешь? А я нет. И еще: "Занимайся любовью, а не сексом". Она была хиппи Беркли 68-го года".

"Еврейская хиппи?"

"Нет. Были и такие, но она не была одной из них. Она была своего рода WASP, обратившейся в индуизм или йогу, или что-то в этом роде. Христиане всегда ищут что-то более христианское, чем христианство. Потом она встретила моего отца и влюбилась. Влюбиться в моего отца было легко. Он был человеком. Добрый, сильный, преданный, верный..." Она запнулась.

Она побарабанила по столу печальную татушку. Я хотел спросить. Я хотел знать. Но я

знал, что это будет ошибкой: слишком много и слишком рано. Может быть, после того, как работа будет закончена. Я протянул руку.

"Я отвезу тебя домой и буду рад видеть тебя завтра за завтраком рано утром".

"Я могу понять намек. Ты прав. Пошли."

Она поднялась, с идеальным самообладанием переплела свою руку с моей, и мы пошли к лифту. Там я нажал кнопку вызова, и двери с шипением открылись. И когда я протянул руку к кнопке холла, она легонько шлепнула меня по запястью, покачала головой и издала то отрицательное "ту-ту-ту-ту", которое издают некоторые женщины. Затем она нажала на шестой этаж. Мой этаж, и одарила меня тлеющей улыбкой из-под бровей.

Я начал говорить: "Гэллин, это не...", но она усмехнулась и ударила меня по плечу: "Не льсти себе, красавчик. Я живу в том же отеле, на том же этаже. Когда я ловлю рыбу, Мейсон, я не выбрасываю ее обратно. Я ее готовлю и ем".

Лифт остановился, и мы вышли. Она указала на мою дверь в пятнадцати шагах от нас: "Это твоя", - сказала она. Затем она указала на дверь в дальнем углу стены немного правее нас: "Это моя. И я увижу тебя, когда славное утро позолотит ручьи небесной алхимией".

Я смотрел, как она вошла внутрь и закрыла дверь, а затем некоторое время стоял, размышляя, что, черт возьми, только что произошло. Наконец я прошел пятнадцать шагов до своей комнаты, принял долгий холодный душ и лег спать.

* * *

В семь тридцать она постучала в мою дверь. К счастью, я принял душ и оделся. Я открыл и вышел, закрыв за собой дверь.

"Что тебя задержало?"

Она издала звук, похожий на "Тшх!", и последовала за мной к лифтам. Я заметил, что на ее голове были очень черные солнцезащитные очки.

"Ты ведь не пьешь много?"

"Я держу себя в форме. У меня седьмой дан по тхэквон-до. Естественно, у меня черный пояс, третий дан по Крав Мага, и я имею степень инструктора по Джит Куне До".

Лифт прибыл, и двери открылись: "Значит, ты довольно крут, но не умеешь держать себя в руках. Это часто случается".

"Да, но держать себя в руках - это не то, к чему я когда-либо стремился. Кроме того, знаешь ли ты, что чем ты здоровее, тем быстрее пьянеешь?"

"Ага. Давай выпьем кофе. И тебе нужен протеин. Лучшее лекарство от похмелья - белок. Бекон, сосиски, яйца".

Я остановился, потому что она позеленела. Она спросила: "Это правда?"

"У меня десятый дан по похмелью. Поверь мне".

Она последовала моему совету, и после плотного завтрака из бараньих отбивных и жареных яиц, а также пинты крепкого черного кофе мы выехали на Родригес-авеню, направляясь на север к юридическому факультету Филиппинского университета.

Корветт оказался тем, о чем она говорила. Он с необычайной легкостью и элегантностью прокладывал себе путь через пробки, но когда она нажимала на газ, всплеск мощности вдавливал тебя в сиденье и заставлял твое лицо покрываться рябью, как она и говорила.

Мы добрались до проспекта Магсайсай за несколько минут, и я был уверен, что мы оставили позади несколько дорожных полицейских, которые чесали головы и хмурились. Мы въехали в лиственный парк, она издала звук, похожий на смех, заглушила двигатель, вылезла и с тихим стуком закрыла дверь. Я последовал за ней.

Мы нашли офис факультета, я облокотился на стол и улыбнулся секретарше, глаза которой говорили о том, что она воздерживается от суждений. Она слишком долго работала с юристами, чтобы доверять кому-то на слово.

"Мы хотели бы видеть доктора Джея Хоффстаддера, пожалуйста".

Ее брови стали вежливо властными: "У вас назначена встреча?"

"Нет, но я уверен, что он примет нас. Я представляю правительство Соединенных Штатов, и характер нашего визита является конфиденциальным и срочным".

Ее брови уже были довольно высоко подняты, но она умудрилась поднять правую еще выше и сказала: "Мне очень жаль, но доктора Хоффстаддера сегодня нет. Я могу принять сообщение, если хотите".

"Нет, все в порядке. Вы можете сказать мне, где он находится? Как я уже сказал, дело действительно срочное".

Она мгновение колебалась, затем: "Боюсь, я не знаю, где он. Он уехал вчера рано днем и не звонил сегодня утром. Он уже должен быть на месте, но иногда он приходит поздно и задерживается..." Она запнулась и развела руками: "Хотите, чтобы я позвонила ему домой?"

Я покачал головой: "Нет, ни в коем случае. Мы поймем его там. Я позвоню ему по дороге".

Она смотрела, как мы уходим, и я чувствовал ее взгляд на своей спине всю дорогу до машины.

Когда мы забрались внутрь, я сказал: "Ты не могла найти что-нибудь более заметное? Я думаю, там могут быть глухие и слепые люди, которые не узнают о нашем приезде".

Она завела "зверя", и мы выскользнули из факультетского накопителя, как змея на ракетном ходу.

"Ты ведь знаешь многих людей в разведывательном сообществе?" - спросила она.

"Да, и ни у кого из них нет Corvette C8".

"Если нам нужно будет куда-то поехать инкогнито, не волнуйся, мы воспользуемся твоим холодильником на колесах. Он ушел вчера рано утром и не пришел сегодня. У него есть, может быть, двадцать часов на нас, или он мертв".

"У него жена и двое детей".

Она молчала некоторое время, двигаясь по Катипунан-авеню, мимо полуразрушенных лачуг и трущоб, которые стояли щека к щеке, отделенные иногда всего лишь стеной от роскошных особняков с лужайками и бассейнами. Галлин вдруг нахмурился и сказал: "Какого черта все эти проклятые силовые кабели и знаки. Куда ни глянь - везде чертов рекламный щит, или плакат, или знак! Голосуй за Кабреру, ешь лапшу, учишь программированию и не паркуйся в шести футах друг от друга!".

"Это следующий справа."

Она разогналась с тридцати до девяноста за одну секунду, обгоняя велосипеды, рикш, легковые автомобили, грузовики и такси, затем свернула и затормозила на крайней полосе, пока я отрывал лицо от сиденья.

"Я знаю, где это", - огрызнулась она.

Дом был большим многоэтажным кремовым зданием с красной двускатной крышей в

георгианском стиле и высокими окнами с множеством маленьких квадратных стекол. Все окна были закрыты, а дом с его садами и лужайками надежно укрыт за семифутовой бетонной стеной с большими железными шипами на вершине. Был еще гараж, но там были большие уродливые оранжевые железные двери, которые были надежно закрыты. Рядом с ними находилась клавиатура и объектив видеокамеры. Галлин поковырялась в нем и рассеянно сказала: "Дома никого нет. Дай мне руку, я раздвину перегородку и впущу тебя изнутри".

"Конечно." Я кивнул, вставляя иглу и зубочистку от моего швейцарского армейского ножа в замок на двери гаража. Через мгновение она распахнулась, и я вошел в большой, пустой гараж, рассчитанный на две машины.

"Никого нет дома. Закрой дверь, ладно?"

Она закрыла дверь, и мы немного постояли, глядя на пустое пространство. Она сказала:

"Он забрал свою жену и детей и сбежал". Она ткнула в меня пальцем: "Вот это заметно".

"Это также не в его духе". Я поиграл с замком от гаража на кухню, и через секунду или две он открылся. Прежде чем войти, я указал на камеру наблюдения, наполовину спрятанную в углу гаража: "Посмотрим, насколько он верен своему характеру".

Кухня была просторной, с круглым сосновым столом в центре пола и большими раздвижными окнами справа над раковиной и рабочей поверхностью. Через окно можно было увидеть лужайку и высокие деревья, кипарисы и пальмы у живой изгороди. Я попробовал включить свет. Электричество было включено. Холодильник все еще гудел. Я сказал:

"Если они совершили побег, то это не было решением в последнюю минуту. Это было в последнюю секунду".

Она кивнула: "Если он профессионал, это была последняя секунда, спланированная за годы вперед". Я осмотрел потолок над дверью гаража. Я надеялся, что камера видеонаблюдения была установлена после постройки дома. Похоже, так оно и было. Провод был незаметно спрятан в углу и покрашен в белый цвет, но он там был.

Она увидела, что я смотрю, и сказала: "Наверное, она идет к его логову". И, оглядевшись вокруг на мгновение, она добавила: "Не думаю, что кухне есть что нам рассказать, кроме того, что она была телепортирована отсюда. Я думаю, что история наверху".

Я согласился, но все же мы методично обошли первый этаж. Раздвижные двери, выходящие к бассейну, были открыты. На диване лежал раскрытый журнал, а из-под него торчала пара домашних туфель.

"Вполне то, что ты ожидала".

Она сказала: "Дети были в школе".

Я кивнул: "Понятно".

Мы поднялись по лестнице и нашли его кабинет. Первое, что бросилось в глаза, - открытый шкаф для канцелярских принадлежностей: "Первый признак того, что она была в панике", - сказал я и присел перед ним.

"Сейф?"

"Ага. Он пустой. Это был их протокол паники. Он предупредил ее, вероятно, по телефону с факультета. Она бросила все свои дела и схватила набор для выживания, который они приготовили в сейфе. Под каким-то предлогом она пошла забрать детей из школы, и они встретились на каком-то randevu". Я оглянулся через плечо: "Компьютер выключен или

спит?"

Она пошла и села в большое кремовое кожаное кресло за письменным столом и застучала по клавиатуре: "Спит. Видишь? Вот почему паника - плохая идея". Она набрала еще немного, пару раз хмыкнула, вздохнула и наконец сказала: "Три билета в аэропорт Лос-Анджелеса вчера рано утром, на имена Джулии, Марка и Элизабет Хенсон".

Я сел на пол и повернулся к ней лицом: "У них двое детей, Марк и Элизабет".

Она оперлась подбородком на руку и наблюдала за мной с минутой: "Чтобы дети не знали, что они в бегах. У них одинаковые имена, чтобы они не поняли, что происходит что-то странное".

"Но она Джулия. По крайней мере, на время полета".

"И что же он делает?" - спросила она: "Он бронирует билет отдельно? Они встретятся в аэропорту Лос-Анджелеса?"

Я закрыл глаза и попытался представить, что я - солидный, умный академик, который является серьезным, ответственным патриархом, обеспечивающим свою семью. Что бы я сделал?

"Нет, он отправил их на реактивном самолете подальше от опасности, и он пойдет более кружным путем, чтобы отвести от них опасность".

Некоторое время мы молчали, потом она сказала: "Транспортная инфраструктура этой страны - дерьмо. Железные дороги не существуют. И если бы я был в бегах в полицейском государстве с китайцами, дышащими мне в затылок, я бы не стал брать машину напрокат".

"Это объясняет, почему Кармона находился в автобусном терминале".

"Международный аэропорт Кларк находится в пятидесяти милях к северу отсюда, за городом Мабалакат. Он летает в основном на восток, но у него есть пара пунктов назначения на Ближнем Востоке, которые могут пригодиться, если ты будешь в бегах". Она еще немного пошуршала по клавиатуре и сказала: "Дубай. Отсюда Emirates летает в Дубай".

Глава Одиннадцатая

Я поднялся на ноги.

"Итак, она отправляется с детьми прямо в аэропорт Лос-Анджелеса, используя фальшивые паспорта, а он, как он надеется, добирается на междугороднем автобусе инкогнито до международного аэропорта Кларка, а затем возвращается домой в Лос-Анджелес через Дубай". Пока я говорил, я доставал свой мобильный. Я набрал номер, и после одного гудка голос Лавлока сказал: "Офис директора международной аэронавигации, как я могу направить ваш звонок?".

"Это Мейсон, ОДИН два-один пять два, мне нужно поговорить с Неро, быстро".

Возникла пауза, пока вызов проходил через систему распознавания голоса. Наконец она сказала: "Говорите, абонент".

Прежде чем я успел заговорить, голос шефа прорычал: "В чем дело?".

"Эд умер".

"Как поэтично, ты даже сделал это в рифму. Что еще?"

Я нахмурился, глядя на телефон: "Кармона тоже мертв, оба убиты. Подробности вы узнаете в моем отчете. Мы полагаем, что Хоффстаддер направляется в Кларк Интернэшнл в..." Я уставился на Галлин, она сказала: "Мабалакат". Я сказал: "Недалеко от Мабалаката, к северу от Манилы..."

"Я знаю, где находится Мабалакат!"

"Это здорово. Рад за вас. Мы думаем, что он попытается долететь до Дубая и там сделать пересадку в аэропорту Лос-Анджелеса. Его жена либо уже в Лос-Анджелесе, либо на пути туда. Вы должны попытаться забрать их обоих. С женой двое детей, и она путешествует как Джулия Хенсон. Детей зовут Марк и Элизабет. Будьте спокойны".

"Спасибо за гуманный совет. Что-нибудь еще?"

"Не сейчас, нет. Просто дайте мне знать, когда заберете Хоффстаддера".

Он хмыкнул и повесил трубку. Она смотрела на меня сузившимися глазами.

"Что насчет Мэрион Джеймс?"

"Я не знаю", - сказал я: "Что-то подсказывает мне, что она - ключ к этому. Она пришла к нему сразу после убийства и разнесла дом в поисках того, что он должен был ей передать".

"Конверт."

"Возможно. Может, это были просто деньги, но она была в панике, а это значит, что она что-то знала".

"Она знала, что происходит".

Я хмыкнул и кивнул: "Мы должны найти ее, как можно скорее".

"Я согласен, но сначала мы должны пойти и поговорить с Феликсом Маркосом. Нам нужно знать, жив ли он, и если да, то мы должны взять его под защиту. Его и его семью".

"Как, черт возьми, вы собираетесь это сделать? У нас здесь нет юрисдикции".

Она пожала плечами, как будто я сосредоточился на тривиальном и не смог увидеть общую картину: "Давайте сначала посмотрим, жив ли он. Если нет, то это не будет проблемой". Она собралась встать, но опустила обратно в кресло, как будто ее остановила какая-то мысль: "Вы сказали, что она была одета в одну из его рубашек и шляпу?"

"Ага".

"И она шла".

"Да."

"Это другое."

Я нахмурился: "Что ты имеешь в виду?"

"Хоффстаддер, его семья, бронированная на рейс в Лос-Анджелес, с фальшивыми удостоверениями личности и паспортами, Кармона, фальшивый американский паспорт, предположительно направляющаяся в аэропорт, но она уходит в импровизированной-плохо-импровизированной маскировке после того, как разнесла его дом. Это другое дело".

Я пожал плечами: "Конечно. К чему ты клонишь?"

"Я не знаю. Это другое. Вот и все".

Она поднялась и пошла осматривать остальную часть дома. Я позвонил Полу Хоффману в офис ЦРУ в посольстве.

"Мейсон, чем я могу вам помочь?"

"Я думаю, что по крайней мере двое контактов Хэмптона могли попытаться покинуть страну через "Кларк Интернэшнл".

"Логично."

"Да, это логично, но я беспокоюсь за них. Похоже, китайцы решили уничтожить то, что они воспринимают как возможную ячейку шпионажа. Пока что они уничтожили Хэмптона, а Хуан Кармона, Феликс Маркос, Джей Хоффстаддер и Марион Джеймс могут быть либо уже мертвы, либо в списке жертв".

Он сделал неопределенный звук, который говорил о том, что пока это не проблема Центральной разведки, а что касается межведомственного сотрудничества, то оно находится за гранью возможного. Я продолжил.

"Есть две вещи, которые вы можете сделать для меня. Пусть кто-нибудь проверит, вылетали ли Джулия, Марк и Элизабет Хенсон из Манилы в Лос-Анджелес в течение последних двадцати четырех часов..."

"Подождите." Я услышал какие-то приглушенные слова и понял, что он отдал приказ: "Извини, Мейсон, продолжай".

"И мне нужно знать, садились ли Джей Хоффстаддер и Мэрион Джеймс на рейсы в Дубай из Кларк Интернешнл, или, если нет, бронированы ли они на какие-либо рейсы в Дубай".

"Хорошо, рад помочь". Очевидно, что я не выходил за рамки служебных обязанностей: "Кстати", - добавил он: "Те отпечатки, которые вы хотели?"

"Вы получили их?"

"Да, они не были обнаружены в базе данных CODIS или "Пяти глаз", но я поговорил с местными полицейскими и спросил, могут ли они позволить мне получить отпечатки нескольких британских и американских резидентов. Очевидно, что если у них есть разрешение на проживание, они должны сдать свои отпечатки. Я сказал, что это часть обычной процедуры, и они с радостью согласились. Здесь, слава Богу, все еще существует политика сотрудничества с США, по крайней мере, на этом уровне. Хотя мы понятия не имеем, как долго это продлится".

"Итак, как я уже говорил, я включил имя Мэрион Джеймс в список и получил сканы всех удостоверений личности и отпечатков пальцев, включая ее".

"Это здорово, но вы меня убиваете, переходите к делу".

"Мэрион Джеймс держала конверт, и она же держала нож. По словам наших криминалистов, ее отпечатки соответствуют тому, что она открыла конверт - провела

пальцем по клапану и так далее - и активно использовала нож, поднимая и опуская его много раз. Очевидно, есть много отпечатков, смазанных другими отпечатками, как будто она брала его и использовала снова и снова".

"Хорошо, это здорово, Хоффманн, спасибо".

"Давайте пообедаем в ближайшее время, чтобы вы могли ввести меня в курс дела".

"Мы так и сделаем. Я твой должник. Позвони мне, как только у тебя будет что-нибудь по этим рейсам".

"Будет сделано".

Я повесил трубку. Галлин стояла передо мной, глядя мне в лицо.

"И что?"

"Итак, она держала конверт и неоднократно использовала нож".

Но не для того, чтобы убить его, а чтобы разнести его дом". Тогда, когда она получила содержимое конверта, что она сделала? Риторический вопрос, Мейсон. Не отвечай. Она надела одну из его рубашек и панамскую шляпу в качестве импровизированной маскировки и убралась оттуда. Куда она пошла?"

"Это тоже риторический вопрос?"

"Нет".

"Тогда моя ставка: она пошла на автовокзал и села на автобус до Кларк Интернэшнл".

Она опустила уголки рта и покачала головой: "Неа", - сказала она.

"Почему нет? Назови мне причину".

"Потому что она другая. Она не занимается ремеслом. Она импровизирует - паникует и импровизирует".

Я задумался: "Потому что она была завербована совсем недавно и не проходила никакой подготовки".

"Так что она может сделать противоположное тому, что мы ожидаем".

"И это может просто спасти ее".

Она кивнула: "Хорошо. В этом доме больше ничего нет. Они ушли".

"Итак, мы закрываем сейф, забираем жесткий диск, убираем все признаки того, что мы здесь были, и идем навестить Феликса Маркоса". Я заколебался: "Я чего-то не понимаю, почему она не стерла жесткий диск? Почему она оставила доступной информацию о своем полете?"

Она легонько ударила меня по плечу: "Она начала, но я думаю, что она очень торопилась и была в панике, и думала, что она и ее дети покинут Филиппины до того, как кто-нибудь начнет искать. И она была права. Кроме того, она забыла нажать ОК".

Я кивнул: "Хорошо, я согласен. Поехали".

От дома Хоффстаддера до отдела вирусной кибернетики на улице Т. Х. Пардо де Тавера было несколько минут езды. Это было огромное, громоздкое, космического возраста здание с большим количеством стекла, стали и безжалостных прямых линий из бетона. Оно выходило на университетский сад бонсай и показалось мне таким же извращенным и неестественным.

Мы припарковались на стоянке перед новым факультетом, где деревья бонсай давали достаточно тени для всего, что меньше кузнечика, но ничего особенного для "Корвета" Галлин.

Офис факультета представлял собой пятиугольную комнату со стеклянными стенами в центре пятиугольного тропического сада в самом центре здания факультета. Секретарша

слушала нас с парализованной улыбкой. Когда я закончил объяснять ей, что мы хотим поговорить с доктором Феликсом Маркосом, главой факультета, она сказала: "Доктор Маркос сейчас недоступен, и мы не уверены, когда он вернется. Вы хотите поговорить с исполняющим обязанности главы, доктором Чжао Гуаном?".

Галлин собиралась что-то сказать, но я прервал ее.

"Да, пожалуйста". Когда она подняла трубку, я спросил: "Это доктор Гуан или доктор Чжао? Я не хочу показаться невежливым".

Ее улыбка из похожей на дроида превратилась в фригидную: "Доктор Чжао, Чжао - это его фамилия".

Она минуту говорила по телефону по-китайски, затем указала на выход из офиса через тропический сад: "В вестибюле поднимитесь на лифте на следующий этаж. Кабинет доктора Чжао на первом слева". Она снова улыбнулась и при этом сумела втиснуть в глаза тревожное презрение и отвращение.

"Доктор Чжао очень занятой человек. Вы можете сделать визит очень коротким, пожалуйста".

Я кивнула: "Я уверена, что мы сможем".

Мы последовали ее указаниям и, постучав в дверь руководителя факультета, получили ответ "Войдите!", произнесенный императивным голосом, который звучал не по-китайски, а по-американски.

Я открыл дверь, и Галлин вошла вперед меня.

Кабинет был очень большим, и стены слева и прямо по ходу нашего движения были сплошным стеклом. Две стены справа от меня были уставлены книгами. Пол был мраморным, в центре стояла бычья шкура с тяжелым журнальным столиком из красного дерева и четыремя кожаными креслами, расставленными вокруг него. Доктор Чжао находился слева, в углу, окруженный стеклянными панелями, так что на мгновение показалось, что он парит над маленькими деревьями снаружи.

Он смотрел, как мы вошли, не вставая и без всякого выражения на лице. У него были большие очки, которые отражали свет и делали его еще более невыразительным. Он наблюдал, как мы подошли к столу и, не говоря ни слова, жестом указал на два стула напротив себя.

Мы сели.

Когда молчание стало некомфортным, он сказал: "Чем я могу вам помочь?".

"Мы надеялись поговорить с доктором Маркосом. Вы не знаете, когда он вернется?"

Его длинный, безгубый рот растянулся в рептилоидной улыбке. Это была не та улыбка, которую хотелось бы увидеть ночью.

"Доктор Маркус недоступен. Чем я могу помочь?"

Я покачал головой: "Я не думаю, что вы можете, доктор Чжао. Видите ли, нам нужно поговорить с ним о его знакомстве с доктором Хэмптоном".

Я чувствовал, как глаза Галлин прожигают бок моего черепа. Линзы доктора Чжао блестели от удовольствия.

"Возможно, если вы расскажете мне, что именно вы хотите узнать, я смогу вам помочь. Я был довольно близок с доктором Маркосом".

"Были? А сейчас нет?" Я подарил ему свою самую очаровательно невинную улыбку.

Он рассмеялся, как скрипучее кресло-качалка, поскрипывая и наклоняясь вперед-назад.

"О, мы по-прежнему очень близки, уверяю вас. Это просто манера речи".

"Итак, доктор Чжао, простите за вопрос, но, если вы все еще близки, почему мы не можем его увидеть?"

В линзах мелькнуло невыразительное выражение, а его рот так и не расплылся в тонкой змейке улыбки. Он издал звук, похожий на "Хм, хм, хм...", а затем недоуменно сказал: "Его семья искренне благодарна за вашу заботу и интерес. Они всегда очень хорошо отзываются о вас". Я нахмурился, размышляя, не хотят ли нас обмануть, но он продолжил: "Доктор Маркос нездоров. У него душевная болезнь, тревога, стресс, переутомление. Поэтому администрация больницы отправила его в прекрасный дом отдыха, где он может спокойно восстанавливать свое здоровье". Да. Большое спасибо за заботу".

"Вы поместили его в клинику?"

"Для его собственного благополучия, и мы надеемся, что скоро он снова станет прежним и таким, каким мы все любили его видеть в старые добрые времена".

"Как долго он находится в этой клинике?"

"Как только любящий и заботливый консорциум инвесторов увидел, что доктор Маркус несчастлив, спокоен душой и духом, они немедленно приняли меры, чтобы прийти дорогому доктору Маркусу на помощь".

"Но как давно?"

Он кивнул, как будто я сказал что-то остроумное и проницательное: "Немедленно", - сказал он, а затем добавил для убедительности: "Сразу же, немедленно".

Видя, что я свернул в тупик, я сменил тему.

"А как насчет его семьи? Они поехали с ним?"

"Его поддерживают преданная жена и двое преданных детей, которые каждый день молятся о его скорейшем возвращении".

"Конечно, я знаю, но где его семья?"

Прежде чем он ответил, я решил, что это бессмысленное занятие, но он не стал медлить и ответил, хотя это и было бессмысленно.

"Куда бы ни отправился доктор Маркос, его любящая семья всегда хранит его в своем сердце. Ему очень повезло, что у него такая преданная семья, которая поддерживает его в эти трудные времена".

Я услышал, как Галлин пробормотала: "Хоб рахмоны!".

Я проигнорировал ее и сказал: "Да, действительно. Доктор Чжао, вы можете сказать мне, находится ли доктор Маркос в клинике на Филиппинах или где-то еще?"

Он улыбнулся, как будто я задал самый лучший вопрос в мире, который он когда-либо слышал.

"У доктора Маркоса много друзей..."

Галлин подняла глаза к потолку: "Гевалт!"

Доктор Чжао продолжал: "Совет директоров университета и многие друзья и советники позаботятся о том, чтобы доктор Маркос отправился в самое лучшее место и получил самую лучшую помощь. Мы, конечно, передадим ему ваши самые добрые пожелания скорейшего выздоровления".

Я улыбнулся так же пусто, как и он: "Мы очень благодарны за ваше время и помощь, доктор Чжао".

Его линзы вспыхнули: "Пожалуйста, если я могу вам чем-то помочь, не стесняйтесь, приходите ко мне. Я всегда буду рад быть настолько полезным, насколько смогу".

Я встал, и Галлин тоже встала, но когда она повернулась, чтобы направиться к двери,

доктор Чжао сказал: "Мистер Мейсон, капитан Галлин, как офицеры вы не имеете юрисдикции на Филиппинах, а тот иммунитет, который у вас есть благодаря связям с вашим посольством, очень ограничен. Я советую вам не заходить в своих расследованиях слишком далеко. Вы здесь, чтобы искать доктора Хэмптона. Вы нашли его. Теперь я советую вам отправиться домой".

"Не выходите ли вы немного за рамки своей юрисдикции, доктор Чжао?"

Улыбка рептилии вернулась вместе со смехом, который больше походил на шипение.

"Не юрисдикции, мистер Мейсон, а просто дружеского совета. Филиппины - очень опасная страна, а Манила - очень опасный город, как выяснил ваш друг доктор Хэнсон".

Я кивнул: "Спасибо за совет. Я запомню его".

"Хорошо. До свидания, мистер Мейсон, до свидания, капитан Галлин".

Когда мы вышли из здания, Галлин остановилась на месте, ее плечи обвисли, все ее тело обвисло вместе с ними, она закрыла лицо руками и сделала долгий глубокий вдох, который она выпустила в виде длинного, рваного "Ооооой!". Я засмеялся, а она уставилась на меня.

"Что не так с этим парнем?"

"Очень мало, я думаю, кроме отсутствия бьющегося сердца и души".

Ее машина зарычала, замигали фары, и она резко открыла дверь.

"И что теперь? Его семья?"

Я забрался с пассажирской стороны: "Да, но только чтобы подтвердить, что их там нет".

Мы захлопнули двери, двигатель зарычал, и мы тронулись с места. Я продолжил: "У меня очень плохое предчувствие, что Маркос и его семья были коллективно ликвидированы".

"Черт", - тихо сказала она, а потом добавила, - "Думаю, ты прав. Они замечают следы более чем тщательно. Они уничтожают всех, кто был связан с Хэмптоном. Это не просто гарантия того, что информация, которой он завладел, не уйдет дальше. Это пример для него и людей, которые с ним работали".

"Думаю, да. И это само по себе тревожно". Она посмотрела на меня, спрашивая, что я имею в виду: "Китайцы любят быть скрытными и хитрыми. Им нравится добиваться максимальных результатов, демонстрируя при этом минимум своей силы. Они скорее создадут ситуацию, когда филиппинцы и американцы будут убивать друг друга, чем начнут открыто убивать людей на улицах. Это им не свойственно".

Она повернула на проспект К.П. Гарсиа и направилась на запад в сторону района Пансол, где находился дом Феликса Маркоса.

"И что?"

"И это заставляет меня нервничать, потому что это означает, что, А, мы имеем дело с чем-то сверх обычного для них значения..."

"А Б?"

"Б..." Я сделал глубокий вдох и покачал головой: "Б, они чувствуют себя смелыми. Они чувствуют, что нет никакого риска для них в демонстрации своей силы. Как будто они уже победили, но мы еще не знаем об этом. Как будто уже слишком поздно".

Она смотрела на меня секунду или две, и мы ехали дальше в молчании.

Дом Маркоса находился на полпути по улице Калинга справа, за высокими стенами и густой живой изгородью. Мы припарковались у входа и несколько минут звонили в звонок. В конце концов на улицу выехала полицейская патрульная машина и остановилась рядом с

"Корветом". Водитель высунулся из окна и, окинув меня взглядом, полным едва скрываемого презрения, сказал: "Доктор Маркос переехал. Дома никого нет. Вам нужно ехать дальше, пожалуйста. Идите, идите".

Я кивнул: "Спасибо. Хорошего дня".

Он немного посмеялся и что-то сказал своему приятелю на пассажирском сиденье. Они оба засмеялись, и он сказал нам: "Вам тоже хорошего дня", и они уехали.

Я смотрел, как они уезжают. Галлин подошла ко мне вплотную и легонько ударила меня в грудь четыре раза поочередно кулаками. Я посмотрел ей в глаза и тихо сказал: "Теперь нам совершенно необходимо найти доктора Джея Хоффстаддера и Мэрион Джеймс. Потому что они - наш единственный шанс узнать, что, черт возьми, происходит".

"Согласна, Мейсон, но с чего нам начать?"

Глава Двенадцатая

Джей Хоффстаддер бежал. Он сбежал по ступенькам с крытой дорожки, толкался и прокладывал себе путь сквозь потоки людей, вызывая гневные взгляды и крики; он бежал на запад по Эпифанио де лос Сантос, движимый настоятельной потребностью вернуться домой к семье и оставить позади все это грязное дело.

Задыхаясь, с болезненным сжатием в груди, он добежал до перекрестка с Тафт-авеню. Внезапно его охватило чувство ужаса. Куда бы он ни посмотрел, везде царил хаос. Проходящая над улицей железная дорога погружала улицу во мрак, но это был мрак, который, казалось, процветал среди грязи, пыли и копоти. По всей длине проспекта тянулся поток транспорта, который, казалось, с грохотом и урчанием выдыхал черный угарный газ и без того грязный воздух, а босоногие дети бегали и играли среди машин, забирались на разноцветные джипни, кричали и смеялись с туристами, застрявшими в пробке из карет и рикш.

На дороге были установлены красно-белые пластиковые дорожные блоки, чтобы обозначить место для моторизованного трайккла. Он увидел молодых парней в вездесущих шортах и шлепанцах, сидящих на кирпичках, играющих и смеющихся, пока мимо них проносился транспорт. Стены этого подземного мира были выкрашены в тошнотворный зеленый цвет, и куда бы он ни посмотрел, везде были плакаты, афиши, фотографии, рекламные щиты, беспорядочно расставленные знаки, все с экстренными сообщениями и улыбающимися, смеющимися лицами, среди шума ревущих двигателей и кричащих голосов.

Он снова побежал, поднялся по пандусу и вошел внутрь торгового центра.

Внутри его охватило странное облегчение. Он был похож на любой другой торговый центр, в котором он когда-либо бывал, в Штатах или в Европе, и это принесло ему странное облегчение. Полы были выложены блестящей бледно-бежевой плиткой, фасады магазинов были из блестящего пластикового стекла, а вдоль проходов, где люди сгрудились, как муравьи, все магазины были знакомы, если не идентичны тем, которые он знал.

Внезапный приступ паники начал стихать по мере того, как он продвигался по течению. Впереди он увидел кафе с сосновыми столами и красными пластиковыми стульями, расставленными как на террасе. Он перешагнул через красный веревочный барьер и сел за столик. Официантка в ярко-красном льняном фартуке подошла к нему, жуя жвачку.

"Вам чего-нибудь?"

"Гамбургер и холодное пиво".

Она отошла, и он увидел через оцепление, служившее террасой, ту самую иностранную девушку, которую он видел в очереди за ним на автовокзале. Она была одна и смотрела на свой телефон. Это заставило его вспомнить о своем GPS и о GPS Глории. На мгновение горячая паника в его животе утихла. Он убедился, что они оба практиковались в отключении службы глобального позиционирования, и знал, что она сделала это, как только положила трубку, как и он.

Он еще немного понаблюдал за девушкой. Он решил, что она выглядит потрепанной и одинокой. Не похоже, чтобы у нее было много друзей. В глубине его сознания зашевелился червячок идеи. Они будут искать Джейа Хоффстаддера, либо одного, либо с его женой и детьми. На автобусной станции они были чертовски близки к этому, и он возблагодарил Бога, что это был какой-то китаец из МСС, а не Джерри Баккей. Джерри бы его точно узнал.

Это означало, что маскировка была достаточно хорошей, но могла бы быть и лучше, если бы, например, он путешествовал с компаньоном.

В последний раз он подцепил незнакомую женщину, когда ему был двадцать один год, и женился на ней. Это не было для него чем-то естественным, и он не был уверен, что сможет справиться с этим. Скорее всего, она скажет ему, чтобы он шел к черту.

В этот момент, словно услышав его мысли, она подняла на него глаза. Она нахмурилась на секунду, он осмелился полуулыбнуться, и она отвела взгляд. Вот так план.

Он притворился, что проверяет свой телефон, и заметил, что девушка уже пять минут смотрит на один и тот же экран, не прокручивая его ни вверх, ни вниз. Официантка принесла пиво и бургер, и девушка снова посмотрела на него. На этот раз на лице девушки появились следы улыбки. Он улыбнулся ей с искренним облегчением, наклонился вперед и сказал: "Разве вы не были сейчас на автобусной станции?".

Она глупо ухмыльнулась и ответила с английским акцентом.

"Да, вы стояли передо мной в очереди".

"Что там произошло? Я думал, машина взорвалась..."

Она немного побледнела: "Да, я знаю. Я думаю, кого-то подстрелили. Я видела, как кто-то лежал на тротуаре".

"Это довольно напряженно".

Еще один нервный смех: "Я знаю".

"Вы путешествуете одна?" Она кивнула: "Это довольно смело".

"Ну, я подумал, что мне лучше посмотреть мир, прежде чем остепениться. А как насчет вас? Вы эмигрант, путешествуете...?"

"О!" Он издал нервный смешок, внезапно остро осознав свой возраст: "Ну, я не делал этого промежуточного года. Я поступил прямо из колледжа в юридическую фирму и провел следующие двадцать лет в крысиных бегах в Вашингтоне. И вот в прошлом году я подумал: какого черта! Я собираюсь сделать сейчас то, что должен был сделать двадцать лет назад".

"О." Ее брови взлетели вверх: "Превосходно! Молодец!"

"Скажите, вы хотите пива?" Он жестом указал на стул напротив своего за столиком: "Не придется кричать через всю террасу".

"О!" - повторила она и улыбнулась. Ее щеки покраснелись: "Ну, если вы уверены, что я не помешаю".

"Вовсе нет! Приятно иметь компанию". Она встала, собрала свои вещи и переступила порог. Он встал, чтобы помочь ей, они возились и немного посмеялись, когда она села и чуть не уронила свою сумочку. Они оба одновременно сказали: "Ой!" и еще немного посмеялись. Он сказал: "Проблема с путешествиями по миру в том, что иногда ты оказываешься в толпе, и вас становится слишком много, и тогда ты можешь провести пару недель, не разговаривая ни с кем, кто говорит на твоём родном языке".

"Это правда. Я это замечаю. Иногда так хочется поговорить с кем-нибудь, кто говорит по-английски".

"Итак, как долго вы были в пути?"

Ее глаза слегка остекленели: "Ааа..." Она вдруг рассмеялась: "Это так долго, что я потеряла счет. Около шести месяцев. А вы?"

Он уже давно подготовил свой рассказ, и он прозвучал легко и естественно.

"Немного дольше, около девяти месяцев, и сейчас я на пути домой".

"Я тоже".

Он протянул руку: "Джон Джонс", и как внезапная мысль, "но все зовут меня Джей". Он усмехнулся: "Джон Джонс, Джей Джей, Джей".

"О, да, я понимаю". Она колебалась мгновение, затем: "Мэрион, Мэрион Джеймс, хотя большинство моих друзей зовут меня Мэри. Пожалуйста, - добавила она, указывая на его бургер, - ешьте. Я уже поела".

Он вгрызся в бургер, заставляя себя казаться голодным, хотя едва мог глотать от волнения в животе. Он отхлебнул половину пива и спросил ее: "Так куда вы направляетесь?".

"На юг". Она почти проговорила это слово: "На Минданао. Я слышала, там есть великолепные рыбацкие деревни, мирные, тихие, прекрасные люди. Не то, что здесь". Она с отвращением огляделась вокруг.

Он улыбнулся, почувствовав внезапное сочувствие: "Вы не в восторге от Манилы, да?"

"Я использовала..." Она поймала себя на мысли и слабо рассмеялась: "Раньше я думала, что мне понравится. Но сельские Филиппины - это одно, а Манила - совсем другое. Коррупция, жестокость и безразличие политического класса, отвратительное поведение полиции..."

"Я знаю, - он почувствовал узел в животе, - того парня. Может быть, он занимался торговлей наркотиками или чем-то еще. Они довольно безжалостны к этому, и стреляют на месте. Коп - это судья, присяжный и палач".

Она уставилась на него, и что-то в страхе и тревоге в ее глазах подтолкнуло его к действию. Как будто он увидел в ней свой собственный страх и тревогу, и, поделившись с ней своим ужасом, они могли бы найти силу друг в друге.

"Но это не самое худшее", - тихо сказал он: "Они используют это как предлог, чтобы уладить старую вражду и вендетту. Я видел, с крытой дорожки, я переходил дорогу, я видел, как полицейский что-то подбросил в карман мертвого парня". Он колебался, боясь, что заходит слишком далеко и теряет контроль над своим языком, но не смог остановиться: "Стрелок, парень с пистолетом, он даже не был филиппинцем". Они оба неподвижно смотрели друг на друга: "Он был китайцем".

Он смотрел, как весь цвет уходит из ее щек, и вдруг нервно рассмеялся: "Посмотрите на нас! Это хуже, чем городские легенды у костра!".

Она тоже засмеялась: "Я знаю, но я буду рада выбраться отсюда. К этому привыкаешь, но это немного сумасшедший дом. Куда вы направляетесь?"

Он пожал плечами: "Я собирался поехать в Кларк и сесть на рейс до Дубая, а потом домой в Вашингтон. Но сейчас мне как-то не по себе. Это не очень хорошая нота, чтобы закончить почти год путешествий".

Был ли это проблеск надежды в ее глазах? "Нет!" - решительно сказала она: "Я вижу это. Гораздо лучше закончить такое долгое путешествие на счастливой ноте".

Он прокашлялся, борясь со спазмом в горле, и жестом указал на нее: "Что-то вроде тех деревень, которые вы описали на Минданао. Я никогда не был на Минданао".

Ее лицо засветилось: "О, вам стоит поехать. Вам понравится. Я еду в одно место на самой южной оконечности. У него необычайно непроизносимое название - Найон нг Пангисда, прямо на пляже, и оно такое красивое!"

"Да, и насколько трудно будет найти место, где остановиться?"

"Совсем не сложно. Местные жители сдадут вам комнату практически за бесценок и накормят вас свежей рыбой и фруктами. Это просто рай".

Он засмеялся: "Вау, вы заставляете меня действительно хотеть поехать. Это

определенно будет более счастливым концом моего путешествия, чем этот".

"Почему бы вам не поменять билет? Вагон отходит примерно через полчаса, и мне пора возвращаться. Я уверена, что если вы поговорите с водителем и дадите ему десять долларов, он вас посадит. В любом случае, на этом автобусе мы доедем только до парома в Матноге, потом вы сможете купить билет на оставшуюся часть пути. Мы едем на Самар, там пересаживаемся на другой автобус до Сан-Рикардо, еще один паром до Суригао, а затем еще два автобуса через Минданао до нашего непрогнозируемого пункта назначения".

"Ого, а вы уверены, что мы сможем вернуться?"

Она покачала головой и рассмеялась: "Нет! Но я не уверена, что мы захотим".

"Звучит очень круто". Он сказал это задумчиво, с идеями, играющими в его голове. Она улыбнулась с искренним удовольствием: "Тогда вы поедете со мной?"

"Да, думаю, что да. Но позвольте спросить, что вы будете делать после недели в этой деревне на Минданао?"

Она отвела глаза. Он заметил, что ее лицо, казалось, закрылось: "Я не уверена", - сказала она, и он ей не поверил: "Возможно, я буду исследовать некоторые из близлежащих островов. Это не так далеко от Оза..."

"Верно."

Она собрала свои вещи: "Нам лучше пойти. Вы серьезно идете?"

"Да, если вы не сочтете, что я вмешиваюсь".

Она снова заверила его, что это не так. Он оплатил счет, и они вышли из торгового центра и пошли обратно по бульвару Аврора, странная пара, двадцать лет между ними. Она - неряшливая, маленькая и бледная, он - крупный, поражающий своей неопрятностью, но с врожденной элегантностью и властностью в осанке. Они не были неприметными, но филиппинцы, проходившие мимо, не обращали на них внимания, привыкшие к эксцентричности путешественников из англосаксонского мира: ботинки и шерстяные носки, странные шляпы и ярко-розовая кожа были лишь верхушкой айсберга. Филиппинцы восприняли все это спокойно.

Водитель автобуса принял от Хоффстаддера дополнительные десять баксов, выписал ему билет до Матнога и сказал, что после этого ему придется взять другой билет на оставшуюся часть пути.

Они сидели бок о бок на тесных сиденьях в течение десяти минут в тишине, которая могла бы быть некомфортной, но почему-то не была, и Хоффстеддеру показалось, что они в какой-то мере достигли понимания, пусть и временного, взаимной поддержки и защиты. Он не знал ее истории, но было легко понять, что она уязвима и одинока. Он не знал, что она увидела в нем, но было ясно, что она испытывает облегчение от того, что он рядом. Компаньоны, сказал он себе, пусть и временные.

Водитель в синей рубашке с большими пятнами пота под мышками поднялся на свое место и сел за руль. С помощью кнопки двери с шипением и грохотом закрылись. Затем автобус вздрогнул и задрезжал, и они попятнулись назад. Прерывистое пиканье предупредило об их движении, но, насколько Хоффстеддер мог видеть, никого это особенно не беспокоило. Затем они двинулись вперед и выехали со станции.

Он улыбнулся и показал в окно.

"В наши дни в Маниле не часто увидишь такие!"

Марион посмотрела и увидела сверкающий красный "Корвет", въезжающий в терминал междугородных автобусов.

"Красиво. Что это?"

"Corvette C8, совсем новый. Отличная машина".

Она с любопытством посмотрела на него: "Итак, что ждет вас, когда вы вернетесь?"

"В Вашингтон?" Она кивнула, и он задумался. Это был хороший вопрос. Один должен был ему помочь, но в сорок пять лет, потеряв практически все, что оставил, после стольких лет на Филиппинах, что он будет делать дома? Он улыбнулся ей.

"Это хороший вопрос. Мне, конечно, придется вернуться на работу, но после такого опыта возвращаешься с другой перспективой, не так ли?"

Она кивнула, словно понимая, что он имеет в виду: "Да, я полагаю, это правда".

"А как насчет вас? Что ждет вас дома, в Англии? Ведь это Англия, не так ли?"

Она засмеялась: "Это очевидно?" Он улыбнулся, а она посмотрела в окно на проходящую мимо улицу, перегруженную транспортом, людьми и вечными силовыми кабелями и знаками: "Ничего особенного, правда", - сказала она: "Полагаю, я найду работу, остепенюсь..." Она пожала плечами.

"У вас это звучит так привлекательно".

Они оба рассмеялись, потом замолчали, оба смотрели на проплывающий мимо город. Прошел час. Он немного задремал, и она тоже, а когда проснулся, обнаружил, что они уже за городом. Здесь было меньше силовых кабелей, больше деревьев и травы, и все выглядело чище. Он почувствовал облегчение, вздохнул и улыбнулся. Почему-то он чувствовал, что здесь им будет труднее. Он чувствовал, что с ними все будет в порядке.

Через некоторое время Марион тоже проснулась. Они вели уютную светскую беседу, а солнце медленно опускалось к горизонту, окрашивая свет в медные тона, а затем и вовсе уходя, погружаясь за горизонт. После этого они оба заснули: она - положив голову ему на плечо, он - прижавшись щекой к ее мягким светлым волосам.

Глава Тринадцатая

Феликс Маркос находился в комнате не менее тридцати шести часов. Точно сказать было невозможно. У него забрали часы и мобильный телефон; в комнате не было ни окон, ни телевизора, ни радио. Не было никакой точки отсчета, по которой можно было бы рассчитать ход времени. Каждый миг превращался в бесконечность. И в бесконечности каждой уходящей секунды он жил с неопределенностью того, что случилось с его женой и детьми. Он беззвучно плакал и проклинал себя за то, что не разработал планы, не подготовился.

Доктор Хэмптон предупреждал его и советовал ему. Они сидели за угловым столиком в "Голодном Сэме", пока доктор Хэмптон набирал ложкой куриный сотангон в свой рыхлый, влажный рот. Он говорил, глядя на суп, и прихлебывал его, посасывая с ложки.

"Правительство Соединенных Штатов может защитить вас до определенного предела, доктор Маркус", - сказал он: "Но вы должны понимать, что у нас нет здесь юрисдикции, и любое влияние, которое мы когда-то могли иметь, ну..."

Он пустил слова на самотек, затем промокнул рот бумажной салфеткой: "Мы, конечно, можем вам хорошо заплатить, но с точки зрения реального влияния на правительство, китайцы сейчас на подъеме. Вы это понимаете".

Доктор Маркус энергично кивнул: "Именно поэтому я здесь".

Доктор Хэмптон вернулся к своему сотангону, бормоча: "Конечно", между глотками: "Но я должен подчеркнуть, - он сделал паузу и скривил лицо в прерывистой улыбке, - рискуя показаться нудным, я должен подчеркнуть, что риск высок".

"Я не боюсь этого".

"А стоило бы. У вас есть семья, и если китайцы придут за вами, мы не сможем помочь".

Доктор Маркус сильно нахмурился: "Вы хотите сказать, что вам не нужна моя информация? Этот отдел, который они создают, создан специально..."

"Я знаю, доктор Маркус, чтобы нацелиться на Соединенные Штаты и НАТО, в первую очередь, по крайней мере, я знаю. И мне очень нужна информация, которую вы можете мне предоставить, но я также хочу, чтобы вы были в безопасности. И для этого вы должны все предусмотреть, доктор Маркус. Вы понимаете, о чем я говорю?"

"Принять меры?" Он пожал плечами и покачал головой: "Как?"

Доктор Хэмптон вздохнул, наклонил тарелку к себе и зачерпнул ложкой последний бульон.

"Вы должны получить надежный американский паспорт и водительское удостоверение, или британский, или австралийский, новозеландский, канадский... Один из них. И вы должны припрятать достаточно денег, чтобы покрыть свой побег. Вы должны хранить все это в надежном месте, где ваша жена сможет легко получить к ним доступ".

"У меня нет намерения бежать перед лицом врага".

"Это замечательно, но ваша жена и дети могут посмотреть на это по-другому. Если уж на то пошло, то и вы тоже, когда узнаете, что китайские Táotài bù придут за вами. Сделайте запас, доктор Маркус - мудрый человек всегда делает запас".

Он отмахнулся от совета доктора Хэмптона как от американской трусости, но сейчас горько сожалел, что не прислушался к нему.

Он встал и в тысячный раз прошелся по комнате. Он не ел с тех пор, как за ним пришли,

но тошнота в желудке делала это невозможным. Мысль о еде вызывала у него отвращение. Он подумал о двух своих дочерях, подумал, поели ли они, и разрыдался. Он закрыл лицо руками и повторял снова и снова: "Мое высокомерие, мое высокомерие, мое высокомерие!".

Он повернулся. Через всю комнату перед ним была глухая стена. Справа - узкая односпальная кровать. Слева - маленький столик и стул. Позади него дверь, а над головой - плоский стеклянный диск, из которого непрерывно лился свет. Он с криком бросился на глухую стену и стал бить по ней кулаками. Стена была неподвижна. Его эмоции разбились о нее в пене, и, как отхлынувшая волна, он отступил и опустился на пол, где зарыдал, как ребенок.

Может быть, через час или через пять часов - время стало бессмысленным - в замке скрежетнул ключ, и дверь открылась. В дверном проеме стоял высокий мужчина. Он был широкоплеч, крепок и атлетически сложен в бледно-голубом костюме. Его глаза были в тени, но улыбка напоминала жестокий удар бритвы.

"Ваша гордость сломлена", - сказал он и жестом показал на лежащего на полу доктора Маркуса.

"Где моя семья?"

Мужчина взял со стола стул, повертел его в руках и сел на него, скрестив руки на спинке.

"Что бы я вам ни сказал, доктор Маркус, вы не узнаете, правда ли это. Если мне выгодно сказать вам, что они живы, я скажу вам, что они живы. Если мне будет угодно сказать, что их изнасиловали и убили, я так и скажу. Оба варианта одинаково возможны, как кот Шредингера, они и мертвы, и живы, пока вы не посмотрите. Но вы никогда не сможете посмотреть, доктор Маркус". Он засмеялся: "А ваша жена и ваши дочери будут медленно прогрызать себе путь в вашем желудке. Это их благодарность".

"Вы убили их".

"Нет." Он покачал головой. Его тон изменился: "Вы не думаете, доктор Маркос. Как я могу убить вашу жену и ваших детей? Если я потеряю этот козырь, я потеряю вас. Я не злой, доктор Маркус. Мне не нравится причинять боль. Скорее, у меня душа рептилии. У меня холодная кровь. Я ничего не чувствую. Мне все равно, если вы и ваша семья будете страдать от боли. Все, что мне нужно от вас - это информация".

В его животе мелькнула маленькая искорка, умирающий уголек темной надежды. Он сел: "Гарантируйте их безопасный проезд в американское посольство, и я клянусь, что расскажу вам все, что вы хотите знать".

Человек в синем костюме улыбнулся: "А как я могу быть уверен, что, когда они окажутся в посольстве, вы выполните свое обещание?"

Доктор Маркос поднял два пальца, словно в знак мира: "Во-первых, я знаю, что если я предаю вас, вы не успокоитесь, пока не найдете и не убьете их". Мужчина тихо хмыкнул, и доктор Маркус продолжил: "Мне нужна не только их безопасность, мне нужен их мир и благополучие. Во-вторых, эта сделка состоит из двух частей. Вы обеспечиваете им безопасный проход в американское посольство, я рассказываю вам все, что вы хотите знать, а затем вы отпускаете меня, чтобы я присоединился к ним. Я знаю, что есть риск. Я знаю, что вы все равно можете убить меня, но я готов пойти на этот риск, чтобы гарантировать безопасность моей семьи".

Улыбка мужчины померкла, а его рот почти исчез: "Значит, вы признаете, что передали информацию американцам".

Доктор Маркус покачал головой: "Я ничего не признаю. Я сказал вам, что расскажу все, что вы хотите знать".

"Тогда вы отрицаете, что передавали информацию американцам. Это не может быть и тем, и другим".

Доктор Маркус вымученно улыбнулся: "Говоря вашими же словами, сэр, это как кошка Шредингера, и единственный способ заглянуть в ящик - это когда моя семья находится в американском посольстве".

Мужчина встал и пошел к двери. Там он остановился и посмотрел на доктора Маркуса глазами, которые привыкли смотреть на ужас, агонию и горе с холодной невозмутимостью: "Мудрость - это хорошо, доктор Маркус. Я рекомендую мудрость. Если вы будете умны, у вас будут проблемы, я гарантирую это".

Доктор Маркус покачал головой: "Пожалуйста, не интерпретируйте мои действия как умные. Все, чего я хочу, это безопасность моей семьи".

Высокий мужчина ушел.

Через пять минут свет потускнел. Он не погас полностью, а просто потускнел. Сначала изменение условий вызвало у доктора Маркуса крайний страх. Его желудок горел, а сердце сильно билось в груди. Но шли минуты, а ничего не происходило, и он начал думать, что, возможно, это награда за сотрудничество. Возможно, они дают ему возможность поспать.

Он переполз на кровать и закрыл глаза. Сон не приходил. Его мысли - навязчивые мысли о дочерях и о жене - переходили в иррациональные последовательности и короткие сны, которые заканчивались только тогда, когда он просыпался от спазмов ужаса. Тем не менее, то и дело ему удавалось задремать, возможно, на пару часов или больше.

В конце концов свет снова зажегся, ключ снова повернулся в замке, и вошел высокий китаец с двумя охранниками, толкавшими телевизор на тележке. Они ушли и закрыли дверь, а человек в небесно-голубом костюме протянул руку и дал доктору Маркусу мобильный телефон. После секундного разглядывания он понял, что это его собственный телефон. Он нахмурился и посмотрел на китайца.

"Что это?"

Китаец посмотрел на часы, через мгновение кивнул, и телефон доктора Маркуса зазвонил.

"Ответьте".

Доктор Маркус на мгновение уставился на экран, затем сдвинул панель и сказал: "Алло? Говорит доктор Маркус".

"Доктор Маркус, это Пол Хоффманн из американского посольства. У нас было довольно необычное общение с китайским посольством, вы что-нибудь знаете об этом?"

Он пристально посмотрел на китайца. Его сердце бешено колотилось, и он боролся за контроль над своим голосом.

"Да, да, я думаю, что да, возможно".

"Вы женаты, доктор?"

"Да, я женат, и у меня двое детей, две дочери".

"Не могли бы вы назвать мне их имена и возраст?"

"Конечно. Сара - моя старшая, ей восемь лет, Белла - младшая, ей всего пять, вы же видите, мы дали им американские имена!". Он засмеялся и с тревогой посмотрел на китайца, который оставался бесстрастным. Доктор Маркус продолжил: "Мою жену зовут Мауи, ей тридцать два года".

"У вас есть фотографии вашей жены и дочерей, доктор Маркус?"

Он бросил вопросительный взгляд на китайца, который кивнул один раз.

"Да, есть".

"Я собираюсь отправить вам WhatsApp, доктор, не могли бы вы ответить фотографиями вашей жены и детей?"

"Что это значит?"

"Когда вы пришлете мне фотографии, и мы сможем подтвердить, что говорим об одних и тех же людях, тогда я объясню, что происходит, доктор Маркус".

"Да, хорошо".

Его телефон пикнул, и он увидел, что сообщение было от Пола Хоффмана. Он нашел три недавние фотографии своей жены и дочерей и отправил их Хоффману. Через минуту голос Хоффмана снова зазвучал на линии.

"Прекрасно, доктор Маркус. Я могу подтвердить, что это действительно те люди, по поводу которых ко мне обращалось китайское посольство. Могу ли я спросить вас, считаете ли вы, что ваша жена и дети в настоящее время находятся в смертельной опасности со стороны филиппинского правительства?"

"Да", - он не смог избежать перехвата горла, - "они определенно находятся".

"Я спрашиваю потому, что китайское посольство предприняло очень необычный шаг - обратилось от вашего имени и от имени вашей жены с просьбой предоставить вашей жене и дочерям статус беженцев в посольстве. Они утверждают, что в настоящее время вы являетесь объектом преследования из-за научных знаний, которыми вы обладаете, и что правительство Филиппин намерено казнить вас без суда и следствия. Вы готовы это подтвердить?"

"Да, все верно. Пожалуйста, прошу вас, окажите помощь моей жене и детям. Иначе они убьют их".

Он заметил, что слеза сбежала по его лицу к носу, и вытер ее. Хоффманн сказал:

"А вы, доктор? Каково ваше положение?"

Он посмотрел на китайца, который пожал плечами. Доктор Маркус тяжело сглотнул и с бледным ужасом внутри себя сказал: "Сейчас я ничего не могу сделать, жена и дети для меня важнее всего. Возможно, позже, через несколько дней, я позвоню вам".

"Хорошо, у вас есть мой номер. Я полагаю, что ваша семья у ворот. Оставайтесь на линии, пожалуйста".

Высокий китаец в бледно-голубом костюме достал из кармана пульт дистанционного управления и включил телевизор. Съемки фильма велись с другой стороны Роксас-авеню. Там стоял черный лимузин с китайским флагом на переднем крыле. Через мгновение элегантная, хорошо одетая женщина с двумя симпатично одетыми маленькими девочками подошла и встала у передней части лимузина. С ними был седовласый китаец в темном костюме, который наклонился и заговорил с детьми, смеясь, и показал на камеру, снимавшую их. Все четверо помахали рукой, затем повернулись и пошли к воротам посольства.

Мужчина в синем костюме сказал: "Сейчас в машине находится человек, который целится в них из ружья. Если я нажму цифру один на своем телефоне, он выстрелит в них. Что мне делать?"

"Пожалуйста, оставьте их в живых. Я расскажу вам все, что вы хотите знать. Клянусь".

Человек в костюме сказал: "Нет разницы, в Маниле, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе или Плезантвиле, Вайоминг, если вы меня подведете, они умрут".

"Я знаю это."

"Хорошо."

Морпехи открыли ворота и ввели семью внутрь. Китаец протянул руку, взял телефон из рук доктора Маркоса и повесил трубку. Слезы навернулись на глаза доктора Маркоса.

"Он сказал, что я могу поговорить с ними".

"Не сегодня. По одному делу за раз. Сейчас пришло время поговорить с господином Вангом. Ему будет очень интересно узнать все, что вы нам расскажете".

Высокий мужчина встал и открыл дверь. Вошли охранники и увезли телевизор. Доктор Маркус встал. Его сильно трясло. Высокий человек улыбнулся своей рептилоидной улыбкой: "Не бойтесь, доктор Маркус. Если вы действительно готовы к сотрудничеству, вам нечего бояться".

Он кивнул один раз и изобразил небольшой поклон: "Я буду, я буду сотрудничать. Даю вам слово. Я расскажу вам все, что вы хотите знать".

Его вывели на небольшую площадку и спустили по деревянной лестнице в небольшой холл, где было три двери, две спереди дома и одна сзади. Высокий китаец открыл дверь сзади и провел доктора Маркуса в небольшую гостиную со стеклянными дверями, выходящими в сад. Там стоял красный диван и два красных кресла. Стеклянный журнальный столик был убран в сторону, а в центре комнаты стоял стул из гнutoго дерева. На столике у дивана доктор Маркус увидел плоскогубцы, коробку с деревянными зубочистками и молоток.

Он замер на месте, почувствовав сзади руки большого китайца на своих плечах. Доктор Маркус покачал головой.

"В этом нет необходимости. Я уже сказал вам, что буду сотрудничать. Я знаю, что только так я смогу снова увидеть своих детей. Пожалуйста, в этом нет необходимости".

Из сада вышел худой пожилой мужчина. У него был такой же рептилоидный рот, как у человека в синем костюме. Он улыбнулся жестокой улыбкой и сказал: "Пожалуйста, доктор, не пугайтесь. Эти штуки здесь только для того, чтобы напомнить вам, чтобы вы не отвлекались. Мы не хотим причинять вам боль, по крайней мере, пока".

* * *

Восемью часами ранее, в пяти милях от дома, Мауи Маркос, Сара и Белл завтракали типично американским завтраком из кукурузных хлопьев, блинов и бекона на своей просторной американской кухне. Они ждали возвращения отца. Он редко возвращался поздно и почти никогда не оставался на ночь. Но вчера вечером он позвонил жене и сказал, что какие-то господа из китайского посольства пришли просить его о помощи, и он будет дома только на следующий день.

Мауи знала о его особой работе и сотрудничестве с правительством США. Она не должна была знать, но он рассказал ей, потому что их отношения были основаны на глубокой любви и доверии. Так было всегда. Она знала о данных ей обещаниях, о переезде в Калифорнию и работе в одном из университетов в районе залива Сан-Франциско. Она знала все о его надеждах и мечтах. Но она не знала, что когда он сказал ей, что его попросили помочь каким-то китайским джентльменам, он мысленно кричал ей, чтобы она бежала.

Она слушала, расстроенная тем, что его не будет дома к ужину, гордая тем, что он

помогает таким важным людям, и на каком-то глубоком, интуитивном уровне встревоженная тоном его голоса. Но она отмахнулась от этого, как ее всегда воспитывали, как от глупости, и предоставила своему мужчине самому во всем разобраться. Он знал, что делать. Он всегда знал.

Когда она услышала звонок в дверь, то удивилась, почему он не воспользовался своим ключом. Она подумала, что он, должно быть, устал за всю ночь, и, пересекая кухню по направлению к просторному холлу и большой дубовой входной двери, задалась вопросом, окажет ли его помощь китайскому посольству положительное влияние на его будущую карьеру. Она знала, что они очень влиятельны и могут быть полезны. Ее мать всегда говорила, что Феликс Маркос далеко пойдет.

Но в дверях стоял не Феликс. До него было еще пять миль полета вороны. Это был высокий китаец в небесно-голубом костюме. Он улыбнулся ей, и она не могла отделаться от ощущения, что это была ледяная улыбка, но она улыбнулась в ответ и вежливо спросила: "Да, доброе утро, могу я вам помочь?".

"Меня зовут Зимо Чу. Ваш муж, Феликс, попросил меня приехать. Он все еще задержан в посольстве. Он просил передать вам сообщение". Его улыбка пыталась быть обнадеживающей: "Ничего важного, могу я зайти на минутку? Я не буду вас задерживать. Я уже должен быть в пути".

"Конечно. Мы как раз завтракали. Могу я предложить вам кофе?"

Он издал небольшой, снисходительный смешок, который можно было назвать почти доброжелательным: "Нет, нет, - сказал он, - это не займет так много времени, и я не хочу вас задерживать. Но, пожалуйста, продолжайте завтракать. Мы просто хотели, - добавил он, - чтобы дети тоже слышали это сообщение".

Они вошли в кухню, и дети с любопытством посмотрели на высокого мужчину. Мауи Маркос встала со стула и посмотрела на своих детей, переходя от одного к другому: "Этот джентльмен работает с папой", - сказала она: "Что мы скажем?"

Они оба с набитыми ртами проговорили в унисон: "Как поживаете? И доброе утро".

Он улыбнулся им, а затем их матери: "Вы когда-нибудь хотели поехать в Америку?" - спросил он.

В его глазах было что-то такое, от чего у нее все похолодело внутри. Она услышала, как девочки громко вскрикнули, и наблюдала, как они подпрыгивают на своих стульях. Они часто слышали, как их отец говорил о переезде в Америку. Их учили, что переезд в США - это хорошо, это то, чему нужно радоваться. Зимо Чу наблюдал за ней без всякого выражения на лице.

Неосознанно ее рука поднеслась к горлу: "Мы иногда говорили об этом, - сказала она, - но никогда не рассматривали это как серьезный вариант".

Он поднял бровь: "О, это очень серьезный вариант, миссис Маркос. Доктор Маркос выполняет очень важную работу. В США его работа была бы еще более важной. Вы понимаете?"

"Да, понимаю".

"Через час приедет машина из китайского посольства. Она отвезет вас в американское посольство. Оттуда под охраной американцев вас перевезут в Соединенные Штаты, и там вы начнете новую жизнь".

Она тяжело сглотнула. Она почувствовала, как ее правая нога начала дрожать: "А как же мой муж?"

Зимо улыбнулся: "Он, конечно, присоединится к вам там. Посольство организует для него там очень хорошую работу. Это будет для него воплощением мечты. Не так ли?"

Его улыбка померкла на маленьком вопросительном значке в конце, и его лицо стало опасным. Она кивнула и сказала: "Да, он будет очень счастлив".

Улыбка вернулась: "Все это Китай делает для вас, для вашего мужа, для всей вашей семьи. Надеюсь, вы благодарны, Мауи".

Использование ее имени было окрашено неопределенной дерзостью, почти угрозой. Угрозой, которая несла в себе как недостаток уважения, так и избыток интимности.

"Мы все очень благодарны".

"Хорошо". Теперь его улыбка показывала ряд мелких ровных зубов: "Тогда вы будете рады оказать нам ответную услугу. Вы понимаете, что, если мы будем уверены в вашей помощи, ваш муж очень скоро последует за вами". Он склонил голову на одну сторону и принял выражение, похожее на грусть: "Если мы не будем абсолютно уверены, то это затянет дело, и ваш муж не сможет присоединиться к вам".

"Уверяю вас, мистер Чу, что моя благодарность очень глубока, вам и Китаю, и я буду очень рада помочь всем, чем смогу. Я обещаю."

"Хорошо!" Он развел руками, повторяя широкую улыбку на своем лице: "Это очень хорошо. И в конце концов, услуга очень мала. Мы только просим вас делать то, что делает любая хорошая жена, интересоваться работой вашего мужа и его коллег. У вас появится подруга, она представится вам. Она будет ухаживать за вами, вы будете пить кофе вместе, и вы будете рассказывать ей о работе вашего мужа и его друзей. И, возможно, она будет иногда просить вас оказать ей небольшую услугу. Просто, да? Не большая проблема?"

Она покачала головой. Ей придется предать своего мужа, шпионить за ним, шпионить за его друзьями и коллегами. Зимо Чу увидел ужас в ее глазах и улыбнулся двум детям.

"Такие прекрасные молодые жизни", - сказал он: "Такое прекрасное будущее для них".

"Я сделаю все, что вы скажете, мистер Чу".

Улыбка полностью исчезла с его лица: "Я знаю", - сказал он просто: "Молитесь своему богу, чтобы вы и ваша семья никогда больше не встретили меня".

И он ушел.

Глава Четырнадцатая

Зазвонил мой сотовый. Это был Пол Хоффманн.

"Да. У тебя есть что-то для меня?"

"Я не знаю. Почему бы тебе не сказать мне. Во-первых, некий Джон Джонс вчера днем был бронирован на рейс из Кларк Интернешнл в Дубай. Может, это и ерунда, но первое имя Хоффстадера - Джей, друзья часто называли его Джей-Джон Джонс? ДЖЕЙ-ДЖЕЙ Он так и не явился на рейс".

"Черт."

"Да. Я был одним из тех, кто называл его Джей-Джей".

"Мне жаль."

"Будем надеяться, что еще слишком рано для этого. На рейсе не было ни Мэрион Джеймс, ни кого-либо, намекающего на нее".

Я вздохнул и побарабанил пальцами по крыше машины Галлин.

"Есть еще одна вещь, довольно причудливая".

"Что?" Я включил громкую связь.

"Китайское посольство только что попросило нас принять миссис Мауи Маркос и ее детей в качестве беженцев. Они сказали, что филиппинское правительство собирается убить их и ее мужа, Феликса Маркоса. Они сказали, что он может приехать через пару дней".

"Какого черта...?" Я уставился на Галлин. Она напряженно хмурилась. Я сказал: "Мы забираем ее к себе, так?"

"И доктора Маркоса тоже, если он сможет приехать".

"Он нам нужен. Мы только что пытались с ним поговорить. Сказали, что он в клинике".

Хоффман пожал плечами: "Ничего удивительного. Я полагаю, что их подставляют".

"Хорошо, спасибо, Пол. Держись".

Я повесил трубку и позвонил в офис.

"Офис директора международной навигации, куда я могу направить ваш звонок?"

"Мейсон, ОДИН два-один-пять-два, мне нужно поговорить с шефом".

Последовала обычная пауза, затем: "Просто из любопытства, Алекс, ты знаешь, который час в Вашингтоне?"

"Время, когда мы с тобой ходили на свидание?"

"Я работаю в две смены".

"Вы, должно быть, измотаны. Тебе нужен массаж ног и мартини. Могу я сейчас поговорить с шефом?"

Она вздохнула, и на линии появился шеф.

"Что?"

"Вы забрали Хоффстадеров?"

"Только троих. Они сейчас на инструктаже..."

"Вы проводите инструктаж с детьми?"

Он застонал: "Они находятся в красивой имитации винного погреба в округе Напа, где Глория поглощает изысканные блюда, а дети играют с детскими психологами, которые носят кожаные сандалии и рыжие бороды и разговаривают со своим внутренним ребенком. И это только женщины, Мейсон. У мужчин не вырабатывается достаточно тестостерона, чтобы отрастить бороду любого цвета!" Последнюю фразу он почти прокричал.

"Я не уверен, успокаиваться мне или нет".

"Не стоит! Будущее демократии в руках людей с веснушками, которые сторонятся своего туалета" - он произнес это по-французски - "и верят, что все конфликты могут быть разрешены посредством содержательного диалога!"

"Веснушки, да?"

"Да. У этого человека рыжая борода и нестриженные рыжие усы, и веснушки на руках. Он попытался вовлечь меня в разговор. Он рассказал мне, что его докторская диссертация была глубоким исследованием его отношений с матерью".

"Сэр?"

"Что?"

"Глория Хоффстаддер сказала вам, где находится ее муж или каковы его планы?"

"Нет. Она не знает. Она предполагала, что он вылетит из Кларка в Дубай, но они сделали вид, что не обсуждают это".

"Логично."

"Конечно, имеет смысл. Было ли что-нибудь еще? Я бы хотел вернуться ко сну".

"Есть еще кое-что. Джон Джонс вчера заказал билет из Кларк Интернешнл в Дубай. Он не сел на рейс. Мне нужно знать, где еще вчера он использовал эту кредитную карту".

"Если ты повесишь трубку, я поручу Лавлоку разобраться в этом".

"Спасибо, сэр. Кроме того, китайцы запросили убежище для Мауи Маркос и ее двоих детей. Феликс Маркос вскоре последует за ними. Они утверждают, что филиппинское правительство хочет их убить".

"Это очень странно".

"Согласен. Спокойной ночи, сэр".

"Доброе утро!"

Я попытался опередить его, но он повесил трубку первым, вероятно, потому, что пользовался одним из тех старых бакелитовых телефонов и бросил трубку на прикроватную тумбочку. Это был образ, который меня порадовал, и я ухватился за него. Галлин спросила "Что?".

Я рассказал ей о жене и детях Хоффстаддера, включая зло, которым были чувствительные мужчины с рыжими бородами и в сандалиях с открытыми ногами. Она понимающе фыркнула: "Я знаю таких. Знаешь таких? В постели они стараются быть такими же чувствительными, как женщины. Это тошнотворно". Она уставилась на меня на мгновение, пока я смотрел на нее в ответ. Потом она выглядела обеспокоенной и пожалала плечами: "Я слышала это".

"Итак, мужчина по имени Джон Джонс вчера заказал билет на рейс из Кларк Интернешнл в Дубай, но так и не сел на борт".

"Я знаю. Я была в двух футах от тебя".

"Никто, кто мог быть Мэрион Джеймс, не бронировал и не сел на рейс из Кларка".

"Значит, когда ты спрашивал о других местах, где использовалась эта кредитная карта, ты думал..."

Я три или четыре раза легонько стукнул ладонью по крыше машины.

"Если бы ты бежала от филиппинских властей и китайских спецслужб, что бы ты сделала, как только обнаружила, что за терминалом автобуса следят?". Она затаила дыхание, чтобы ответить, но я проигнорировал ее и продолжил: "Я хочу сказать, что, по крайней мере, возможно, что Марион и Хоффстаддер были в Филтранко Пасай или рядом с ним, когда в

Кармону стреляли. Вполне вероятно, что они слышали об этом, и даже если они не знали Кармону, даже если они не знали, что он был частью ячейки, Хоффстаддер, конечно, достаточно умен, чтобы понять, что они следили за терминалом."

"Сейчас?"

Я кивнул, и она подошла и прислонилась рядом со мной к крыше красной машины.

"Итак... Мы думали, что единственный способ выбраться с Филиппин с минимальным риском быть замеченными - это автобус до Кларка, но, очевидно, китайцы опередили нас - и их - и подумали то же самое, к чести Кармоны. Так какова же следующая лучшая альтернатива?"

"Это был мой вопрос, только лучше выраженный". Она смотрела на меня и ждала. Я продолжил: "Хоффстаддер и Кармона, похоже, выбрали один и тот же вариант - тот, к которому пришли мы, тот, к которому пришли китайцы. Но как насчет неопытной девушки? Та, на которую ты указала, сильно отличается? А как насчет девушки, которая больше похожа на путешественницу из путеводителя Rough Guide, чем на девушку из Emirates to Dubai и Los Angeles, девушки, у которой нет много денег и которая находится в панике? Что бы она сделала?"

Ее взгляд затерялся в обильной, безрассудной листве участка через дорогу, и ее челюсть слегка отвисла. Через мгновение она сказала: "Хм...".

"Я думаю, что ее первобытным инстинктом было бы заползти в самую темную нору, которую она сможет найти".

Она кивнула: "Ага."

"Итак, это метафора, а как эта метафора воплощается в реальность в Маниле?"

"Она не станет селиться в норе, потому что захочет поскорее выбраться из Манилы. Она по-прежнему будет садиться на автобус, но..."

Она нахмурилась, на мгновение потеряв нить собственных мыслей. Я прервал ее.

"Она поедет на юг. Ее инстинкт подскажет, что все внимание официальных властей будет приковано к международным аэропортам и портам. Поэтому она постарается оказаться как можно дальше от них".

"Она поедет на юг и попытается зафрахтовать лодку или пересесть на яхту".

"И сукин сын! Она угадала единственное, что может сработать".

"Если это то, что она сделала, как, черт возьми, мы это проверим?"

"Мы могли бы начать с записей камер видеонаблюдения с автобусного терминала".

Она звонко рассмеялась: "Ха!"

Я знал, что она права, но, если не проводить полномасштабную поисково-спасательную операцию с поддержкой с воздуха, я был в тупике в поисках ответа. Я подумал о том, чтобы снова позвонить Полу Хоффману, но отбросил эту идею. Вероятность того, что они предоставят эти кадры ЦРУ, была еще меньше, чем у меня. Тогда я позвонил Херардо Баккею.

"Мистер Мейсон, вы все еще в Маниле?"

"Да. Я хотел поговорить с вами".

"Мы уже поговорили. Может быть, вам стоит вернуться в Вашингтон?"

"Да. Все изменилось. Кроме того, я думаю, что были некоторые административные расходы, о которых забыли".

Наступило долгое молчание. В конце концов он сказал: "Что за административные расходы?"

"Довольно большие. Послушайте, я не хочу тратить время, ни ваше, ни мое. Я буду краток и расплывчат, на случай, если у нас есть уши чужих. Постарайтесь не отставать. ХОРОШО?"

"Говори."

"Какой-то парень купил его, садясь в автобус. Ты со мной?"

"Да".

"Было бы круто увидеть это в кино, да?"

"Я понимаю".

"Я так понимаю, в таком оживленном месте..."

"Я сказал, что понимаю. Эти фильмы были собраны и их трудно достать".

"У кого они есть?"

"Я не могу сказать по телефону".

"Так вы можете их достать?"

"Да, я могу их достать, но это будет дорого".

"Мой дядя заплатит любую разумную сумму, но не настаивайте".

"Где вы находитесь?"

"В любом месте, где ты захочешь".

"Хорошо, торговый центр Ayala, на Courtyard Drive. Выйдешь на Аяла-авеню. Вы его знаете? Между районом Сан-Лоренцо и Урданетой. Можете припарковаться в гараже. Мы встречаемся в "Старбаксе" у парка Глориетта-четыре. Я буду там через полчаса, может, чуть больше".

"Так трудно достать, да?"

"Ты хочешь их или нет?"

"Я хочу их".

"Так будь там".

Он повесил трубку, и я повернулся к Галлин. Я поднял на нее бровь и сказал: "Ха! Сам".

От резиденции Маркоса до торгового центра Ayala было пятнадцать минут езды. По дороге я заехал в банк, что составило двадцать. Мы оставили "Корветт" на довольно странно названной Стальной парковке и пешком дошли до парка Глориетта-четыре, затем перешли дорогу, чтобы выпить кофе в пластиковом супермаркете "Старбакс". Это было похоже на декорацию из "Звездных войн", со странными складками на желтом потолке и столиками, которые были слишком малы для людей.

Мы сидели у стеклянной витрины и ждали появления Баккея. Галлин озираясь по сторонам, словно в ее шелковых трусиках завелся шершень. Я не спросил ее, в чем дело, но она все равно не удержалась и сказала.

"Странно, не правда ли?"

"Я не знаю, что это такое?"

"Нет, убери это выражение с лица. Это покровительственно. Со времен позднего средневековья - пока существуют кофейни - большинство великих интеллектуальных революций, революций, которые возвысили человеческую мысль и человеческое состояние, начинались в кофейнях. Я права или нет?"

Я задумался и кивнул: "Да, думаю, ты права".

"Место для стимулирования уникальной, индивидуальной мысли. От таких людей, как Бенджамин Франклин и Ван Гог, через Фрейда и Маркса к Альберу Камю и Жан-Полку Сартру. Черт! Сэр Исаак Ньютон начал свои работы по гравитации из-за спора, который он

затял в кофейне с Эдмундом Галлеем".

"Это куда-то ведет? То есть, ты права, но к чему ты клонишь?"

Она сделала широкий жест обеими руками: "Посмотри вокруг себя. Если архитектура - это застывшая поэзия, то что это, черт возьми, такое? Стандартизированное, систематизированное мышление, впавшее в паралич. Добро пожаловать в рассвет Водолея, где каждая мысль - это идентичная шестиугольная секция Разума Улья".

"Ты плохо спала прошлой ночью?"

"Не будь умником. Ты знаешь, что я права. Раньше кафе были уникальными местами для уникальных умов, теперь это стандартизированные места для стандартизированных умов".

Я дернул подбородком в сторону окна: "А вот и Баккей".

Он протиснулся в дверь, показал свой бейдж баристе и велел ей принести ему кофе к нашему столику. Когда он подошел, я встал. Его глаза были устремлены на Галлин. Я сказал: "Инспектор, это капитан Галлин, мой напарник".

Он не поприветствовал ее. Он пристально посмотрел на меня и сказал: "Вы ничего не говорили о напарнике".

"Я тоже не говорил вам, какого цвета на мне трусы". Я мило улыбнулся: "И это потому, что это не твое собачье дело. А теперь садись и давай прекратим это дерьмо и поговорим о деле".

Он нахмурился на Галлин, выдвинул стул и сел. Я сказал: "Мне нужны записи камер видеонаблюдения со стрельбы на автобусном терминале Philtranco Pasay, за час до и час после. Внутри и снаружи".

"Две тысячи американских долларов".

Я ожидал пять, но вздохнул и посмотрел на Галлин. Она фыркнула: "Ты, наверное, шутишь! Ты видел их?"

Он кивнул: "Я занимаюсь расследованием. Но эти кадры опечатаны, засекречены и подлежат уничтожению".

"И что же на них?"

Он лукаво улыбнулся: "То, что ты хочешь увидеть. Я даю тебе столько бесплатно, но потом ты должен мне заплатить. У китайцев тоже есть такие кадры, но они не видели того, что видел я, потому что не знают, что искать". Он показал пальцем на мое лицо: "Ты знаешь, что искать".

Я посмотрел на Галлин. Мы установили зрительный контакт, и она почти незаметно кивнула мне, а затем сказала Баккею: "Лучше бы это было законно, Баккей".

"Или что? Китайцы имеют здесь вес, США тоже, но Израиль в Маниле не дерьмо. Не угрожай мне. Я знаю, кто ты, я видел твою машину. Ты крупная рыба в США, но на Филиппинах ты никто".

"Эй..." Он посмотрел на меня с той же наглостью в глазах. Я сказал: "Мы все здесь друзья. Через минуту я передам вам конверт под столом, так что расслабьтесь. А теперь, пока я этого не сделал, что с другими крупными терминалами, портами, аэропортами?".

"Ничего, никаких инцидентов, никаких следов. Я подключил систему видеонаблюдения и заставил команды проверять ее в течение сорока восьми часов. Никаких следов девушки или Джея".

Я нахмурился: "Джея?"

На его лице не было никакого выражения, когда он это сказал: "Он был моим другом,

хорошим человеком".

Я задумался на мгновение, все еще хмурясь на него: "А как насчет девушки?"

"Мэрион Джеймс, я не знал ее лично, но она была еще ребенком, слишком молодым, слишком невинным, чтобы быть вовлеченным в такую грязную игру, как эта".

"Вы знаете, в чем дело, инспектор? Знаете ли вы, почему это вспыхнуло, что они ищут?"

Он выдержал мой взгляд и покачал головой: "Понятия не имею". Он пожал плечами: "Я могу сделать вывод, что вы можете сделать вывод".

Я встал и направился через комнату в ванную. Я нашел пустую кабинку и отсчитал две с половиной тысячи, а остальные две с половиной положил в бумажник.

Я стоял у раковины, мыл руки, и тут вошел Баккей. Он встал рядом со мной, и я протянул ему деньги.

"У меня получилось два с половиной. Я знаю, что ты не должен был этого делать, и я знаю, чем это чревато. Если у тебя будут неприятности или тебе понадобится помощь, я потяну за ниточки для тебя".

Он взял деньги без всякого выражения на лице и протянул мне DVD в пластиковом футляре.

"Я не хочу, чтобы кто-то управлял Филиппинами. Но особенно я не хочу, чтобы ими управляли китайцы или русские. Мы маленькая страна, размером с Норвегию. У нас могла бы быть хорошая демократия, как у них. Но у нас есть две проблемы". Он поднял два пальца в знак мира: "Коррупция и сто девять миллионов человек. На сто три миллиона больше, чем в Норвегии. С таким количеством людей демократия невозможна, а коррупция так проста".

Я кивнул, и мы вернулись к нашему столику. Он ушел, не попрощавшись, Галлин встала, и мы вышли на солнце. Через мгновение она сказала: "Он намекнул, что Хоффстаддер и Мэрион Джеймс снимались в фильме, так?"

"Это было то, что я понял. По крайней мере, один из них".

"Что он сказал тебе в туалете?"

"Он сказал, что у меня слишком красная помада".

"Он прав, что еще?"

"В том, что при большом населении демократия - это сложно, а коррупция - легко".

"В этом он тоже был прав".

Глава Пятнадцатая

Мы отнесли DVD в мой номер в отеле, заказали пару гамбургеров и шесть бутылок холодного пива и уселись изучать отснятый материал. Баккей услужливо нацарапал на листке бумаги, как он считал, соответствующие места на различных видео.

Я вставил DVD в свой ноутбук на столе и придвинул пару стульев, пока Галлин засовывала четыре бутылки пива в холодильник и откупоривал две другие. Она поставила одну передо мной и села рядом. Я нажал "play".

Первое видео было из билетного зала. Там была очередь, не очень длинная. Пару полицейских патрулировали, то появляясь, то исчезая из кадра. Они явно кого-то искали, но старались быть незаметными. К очереди присоединился мужчина, и мы оба сели вперед. Он не был филиппинцем. Он был крупным, не толстым, но сильным. У него была бейсболка, темные очки и темные усы. Одет он был небрежно - в ботинки для прогулок, джинсы и толстовку.

Полицейские посмотрели на него и ушли. Очередь двинулась вперед, и к нему подошел высокий китаец в костюме. Я держал в руках свой бургер и сказал: "Стоять!".

Она нажала на пробел, и я пристально посмотрел на нее.

"Зимо Чу", - сказал я с полным ртом говяжьего фарша и салата: "Это тот парень, который предупредил меня в день моего приезда. Он наемный убийца Táotài bù из MSS. Это он их убивает".

Она снова нажала на пробел, и мы наблюдали, как они обменялись несколькими словами. Потом Зимо ушел. Галлин покачала головой: "Он не узнал его, но это Хоффстаддер".

Она посмотрела на меня, и я пожал плечами. Я хотел быть таким же уверенным, как она, но не был: "Почему ты так уверена?"

"Это слишком большое совпадение".

"Ты знаешь, сколько туристов в Маниле в это время года, путешествующих на автобусах?"

Она проигнорировала вопрос и вместо этого сказала: "А знаешь, сколько среди них одиноких мужчин лет сорока в бейсболках Red Sox?". Она была права, но я проигнорировал ее, и она сказала: "Ладно, а это кто?"

К очереди присоединилась неряшливая молодая блондинка. Она стояла на пару мест позади парня в бейсболке.

Я указал на нее: "Это та девушка, которую я видел возле дома Хэмптона".

"Ты уверен?"

"На сто процентов. Это она."

"Они договорились встретиться здесь?"

Я покачал головой: "Вряд ли. Это было бы плохим ремеслом. Стоп!"

Она остановила фильм как раз в тот момент, когда здоровяк получал свой билет. Я увеличил изображение. Получилось очень зернисто, но я сделал снимок экрана и отправил его обратно в ODIN с инструкциями о срочном анализе. Мне нужно было знать, куда направляется этот парень.

Он вышел, взглянул на девушку, но, хотя мы прокрутили это несколько раз, не было никаких признаков того, что он что-то сказал или что она его заметила. Затем девушка

подошла к окну. Произошел короткий обмен, девушка передала деньги, а женщина вручила ей билет. Мы заморозили его, увеличили и отправили обратно в Вашингтон. Затем я позвонил. Мы прошли через обычный ритуал, затем Лавлок сказал: "У нас разница в двенадцать часов, понимаете? Три часа дня там - это три часа утра здесь. Поэтому я сплю днем и не сплю всю ночь, ожидая твоего звонка".

"Ты просто куколка. Теперь слушай, разбуди всех, кого нужно разбудить. Я послал тебе две фотографии людей, получающих билеты. Мне нужно знать пункт назначения на этих билетах в ближайший час. Снимки сделаны в терминале Филтранко Пасай. Так что им нужно получить список пунктов назначения на этой станции и сравнить их."

"Что-нибудь еще?"

"Пока нет".

"Десять четыре, прием и выход".

Видео оборвалось, и вид открылся с вершины какого-то пилона или фонарного столба. Мы могли видеть внешнюю часть терминала с большой суетой. Люди проходили мимо в обоих направлениях, а также входили и выходили. Они двигались быстро и рывками.

Галлин показала пальцем и сказала: "Там!".

Парень, которого она приняла за Хоффстаддера, вышел. Он замешкался на мгновение, глядя вверх и вниз по улице, затем направился к крытой дорожке. Наши глаза были устремлены на него, и мы не заметили, что произошло, но внезапно появилось множество людей, которые бежали, освобождая место на дороге у тротуара. Я перемотал назад, и мы снова воспроизвели это в замедленной съемке. Хоффстаддер, если это был он, замешкался, затем повернулся в сторону крытой дорожки. Галлин сказала: "Смотри", - и показала на экран.

Зимо был там, в толпе, оглядываясь вокруг, и как раз в тот момент, когда Хоффстаддер начал двигаться к дорожке, Зимо поднял руку и, казалось, позвал человека в толпе. Мужчина остановился и повернулся, озираясь по сторонам. Очень спокойно и целенаправленно Зимо выхватил из-под руки пистолет и выстрелил мужчине в грудь.

Человек в бейсболке остановился и оглянулся, а затем бросился бежать. Но еще одно движение привлекло мое внимание. Нам пришлось пересмотреть его несколько раз, прежде чем Галлин сказала: "Вот, смотри, смотри! Скуластая девчонка!"

Мы снова перемотали назад и увидели, как Мэрион Джеймс вышла из терминала, направилась к дороге и, найдя затишье в движении, перебежала на центральную полосу. Как раз в этот момент Зимо окликнул мужчину и выстрелил в него. Она на мгновение застыла на месте, затем перемахнула через ограждение и перешла на другую сторону.

Я приостановил изображение и сел поудобнее: "Тем временем, - сказал я, - Хоффстаддер, если это он..."

"Так и есть".

"Неважно, он перешел через крытую дорожку и оказался на той же стороне улицы, что и Мэрион Джеймс". Я внезапно нахмурился: "Кто, черт возьми, эта Мэрион Джеймс?"

Она перемотала видео, и через пару минут появился он, безрассудно и безумно бегущий в том же направлении, что и Мэрион.

Следующие три четверти часа мы провели, попивая холодное пиво и наблюдая за придурковатыми людьми, бегущими вверх и вниз по улице или входящими и выходящими с автобусной станции. Затем, когда скука перешла в отчаяние, а Галлин сообщила мне, что хочет разорвать себе лицо, я увидел их.

"Это они! Они вместе, спускаются по ступенькам с пешеходной дорожки. Они определенно вместе".

Она почесала голову: "Какого черта...?" Она уставилась на меня: "Зачем притворяться, что они не знают друг друга, а потом...?"

"Послушай, они идут вместе".

"Это безумие."

Мы прокрутили это еще пару раз, чтобы посмотреть, есть ли что-то еще, что мы могли бы извлечь, но ничего не было. Галлин встала, вышла на террасу и шумно потянулась. Зазвонил мой мобильный.

"Да?"

"Лавлок, ты можешь говорить?"

"Конечно".

"Мы зашифрованы на защищенной линии, но я буду краток. Лаборатория сделала все, что могла. Мужчина направлялся в международный аэропорт Кларка в Мабалакате, а для девушки самое близкое имя, которое они смогли найти, было Найон что-то такое Пангинги что-то такое, что, по их мнению, означает Найон нг Пангисда. Я понятия не имею, как это произносится".

"Оба направляются в разные пункты назначения, ты уверен в этом?"

"Это то, что они сказали. Я ни в чем не уверен".

"Спасибо, Лавлок".

Я повесил трубку, и Галлин сказала: "В этом есть смысл".

"Они случайно встретились, и он решил пойти с ней? Это чертовски странное совпадение".

"Правда?" Она пожала плечами: "Они были на автобусной станции, потому что это был единственный путь из Манилы, а потом их столкнуло вместе потрясение от того, что Кармона был застрелен. Теперь они оба знают, что за ними охотятся, но ни один из них не знает, что знает другой. Ты следишь?"

"По какой-то причине понимаю. Ты имеешь в виду, что они оба думают, что другой - просто турист и обеспечит им прикрытие".

"Именно это я и имела в виду. Если бы Зимо не застрелил Кармону, их планы развивались бы как..." Она сделала жест рукой.

Я сказал: "Планы".

"Спасибо, но смерть Кармоны заставила их искать более глубокое прикрытие".

"Значит, они оба сейчас на пути к..." Я попытался прочитать: "Nayon ng Pangingsda."

"Я думал, это где-то в сорока световых годах отсюда".

"Нам нужно избавиться от корвета. Нам нужно что-то быстрое и незаметное".

Она покачала головой: "Мы никогда не догоним их по дороге. Нам нужен легкий самолет или вертолет, или что-то еще".

"Да, это было бы незаметно".

"Давай, Мейсон. Не будь слабаком. Многие люди летают на легких самолетах на Филиппинах, потому что там нет поездов. Это удаленное место".

"Чем ты руководишься в этом утверждении, Галлин?"

Она пожала плечами: "Спроси любого. Ты умеешь летать?"

"Конечно."

"Круто."

Она достала телефон из куртки и позвонила. Некоторое время она говорила на иврите с парнем с глубоким голосом. Она пару раз взглянула на меня, засмеялась, потом сказала что-то вроде "Тода, тода раба" и повесила трубку.

Я почувствовал беспричинный укол раздражения и спросил: " Ты взяла небольшой перерыв за счет компании, чтобы немного пофлиртовать, или это имело отношение к текущей работе?".

"Друг, который работает в посольстве Израиля. У него есть ферма в пятнадцати-двадцати милях к востоку от города, и у него на ферме есть самолет Cessna Skyhawk".

"И он готов одолжить тебе свой самолет?"

Я прозвучал немного недоверчиво, и она рассмеялась: "Я сказала ему, что если что-то случится, ты заплатишь, ты молодец".

"Спасибо".

"У него дальность полета шестьсот сорок морских миль. Это позволит нам добраться до южного побережья Минданао, а крейсерская скорость составляет сто двадцать морских миль в час. Это как сто сорок миль в час".

"Я же сказал тебе, что умею летать. У них почти двадцать четыре часа форы над нами. Когда мы сможем получить этот самолет?"

"Он сказал, что ему нужно пару часов, чтобы заправить его и подготовить".

"Хорошо, давай примем душ, соберем сумку на ночь и отправимся в путь. Кроме того, позвони на ресепшн, узнай маршрут автобуса, на котором они едут. Нам нужно знать, где они останавливаются, чтобы мы могли их перехватить".

"Так мастерски. У меня аж колени слабеют".

" Убирайся. Встреча через полчаса".

Я встретил ее в приемной двадцать минут спустя. Она была в джинсах, толстовке и со спортивной сумкой через плечо. Она взяла меня за руку и начала говорить, пока вела меня через дверь к месту, куда из гаража привезли ее "Корвет".

"Так, у них на нас восемнадцать часов". Она открыла удивительно большой багажник, закинула туда две наши сумки и захлопнула его. Она открыла свою дверь и продолжала говорить, забираясь внутрь. Я последовал за ней: "Их маршрут пролегает от терминала Пасай до Калауага, затем до Наги и, в конце концов, до Булана. Итого шестнадцать часов. Значит, они добрались туда два часа назад".

Мы захлопнули двери. Я сказал: "Она не собиралась в Булан".

"Я еще не закончила". Машина зарычала, и мы выехали из отеля: "Из Булана они садятся на местный автобус, который везет их в Матног. Это около пятнадцати миль и, вероятно, займет полчаса. Можно назвать это часом. Здесь они проводят ночь - сколько, восемь часов? - и утром переправляются на пароме в Аллен на острове Самар. В зависимости от погоды это может занять около двух часов. В Аллене они пересаживаются на другой автобус, который везет их по Самару до города Таклобан. Это еще пять часов, больше или меньше".

"А что происходит в Таклобане? Не говори мне. Они садятся на другой автобус, который везет их в Балли-Го-Бэквард в Керри".

"Будь серьезным. Там они садятся на местный автобус, где можно насладиться обществом кур и коз, а также любопытных местных жителей, который везет их вдоль побережья на протяжении ста двадцати миль, останавливаясь везде, где потребуется, вплоть до Сан-Рикардо. Точное время прибытия неизвестно, но время в пути составляет от пяти до семи часов".

Я кивнул: "Сан-Рикардо. Скажите, просто из любопытства, они когда-нибудь прибывают в это мифическое место, Nayon ng Pangngisda, на Минданао?".

Она свернула с Родригес-авеню на Ортигас и начала ускоряться, вдавливая меня обратно в сиденье.

Она кивнула и усмехнулась: "Теперь ты понимаешь, почему они выбрали этот маршрут, верно?"

Я хмыкнул, скорее из-за силы ускорения, чем потому, что согласился. Она продолжила: "Паром от Сан-Рикардо до Липаты, ближайшего порта на Минданао, идет один час. После этого четыре автобуса, один в город Суригао, который находится в пяти минутах езды, затем междугородний автобус из Суригао в Давао, большой город там. Это четыре часа, если они поедут на экспрессе. Пересадка в Давао и еще один автобус до Генерал-Сантоса, два часа, если экспресс, и последний, местный автобус из Генерал-Сантоса до...".

"Nayon ng Pangngisda. Держу пари, Улисс не чувствовал такого облегчения, когда вернулся на Итаку".

"Здесь нет экспрессов, это снова бег курицы и козы, который может занять от трех до пяти часов, в зависимости от груза и объездов. Надо любить деревенскую жизнь".

"Значит, общее время в пути составляет...?"

"По прогнозам, пятьдесят один час и пять минут. Из них они прошли, как я уже сказал, восемнадцать часов. Так что сейчас они в Матноге, где проведут ночь, а утром переседут на паром."

"Хорошая работа."

"Ну и ну, спасибо".

"Глупый вопрос, я знаю, но... Есть ли в Матноге аэродром?"

"Конечно. Взлетно-посадочная полоса. В центре города. Используется для экстренных воздушных перевозок. Такие вещи".

Позже я узнаю, что когда Галлин использовала такую стаккато-фразировку, это означало, что она лжет сквозь зубы, но сейчас я был рад кивнуть и поразиться ее эффективности.

"Хорошо, значит, Матног..." Я проверил свой телефон: "...на расстоянии чуть более двухсот морских миль. Значит, мы будем там через час и сорок минут после взлета. Согласна?"

"Еще бы".

"И когда это будет?"

"Через полчаса, если люди перестанут вставать у меня на пути. Расчетное время прибытия - половина девятого. Здесь не может быть много пансионатов, это не большой туристический курорт. Это довольно отдаленная рыбацкая деревушка. Если мы хорошенько поспрашиваем наших английских и американских друзей, мы найдем их сегодня вечером".

Через десять минут мы выехали на дорогу с величественным названием Национальная дорога, которая пролегла через спящие пригороды и деревни, пока не подъехали к большим деревянным воротам, окруженным высокими кипарисами. Она остановилась там и позвонила по мобильному телефону. Она ничего не сказала, но ворота распахнулись, и мы проехали.

Мы проехали по извилистой дороге к большому дому, в котором не было видно никаких огней. В пятидесяти ярдах от дома мы свернули налево по избитой дорожке и выехали на поле. Зажглись прожекторы, и я увидел, что это не просто поле, а огромная лужайка, по

центру которой проходила черная полоса асфальта. Она заглушила двигатель рядом с воротами и посмотрела на меня.

"Хорошо, ковбой, мы на месте".

Глава Шестнадцатая

За 16 миль и пару часов до этого, в офисе на берегу водохранилища Ла Меса, на проспекте Катипунан, Бао Лю взволнованно разговаривал с г-ном Вангом.

"Я был в ужасе, мистер Ванг, потому что знал, насколько важна эта работа, и думал, что не смогу ее выполнить, потому что это была операционная система, которую я никогда раньше не видел. Но я сказал себе: я должен сделать это для Тьян Чао, нашего Небесного Царства, как вы сказали, господин Ванг. Я не спал, сифу, и наконец-то смог сделать модель операционной системы, и теперь я могу войти внутрь".

Мистер Вонг смотрел на молодого человека невыразительными глазами и прямым, безгубым ртом.

"И чего же ты хочешь, Лю Бао? Ты ищешь похвалы?"

Кровь отхлынула от лица Бао Лю: "Нет, о нет, господин Вонг. Вовсе нет. Я недостоин. Я всего лишь слуга Тьян Чао, я лишь хотел сообщить вам, что теперь я могу проникнуть в операционную систему и скоро смогу извлечь нужную вам информацию".

Лицо господина Вонга изменилось, как будто по щелчку выключателя, и он одарил Бао Лю улыбкой, которая, казалось, продала душу дьяволу.

"Хорошо, тогда возвращайся к работе, Бао. Господин Чу скоро захочет навестить тебя, чтобы поздравить. Он будет очень заинтересован в твоих успехах".

Ужас заполнил внутренности Бао. Он кивнул и поклонился несколько раз, не в силах говорить. Он отступил назад: "Конечно, мистер Вонг, я всегда к вашим услугам".

Он вышел из кабинета и побежал обратно в свою маленькую комнату, где побрызгал на лицо холодной водой и заставил себя сосредоточиться. Теперь он знал, как попасть внутрь. Теперь он должен прокладывать свой путь, программа за программой, файл за файлом, пока не найдет то, что они искали.

Двумя этажами ниже Зимо Чу просмотрел данные - то небольшое, что там было, - еще раз. Он знал, что терпение необходимо, и он был способен на бесконечное терпение, когда это требовалось, но время шло, и чем больше времени проходило, тем больше его сеть начинала растворяться и распадаться. Ему нужна была информация с ноутбука: кто знал? Кто был в камере? И что было сделано с копией? Но мальчик был слишком медлителен.

Страх сделал бы его медлительнее, как и боль. Лю Бао был лучшим. Ему говорили об этом лучшие. Он был лучшим из лучших, но он был слишком медлителен.

Данные - факты: Он знал, что у доктора Эдварда Улисса Хэмптона была ячейка в Маниле. Он знал, что доктор Джей Хоффстаддер был частью этой ячейки, он знал, что Хуан Кармона был частью этой ячейки. У него не было абсолютно никаких сомнений на их счет. Он также знал, что доктор Феликс Маркос был частью этой ячейки, и теперь его успешно перевербовали. Но были и другие, в этом он был уверен не меньше.

Девушка. Доктора Хэмптона видели с ней однажды, возможно, во второй раз, но это не было подтверждено. Ее описывали как неряшливую, светловолосую, иностранку, ничем не примечательную. Он мысленно перечислил других участников: заведующий кафедрой международного права Филиппинского университета, руководитель нового факультета вирусной кибернетики, высокопоставленный чиновник Министерства иностранных дел... и смуглая, ничем не примечательная блондинка.

Это казалось маловероятным, и все же.

Он снова просмотрел запись с камер видеонаблюдения, которую Баккей обеспечил для него. Каждый раз, просматривая ее, он все больше убеждался, что ошибся, и что иностранный мужчина в очереди - это Хоффстаддер. Он не осмелился отправить запись в Пекин для анализа на предмет распознавания лиц, ведь на видео было ясно видно, что он смотрел этому человеку в лицо, разговаривал с ним и не узнал его. Но ему не требовалось распознавание лица. Логика подсказывала, что это был он. Логика подсказывала, что это был Джон Джонс, записанный на рейс в Дубай. Он так и не поднялся на борт самолета и не сел в автобус.

Но он вернулся в терминал вместе с неряшливой, светловолосой, ничем не примечательной девушкой. Кто она была? Почему доктор Хэмптон заинтересовался ею? Сначала он решил, что это иностранная шлюха. Известно, что Хэмптон не любил восточных женщин. Но он явно искал от нее не секса. Дважды он спрашивал Баккея, кто она такая, и дважды тот отвечал, что о ней нет никакой информации. Дважды он спрашивал Баккея, какие билеты они с Хоффстаддером купили. Хоффстаддер купил билет на рейс Clark International, но никто не вспомнил о девушке.

Он пожал плечами: "Она ничем не примечательна. Никто ее не замечает".

Пока он сам не отправился в терминал с двумя полицейскими и не поговорил с женщиной в кассе. Он показал ей фотографию, и она энергично кивнула.

"О да, я очень хорошо ее помню. Она говорила так тихо, что никто не мог расслышать, что она говорит. И она не могла правильно произносить слова. Боже мой, что она вытворяла!".

"Куда она направлялась?"

"Nayon ng Pangngisda! На автобусе! Я думала, она сошла с ума! Полететь на самолете. Но нет, она хотела ехать на автобусе! Более пятидесяти часов, бог знает сколько пересадок..."

И мужчина был с ней. Сегодня они будут у него. Они оба будут у него сегодня вечером.

В его черной сумке лежала смена рубашки и нижнего белья, туалетная сумка и то, что он считал своим "набором для убийства": 9-миллиметровый пистолет с глушителем, Glock 19, нож-стилет и бритва девятнадцатого века. Там также была рояльная струна. Шапочка хирурга и упаковка латексных перчаток, хотя роскошь работы на Филиппинах в эти дни заключалась в том, что такие меры предосторожности были не нужны.

Он закрыл сумку, а его водитель постучал и прислонился в двери.

"Машина готова, сэр, вертолет ждет".

Он быстро прошел к машине, держа сумку при себе, рядом с ним на черном кожаном сиденье. Поездка была медленной. В это время дня движение было интенсивным, и им пришлось пересечь центр города, чтобы добраться до аэропорта, где ждал вертолет.

К тому времени как они добрались туда, солнце уже опустилось на небо, отбрасывая медный свет и длинные тени.

По пропуску он без задержек прошел через службу безопасности, и в дипломатическом зале его встретил пилот, который сразу же провел его через частные ворота и вывел на асфальт. Его команда из трех человек уже находилась на борту AVI Copter AC 311. Они поприветствовали друг друга кивками, не обмениваясь словами, и через пять минут вертолет взлетел, пронесся над городом и на скорости около ста восьмидесяти миль в час устремился на юг.

Далеко под ними здания вскоре уступили место широким зеленым полям. Солнце

разлило оранжевый свет по горизонту на западе, и поля под ними погрузились во тьму. Зимо закрыл глаза и обдумал поставленную задачу. Это был едва ли план. Они должны были приехать, спросить, где находятся иностранцы, убить Хоффстаддера и забрать женщину для допроса, а затем уехать.

Время в пути составляло чуть больше часа и двадцати минут. Чуть больше чем через три часа они вернутся в Манилу, сделают работу и смогут вернуться домой. Если бы он знал, если бы он мог предсказать, что в ноутбуке окажется такое экзотическое программное обеспечение, то он бы сначала пытал Хэмптона, и ничего этого не понадобилось бы.

Но сожалеть о прошлом было бессмысленно.

Ячейка должна быть найдена и уничтожена, но сначала нужно допросить эту неряшливую, невзрачную девушку, чтобы выяснить, почему Хэмптон заинтересовался ею. Затем ее убьют, как и остальных.

Вертолет громыхал в ночи, быстро продвигаясь на юг.

* * *

Старый дребезжащий автобус въехал на улицу, которую Марион считала Матног Хай-стрит, поздним вечером. Автобус дребезжал, вздрагивал, стучал и выпускал облако черного дыма из выхлопной трубы, а затем выгрузил невероятное количество людей, цыплят, сумок и разнообразных контейнеров с фруктами и овощами.

Марион и Хоффстаддер сидели, улыбаясь друг другу, и наблюдали за красочным зрелищем, когда оно выплескивалось из машины на поздний солнечный свет. Когда последний человек вышел, они последовали за ним. Хоффстаддер спросил водителя, где здесь гостиница, и тот ответил, что в городе есть только одна. Улица не имела названия, но она шла параллельно той, по которой они ехали. В двух минутах ходьбы.

"А еда?"

Водитель рассмеялся и широко развел руки: "Везде! Идите вниз, еда везде!"

И они пошли по Хай-стрит. Это были не те Филиппины, которые знал Хоффстаддер, и это были Филиппины, которые Марион почти забыла. Сказать, что она была оживленной, - значит впасть в клише, и все же трудно было придумать другое слово. Это было живое место! Казалось, что у каждого дома есть какой-нибудь рыночный прилавок. На улицах, насколько хватало глаз, стояли моторикши в виде мотоциклов с крытыми колясками, толкающиеся друг с другом во всех направлениях, независимо от того, на какой стороне дороги они находились.

Здесь не было асфальта. Дорога была избитой, а здания отличались удивительным разнообразием: испанские колониальные здания, выкрашенные в странный бирюзовый цвет, соседствовали с насмешками над китайским империализмом, соломенными крышами и функциональными коробками из бетона. Это был настоящий архитектурный хаос.

А в киосках было все - от книг, батареек и носков до надувных кроватей, шлепанцев, рыбы и продуктов.

Пока они шли, воздух был насыщен ароматами цветов, тропических растений и специй, и Хоффстаддера вдруг охватило чувство необъяснимого счастья. Он засмеялся без всякой причины и удивился, что Марион посмотрела на него и тоже засмеялась. Она взяла его руку, сжала ее и сказала: "Как красиво, правда?".

"Да. Все эти годы я знал только Манилу. А здесь было это, все это время".

Они шли молча до следующего перекрестка, где свернули на параллельную улицу и нашли отель. Он был таким же причудливым, как и Хай-стрит, и, похоже, двести лет назад был домом богатого испанского колониста. Женщина на ресепшене, которую Марион приняла за хозяйку, громко говорила на каком-то пиджин-английском и много смеялась без особой причины.

"You want one room two room?"

Они оба одновременно сказали "Oh!", затем посмотрели друг на друга, рассмеялись и, затаив дыхание, ответили. Он собирался сказать "две", но она опередила его и сказала "О, только одну!"

Наступило замешательство, пока все трое смотрели друг на друга. Марион пробормотала: "Я имею в виду, если вы не против, это только дешевле, но мы можем..."

А он лепетал за ней: "Нет, нет, все в порядке, абсолютно, нет, да, точно, дешевле..."

А женщина надула две большие яблочные щеки, захихикала и закричала что-то непонятное, что звучало примерно так: "Aaaa, heshe nono gonna maqu nookieookie bang bang, he nono, aaaa!"

Все это, или что-то похожее на это для Хоффстаддера, она повторила три или четыре раза, пока вела их вверх по лестнице в их комнату. Распахнув окна и показав им, где что находится, она ушла, а Марион закрыла лицо руками.

"Джей, мне так жаль! Я чувствую себя абсолютной дурой!"

"Нет! Дура? Разве в Англии такое бывает? Я уверен, что ты не дурочка. Но послушай, все в порядке. Наверное, я сам должна был это предложить. Ведь, в конце концов, - засмеялся он, - мы всю дорогу сюда спали вместе на чем-то гораздо меньшем, чем эта кровать, верно?"

Она была ярко-розовой и смотрела на него, пока он говорил все это. Ей удалось ответить: "Наверное, да", и он продолжил.

"Слушай, могу я предложить кое-что? Давайте купим купальные костюмы, поплаваем, пообедаем в одной из этих соломенных пляжных закусок. Уверен, еда там потрясающая! Выпьем вина, если получится, и расслабимся. Я действительно думаю, что мы это заслужили".

Странное чувство благодарности захлестнуло ее. Она поборолла волну эмоций и кивнула: "Это звучит как прекрасная идея. Спасибо, что ты такой понимающий".

"Вовсе нет. Пойдем."

Они оставили свои вещи в номере и отправились на центральную улицу, где нашли магазин, в котором продавалось практически все, что может понадобиться за всю жизнь. Хоффстаддер купил шлепанцы, плавки, полотенце, дешевые очки с имитацией Wayfarer и футболку с надписью "Surfer Dream Is Wet". После минутного колебания он также купил оранжевую пластиковую бутылку крема для загара.

Марион купила красное бикини, солнцезащитные очки Davidof (с одним "f"), большое полотенце, плетеную корзину, две бутылки холодного пива, две зубные щетки, зубную пасту, сине-белый зонт и, после минутного колебания, оранжевую пластиковую бутылку крема от солнца. Они встретились у кассы. Марион посмеялась над его футболкой, а он восхитился ее предусмотрительностью. Они оба согласились, что солнцезащитный крем - это разумно, учитывая разрушение озонового слоя.

"Хотя, думаю, тебе придется помочь мне со спиной", - добавил Хоффстаддер: "После

этой поездки на автобусе я стал таким же податливым, как налоговая инспекция".

"Я тоже".

Она улыбнулась, и они пошли вниз к пляжу. Хоффстаддер смутно понимал, что должен чувствовать себя виноватым, но не мог вызвать это чувство и неожиданно для себя заговорил вслух.

"Как будто мы попали в параллельную вселенную". Она с любопытством посмотрела на него. Он продолжил: "Как будто мы оставили тот другой мир позади и вошли в новый мир, где мы на самом деле другие люди". Он пожал плечами и провел большим пальцем по плечу: "Для меня, по крайней мере, Манила, закон, все это - как будто чужая жизнь. Это... Это настоящее. Этого нет".

Она мягко кивнула, и ее глазам предстал бескрайний океан перед ними. Ее пальцы нашли его руку и прижались к ней. Они выбрались на белый песок, странная пара: он - большой, с корзиной на плече, в шлепанцах на больших ногах, она - маленькая, смуглая, белокожая и светловолосая, держа его большую руку в своей.

Они нашли место, бросили свои вещи и установили зонтик, переоделись среди смеха и рискованно соскальзывающих полотенец и в конце концов побежали вниз к морю, где плескались и смеялись как дети в течение получаса, прежде чем вернуться в тень. Там она обильно намазала его спину и плечи кремом от солнца. А когда она закончила, он сделал то же самое для нее, после того как она растянула верхнюю часть своего бикини.

Глава Семнадцатая

В конце концов они нашли ресторан в порту напротив паромного терминала, с официантами и столиками со свечами. Несколько других иностранных пар и групп, все из которых старательно игнорировали друг друга, занимали другие столики. Меню было азиатским, а не строго филиппинским, и еда выглядела и пахла вкусно.

Они не стали рисковать и заказали спринг-роллы, курицу с орехами кешью, креветки, жаренные в воке, и овощной рис. Они также рискнули взять бутылку очень холодного белого вина, которое оказалось на удивление хорошим.

Они съели спринг-роллы в тишине и, измученные жаждой после полудня на пляже, с еще теплой и соленой кожей, допили вино, и Хоффстаддер заказал еще одно. Он наполнил ее бокал и сел поудобнее, улыбаясь.

"Как ни странно, - сказал он, - мне не было так весело с тех пор, как..." Он сделал паузу, задумавшись, и покачал головой: "Я не могу вспомнить, когда".

Она не подняла глаз. Она повертела в пальцах конец весеннего рулета и сказала: "Почему, как ни странно?".

Он нахмурился, внезапно встревожившись: "О, я не имею в виду..." Он не знал, как закончить это объяснение, поэтому начал другое: "Когда я сказал "странно", я не имел в виду тебя... Пожалуйста, не воспринимай это так".

Теперь она подняла голову и, увидев страдание в его глазах, улыбнулась: "Я не восприняла это как что-то личное, Джей. Но я бы хотела, чтобы ты объяснил, что ты имел в виду под "как ни странно"".

Он глубоко вздохнул. К счастью, она, похоже, не заметила, но он не в первый раз оступился. Он был слишком расслаблен и чувствовал себя слишком отстраненным от опасности, в которой находился. Теперь ему нужно было выпутаться. Он слегка покачал головой и на мгновение уставился на море.

"Похоже, я говорил не подумав".

"Я так и подумала".

"Это просто выражение. Я имею в виду, что, решив вернуться домой, я встречаю тебя, делаю неожиданный крюк, и..."

"Джей?"

"Да, пожалуйста, не придавай этому слишком большого значения".

Она слегка рассмеялась: "На самом деле, меня больше интересует, что ты собираешься из этого сделать".

"И что это значит?"

"Ты сказал мне, что последние двадцать лет проработал в юридической фирме в Вашингтоне, а девять месяцев назад решил путешествовать по миру. Твои слова были такими: "Я поступил прямо из колледжа в юридическую фирму и провел следующие двадцать лет в крысиных бегах в Вашингтоне. И вот в прошлом году я подумал: "Какого черта! Я собираюсь сделать сейчас то, что должен был сделать двадцать лет назад".

"Вау..."

"У меня очень хорошая память. На самом деле у меня эйдетическая память - фотографическая. Я хочу сказать, что как бы ты ни смотрел на это, согласно твоему рассказу, ты не мог быть в Маниле больше нескольких месяцев, не больше. Но сегодня днем,

когда мы приехали, ты сказал: "Все эти годы я знал только Манилу. И вот оно, все это время". Значит, ты не только не был на Филиппинах несколько месяцев, ты был в Маниле очень много лет".

Он собирался заговорить, но она подняла палец.

"И последнее. По дороге на пляж ты сказал: "Мы как будто шагнули в параллельную вселенную, как будто мы оставили тот другой мир позади и вошли в новый мир, где мы действительно разные люди". По крайней мере, для меня Манила, закон, все это - как будто чужая жизнь. Это... Это теперь настоящее. Этого нет".

Он немного помолчал, а затем сказал с очень слабым юмором на лице: "Парень, адвокаты обычно осторожны в своих словах, но с тобой мне придется следить за каждым словом, как ястреб".

Она фыркнула и слабо улыбнулась.

"Есть и другая альтернатива".

"Да?"

Она кивнула: "Конечно, говори правду".

Он попятился назад и вздохнул: "Да, есть такое. И обычно это моя политика. Но это не всегда возможно".

"Почему?"

"Потому что иногда то, что мы говорим, затрагивает больше людей, чем нас самих".

"Это обобщение, Джей. Не хочешь ли ты перевести его в конкретные факты?"

Подошел официант и забрал их тарелки, а второй заменил их на курицу, креветки и рис. Внизу по дороге раздавались голоса, то ли в конфликте, то ли в разговоре, не всегда было легко определить. Он оглянулся и увидел двух мужчин, спорящих возле машины. Он обернулся, посмотрел на Марион и решил, что она ему понравилась. Он сказал: "Я должен перед тобой извиниться".

"Джей, мне не нужны извинения, и я не хочу, чтобы ты придумывал мне новую линию поведения. Я-" Она колебалась: "Ты мне нравишься, и я тебе доверяю. Я не хочу, чтобы ты мне лгал".

Он надолго задумался, затем пришел к решению: "Послушай, Марион, я не могу рассказать тебе все, но я расскажу тебе то, что могу. Надеюсь, ты мне поверишь. Я не уверен, что поверил бы, если бы мне кто-то рассказал".

Она фыркнула, что прозвучало более сардонически, чем она намеревалась: " Попробуй."

"Хорошо, тот парень, которого застрелили у автобусного терминала? Я его знала. Его звали Хуан, Хуан Кармона. Мы не были близки, просто встречались пару раз по делу".

"И ты боишься, что человек, который убил его, может захотеть убить и тебя".

"Да. На самом деле я знаю, что он собирается это сделать".

"Этот человек был китайцем".

"Да."

" Ты сказал, что едешь домой. Если бы ты летел в Вашингтон или Нью-Йорк, ты бы вылетел из аэропорта Ниной Акино. Чтобы добраться туда, вы бы взяли джипни или такси. Если ты ехал на автобусе на север, ты, должно быть, был заказан на самолет, вылетающий из международного аэропорта Кларк, что означает, что ты летел, вероятно, в Дубай, а оттуда в Штаты".

"Парень, кто ты такой?" Он спросил это со смехом, но при этом нахмурился.

Она вздохнула и внезапно почувствовала голод. Она набрала рис, курицу и креветки в

большую кучу на своей тарелке и начала есть. Он наблюдал за ней, внезапно забеспокоившись. Наконец она сказала:

"Кто я? Я девушка, которая быстро учится, которую все считают чумазой и глупой, но которая на самом деле способна сложить два и два и получить четыре. Я провела все необходимые исследования относительно путей отхода из Манилы, и я знаю, что очевидный и неочевидный путь лежит через Кларк Интернэшнл и Дубай. Но китаец, убивший твоего друга, тоже это просчитал, как, очевидно, и должен был".

Она подцепила вилкой еще немного еды и жевала, пока он сидел молча, недоумевая, что, черт возьми, происходит.

"Кто я?" - продолжала она: "Я Мэрион Джеймс, в точности как я вам говорила, девушка, которую никто не замечает, у которой эйдетическая память и исправный мозг, и которая работает-работает-работает переводчиком в китайском посольстве в Маниле".

Она смотрела ему в лицо. Он почувствовал, как кровь отхлынула от его щек, а в животе вспыхнул огонь: "Господи..." - это все, что он смог сказать.

"Эд выбрал именно меня, потому что я была той, на кого никто не обратит внимания".

"Ты с самого начала знала, кто я?"

Она покачала головой: "Но я видела, как ты бежал, когда увидел стрельбу, и я видела твое лицо, когда ты приехал в торговый центр. То, - она улыбнулась и пожала плечами, - отправиться в кругосветное путешествие в середине сорокалетнего возраста - это не невозможно, но очень маловероятно. Журналист или писатель было бы лучше".

"Ты говоришь, как старая рука в этом деле".

"Вовсе нет. Всего пару месяцев. Но я быстро учусь. Я не так глупа, как кажусь".

"Ты вовсе не выглядишь глупо. Перестань так говорить. Так сколько из..." Он сделал жест рукой: "Сколько из остальных ты знаешь?"

"Ни одного. Но я собрал воедино комментарии и ссылки Эда, и то, что я читала в отчетах, которые я переводила и читала. Он сказал мне однажды, что обычно работает только с академиками высшего класса, но я буду полезна, потому что прячу свой свет под бушелем".

"Ты умная. Ты действительно умна".

"Постарайся не показаться удивленным".

"Я и не удивляюсь, Марион. Но ты делаешь эту самоуничижительную английскую штуку. Как будто ты ходишь с большой табличкой на лбу: "Я ничего особенного. Пожалуйста, не замечайте меня". Но это так. Ты умна".

Она пожала плечами: "Спасибо. Ты не собираешься поесть?"

Он угостился едой.

"Как, черт возьми, ты в это ввязалась, Марион?"

"Как ты?"

Он выглядел немного смущенным: "Патриотизм. Я обосновался в Маниле, и Эд обратился ко мне. Он сказал, что правительству США нужны глаза и уши в высших академических кругах, потому что мы наблюдаем за усилением китайцев в южной части Тихого океана. Он сказал, что беседы между учеными могут быть очень показательными, но он также включит меня в список людей, которых приглашают на дипломатические вечеринки и мероприятия, где я смогу получить небольшие крупицы информации". Он пожал плечами: "Он также сказал, что это не повредит моей карьере, если я когда-нибудь решу вернуться домой".

Она осушила свой бокал, и он заметил, что ее глаза блестят.

"Ну, это точно не мой случай. Несколько месяцев назад я попала в серьезные неприятности и накопила огромный игорный долг".

Его брови взлетели вверх: "Ты играешь в азартные игры?"

"Я никогда в жизни не играла в азартные игры. Но я с друзьями загуляла на ночь. Мы оказались в каком-то клубе, и этот привлекательный молодой американец подошел, поболтал со мной и убедил меня пойти в настоящее, местное заведение, где играют в маджонг. Я подумала, что это весело, он показался мне милым, и я согласилась. Пока я играла, он исчез, якобы в туалет, и больше не появлялся. Тем временем очень страшный филиппинец с ножом сказал мне, что я должна им десять тысяч американских долларов, и проценты начинают начисляться прямо с этого момента".

"Ни хрена себе."

"Парень, очевидно, был подставным, потому что на следующий день появился Эд и сказал мне, что он обо всем позаботится, если я окажу ему некоторые услуги".

"Как ты с ним познакомилась?"

"Он появился на моем пороге". Она вздохнула и выглядела смущенной: "Я довольно хорошо училась в Оксфорде. Я изучала китайский язык и получила степень магистра по восточной философии. Каким-то образом слухи дошли до отдела Эда в Пентагоне. ЦРУ, я полагаю. Он меня подставил, а потом завербовал".

"Сукин сын".

"Возможно. Я думаю, он искренне верил, что его действия оправданы, и он действительно пытался достать для меня деньги".

"Он пытался?"

"Он был убит. Я нашла тело и убежала, но у него в кабинете был конверт с моим именем. Деньги были в нем".

"Никаких бумаг, ничего такого?" Она покачала головой. Он сказал: "И каков твой план?"

Она глубоко вздохнула: "Ну, я знала, что якобы безопасный маршрут окажется смертельной ловушкой. Поэтому я подумала, что лучше всего будет сделать то, что я всегда делаю". Она засмеялась: "Это моя "палочка-выручалочка" во всех отдаленно опасных ситуациях: стать невидимой. Поэтому я поехала на юг. Однажды, еще в туманные времена, я провела неделю в Найон-нг-Пангисда с друзьями, поэтому я подумала, что поеду туда, возьму напрокат или украду лодку и поплыву в Дарвин, в Оз. Это долгий путь, но по дороге много островов".

"Ты умеешь плавать?"

"Мой отец учил меня, когда я была маленькой".

Он улыбнулся: "Мой тоже. Мы можем это сделать".

Ее глаза на мгновение затуманились страхом, и она нахмурилась: "Они поймут, что произошло, рано или поздно, и придут за нами. Но найти нас будет гораздо труднее".

"Думаю, да".

"Мы должны держаться как можно дальше от самолетов и такси. Это станет очень заманчиво".

"Согласен".

"Как у тебя с кулаками? Ты один из тех несокрушимых квотербеков? Ты хороший и большой".

Он засмеялся и покачал головой: "Нет, боюсь, что все свои бои я веду мозгами".

"Ну, неважно, если появятся китайцы, ты сможешь заговорить их до смерти, пока я буду бить их по голням".

Он попытался улыбнуться, но не смог, и стал тыкать вилкой в рис: "Это ведь по-настоящему, не так ли?"

"Конечно, да". Она могла сказать ему, что, конечно же, он должен закончить свой ужин: "Именно поэтому мы должны сосредоточиться на решениях и не заикливаться на проблеме". Он странно посмотрел на нее, и она улыбнулась ему как Мэри Поппинс: "Строгая верхняя губа и все такое".

Хоффстаддер еще некоторое время ковырялся в еде, затем улыбнулся и протянул руку через стол: "Джей Хоффстаддер".

Она взяла его руку и пожала ее.

"Мэрион Джеймс, снова, все еще".

Некоторое время они ели молча, он делал небольшие укусы, а она честно поглощала еду. Через некоторое время она помахала ему вилкой: "Ты должен спросить себя, когда ты сможешь снова ужинать с красивой блондинкой на пляже на острове Южного моря? Carpe diem, Джей. Или, скорее, карпе курица с орехами кешью, карпе креветки и карпе винум".

"Ты права."

Она покачала головой с набитым ртом и сказала: "Ничего не изменилось, кроме того, что теперь мы знаем".

"Да, пока мы притворялись, я мог делать вид, что этого не было. Теперь это вернуло меня к этому. Это снова сделало его как бы реальным".

Она усмехнулась: "Значит ли это, что теперь ты хочешь свою собственную комнату и перестанешь держать меня за руку?"

"Я женат, Марион. У меня двое детей. Я чувствую себя как бы на каблуках, но это действительно было похоже на другую жизнь, другую реальность."

"Я не хочу знать. У нас и без этого хватает забот, не впутывая в них такие вещи". Она подождала мгновение, уставившись на креветку: "Лично я чувствую потребность в ком-то большом и сильном, за кого я могла бы держаться - метафорически и фактически физически. Если ты больше не он, то мне придется купить плюшевого мишку на рынке".

"Ты замечательная", - сказал он.

Она издала тихий смешок и приложила пальцы к губам: "Извините меня. Спасибо."

"Мне принести чек?"

Она покачала головой: "Я намерена прожить следующие несколько дней так, как будто они мои последние. Вполне возможно, что так оно и есть. Поэтому я собираюсь выпить большой коктейль "Бейлиз" со льдом, а тебе я настоятельно рекомендую взять лучший виски, который у них есть".

Час спустя они прогуливались по многолюдной Хай-стрит, все еще оживленной, со всеми домами и магазинами, все еще открытыми для толпы, с ее рукой, переплетенной с его рукой. Далеко на севере в небе ритмично перемигивался красный огонек, который становился все ярче.

Они поднялись по лестнице в спальню, вошли внутрь, заперли дверь старомодным ключом, и Марион села на кровать.

"Паром отходит завтра в семь тридцать утра. Мы должны быть на ногах и позавтракать к шести".

Он кивнул: "Понятно. Ты купила зубные щетки и пасту?"

"В корзине. Не знаю, как у тебя, а у меня спина горит". Они уставились друг на друга, он в дверях ванной, она все еще сидела на кровати: "Наверное, неплохо было бы намазать еще крема", - добавила она.

"Марион, я не обманщик. Я люблю..."

"Не надо!" Она покачала головой: "Это другая жизнь. Это другая, параллельная реальность". Ее лицо сжалось от боли, а на глаза навернулись слезы: "Ты не обязан, если не хочешь".

Он не двигался, не отвечал некоторое время. Затем он тихо сказал: "Но я хочу".

И пока они прижимались друг к другу, никто из них не слышал рева двигателя над ними.

Глава Восемнадцатая

Он храпел, и некоторое время это мешало ей заснуть. Но она не возражала, потому что ощущение, что ее держат, было таким приятным и желанным, и в конце концов она погрузилась в беспокойный полуминок сексуального удовольствия и спокойного удовлетворения, с одной стороны, и страха и неуверенности - с другой: сны о тепле и поцелуях, которые со временем превратились в кошмары насилия и жестокости.

Она внезапно проснулась. Через открытое окно в комнату проникал лунный свет, отбрасывая серебристо-голубые отблески на пол и стены, разгоняя черные тени по углам. Она села, взяла пластиковую бутылку с водой и отпила из нее, наблюдая за искрящейся дорожкой света, проложенной по неподвижной воде.

Она обратила внимание на шум только тогда, когда услышала его во второй раз. Тогда она резко посмотрела на ручку двери в спальню и почувствовала горячий толчок ужаса, когда увидела, что та поворачивается.

* * *

Мы летели молча, держась низко, чтобы избежать радаров и авиадиспетчеров, и через полтора часа Галлин указала на скопление огней впереди и сказала: "Вот оно, это Матног".

"Возможно, это глупый вопрос, но разве ты не должна уже разговаривать с диспетчерской вышкой?"

Она опустила уголки рта, покачала головой, а затем пожала плечами: "Неа", - сказала она, - "это не такой аэродром".

Я кивнул, как будто то, что она сказала, было как-то нормально: "Точно, не такой аэродром".

Мы шли низко над верхушками деревьев, и под нами начали мелькать крыши домов. Я видел дороги, машины и овальные зияющие лица, смотрящие на нас. Я помню, что подумал: "О, Боже", или, возможно, я сказал это, когда до меня дошло, что она собирается посадить Cessna на Матног, филиппинскую версию деревенской зелени: примерно треугольный участок общественного парка, около трехсот ярдов в поперечнике в самой широкой точке и около четырехсот ярдов в длину, со всех сторон окаймленный домами и коттеджами.

Мы проскочили над последним рядом крыш, и я услышал, как я сказал: "Ты сошла с ума!".

Мы упали на траву и подпрыгнули, пролетели несколько ярдов и снова упали на землю. Сработали тормоза, и я почувствовал, как меня бросило вперед, когда мы покатались по неровной травянистой поверхности парка. Мы затормозили, двигатель перешел на холостой ход, и мы некоторое время плавно подруливали к укрытию из деревьев. Там самолет остановился, и она заглушила двигатель. Из темноты с ярко освещенных улиц в ста ярдах от нас выбежала группа детей.

"Незаметная, неуловимая, женщина тени. Все эти слова я никогда не буду ассоциировать с тобой".

"Где мы?" - с горечью спросила она.

"Матног!"

"Так что заткнись и пойдём".

"Что это?" Я показал через лобовое стекло на большую темную тень, которая сидела возле ряда деревьев в ста ярдах от нас.

"Это китайский AVI Copter AC 311. Лучше молись, чтобы мы не опоздали".

Небольшая толпа наблюдала, как мы спускались с самолета, улыбаясь и приветствуя нас. Мы улыбнулись в ответ, и я спросил ближайшего взрослого: "Отель, пожалуйста?".

Все они начали говорить и кричать одновременно, указывая на парк. Одна женщина говорила громче остальных.

"You go down down pig stweet!". Она повторила это несколько раз, указывая всей рукой туда, куда она хотела, чтобы мы пошли: "You go bake shop, in fwont pig yarrow how. Пекарня! Пекарня! Pig yarrow how! Вы идете вниз. В гостиницу моей сестры. Единственная гостиница в Матноге. Ты не ходишь в одну гостиницу. My sista hotel onry hotel. ХОРОШО!"

Нам удалось освободиться и пересечь травяное пространство в сторону ярко освещенной дороги, за нами следовала небольшая группа людей, чье любопытство не было удовлетворено тем, что мы просто увидели, как мы поднимаемся из "Сессны". Эти люди хотели увидеть все шоу. Они хотели знать, чем закончилась эта история.

В конце концов мы вышли на широкую, оживленную дорогу, которая выглядела как въезд в город. Здесь наши последователи остановились и с любопытством наблюдали за нами, чтобы узнать, что мы будем делать дальше. Галлин спросила меня: "Как ты думаешь, это свиное стойло?"

"Я бы сказал, что это свиной твиттер, и для твитов это довольно свиной твиттер. Так что теперь нам придется идти в ту сторону".

Я ткнул рукой, как это сделала женщина, и банда смотрела, как мы уходим, в сторону перекрестка в сорока или пятидесяти шагах от нас. Он был ярко освещен, там было много транспорта, и все это производило впечатление места, которое недавно стало процветать за счет туризма.

Галлин указала через дорогу на угол: "Там твоя пекарня".

Я кивнул: "А через дорогу от нее - большое желтое здание".

"Большой желтый дом. Круто. И она сказала, чтобы мы пошли вниз по улице. Для меня "иди вниз" означает, что мы идем по улице, согласен?"

"Согласен. Если в городе только одна гостиница, мы скоро узнаем".

Это было три или четыре минуты ходьбы. Отель был безошибочно узнаваем. Это был слегка обветшалый испанский колониальный дом, который нашел новое применение в качестве городской гостиницы. Мы прошли через закрытый двор, мимо нескольких разбросанных столиков и попали в светлую, чистую приемную. За стойкой стояла женщина и улыбалась нам светлыми глазами.

Галлин затаила дыхание, но я вошел первым.

"Не могли бы вы сказать нам, это единственный отель в городе?"

Она кивнула: "Только. Только один".

"Мы договорились встретиться здесь с моими друзьями. Джей и Марион. Он большой, с усами". Я подражал большому и провел пальцами по верхней губе в знак усомнения. Женщина рассмеялась, как будто я ее убиваю. Я продолжил: "Она маленькая, - я поднял руку на уровень плеч, - блондинка".

Она улыбнулась мне пустыми глазами, как будто ее мозг ушел в отпуск, пока я заканчивал.

"Они здесь? Мои друзья?"

Она все еще была пуста: "Вы из полиции?"

Удивление на моем лице было искренним, и, возможно, это ее убедило.

"Нет!"

"У вас проблемы с полицией?"

Мой хмурый взгляд озабоченности был немного более затронут, но я думаю, что справился с этим: "Нет! Совсем нет! А что?"

"Китайцы здесь рыщут за демонами. Я говорю им "гоу-гоу". Я не хочу никаких китайских ублюдков. Я говорю гого! Гого!"

"Который час?"

"Сейчас. Десять минут".

Я одарил ее своей самой обнадеживающей улыбкой: "Я уверена, что беспокоиться не о чем. Где они сейчас?"

Она вдруг закричала как попугай, исказила лицо, ударила ладонью по прилавку и произнесла что-то вроде: "Аааа, хеше ноно собирается маки нукиенуки бах-бах, он ноно, аааа!".

Галлин начала смеяться, и я спросил "Где?".

"Пойти поплавать, пойти поесть, пойти сделать nookienookie bang bang bang". Она пожала плечами.

"Ты не знаешь куда?"

"Да. Я не знаю куда".

"Сколько китайцев?"

"Четыре. Ты не создашь мне проблем".

"Нет." Я засмеялся: "Никаких проблем. Просто друзья".

"Китайские ублюдки".

"Хорошо, спасибо. Пока."

"Tally ho."

Мы вернулись через двор на улицу. Здание напротив представляло собой огромную голую бетонную стену с одной унылой лампой на ней. Слева и справа были заросшие сады с бананами и пальмами, отбрасывающими подвижные, паутиновые тени в янтарном свете. Я почувствовал, что должен остановиться, поднять воротник и зажечь "Лаки". Вместо этого я сказал: "Их четверо. Мы можем быть уверены, что либо она сказала ему, либо он догадался, что они пошли на пляж, и сейчас они в одном из немногих ресторанов".

Галлин кивнул: "Большинство из этих забегаловок - дырявые стены, притащить пластиковый стул и съесть миску лапши. Если они готовятся к nookienookie bang bang, они пойдут туда, где можно хотя бы разделить стол и выпить бутылку вина".

"Что-то рассчитанное на туристов".

"Зимо рассудит так же".

"Значит, он расставит своих людей по всей набережной, и они будут проверять каждый ресторан на пляже".

Она хмыкнула: "Их не так уж много. Я пойду направо, ты налево, если мы найдем Зимо или его людей, мы их убьем".

"Согласен, но, Галлин?"

Она вздохнула: "Что?"

"Думай о Форде Фиеста, а не о Корвете С8. Тонкий. Тихий. Ниндзя..."

Она изогнула изящную бровь и пошла прочь по улице, чтобы слиться с темными тенями в янтарном свете уличных фонарей. Где-то навязчиво, глубоко внутри меня, Стэн Гетц играл "Misty" на дымчатом саксофоне, специально для нее.

* * *

Где-то в глубине души Зимо почувствовал, что он близок к азарту. Это всегда была его любимая часть охоты. Он практически чувствовал запах своей добычи. Он знал, что они знают, что он близко. Он знал, что они напуганы, и чувствовал их страх, словно шестым чувством улавливал их феромоны.

Он направил своих людей вдоль набережной, и постепенно, как сеть, они приближались, проверяя бар за баром, ларёк за ларьком. Ресторанов было мало, но он знал, что именно там он их и найдет. Американский профессор права и выпускник Оксфорда не стали бы есть в киоске. Их объединил страх, за ними охотились, но сейчас они чувствовали себя в безопасности в этом отдаленном месте. Инстинкт побуждал их к чему-то знакомому: официанты, свечи...

В его ухе затрещал радиоприемник. Это был Гуанси.

"Мистер Чу, сэр, кажется, я нашел их. Они на террасе в ресторане "Азиатский вок", в порту, напротив паромного терминала".

"Они тебя видели?"

"Нет, но мне нужно прикрытие. Здесь есть несколько припаркованных машин".

"Хорошо. Воспользуйтесь одной из них. Я иду".

Он почувствовал теплое свечение предвкушения в животе. Ему нравилась его работа. Именно поэтому он выбрал ее, когда MSS предложили ему эту возможность, но он строго контролировал свои чувства. Он никогда не убивал только ради удовольствия. Это было безумием. Он убивал только профессионально, когда знал, что за ним стоит правительство. Но он никогда не уставал от этого чувства, от того необъяснимого момента, который был за гранью эротики, когда его собственная жизнь, его собственное существо вторгалось в жизнь другого человека, и все, что было этим другим человеком, гасло.

Он улыбнулся. Он взял бы их в их комнате. Хоффстаддера он убил бы выстрелом, подавив, а девушку, такую белую, такую бледную, такую розовую, он взял бы в объятия, с длинным, холодным лезвием в животе.

Он добрался до порта, шагая неторопливым шагом, засунув руки в карманы. В тридцати или сорока шагах от него он увидел Гуанси, который пытался утихомирить разъяренного филиппинца в бермудских шортах и шлепанцах. Все они носили бермудские шорты и шлепанцы. Гуанси, вероятно, пытался сесть в машину этого человека, и тот его заметил.

Зимо ускорил шаг. Он не хотел, чтобы Хоффстаддер и девушка узнали о перепалке. Гуанси видел его приближение, но не отреагировал. Он продолжал пытаться успокоить филиппинца.

Зимо положил левую руку на левое плечо мужчины сзади, упер дуло своего "Глока" в ребра мужчины и тихо сказал на тагальском: "Papatayin kita". Что переводится примерно так: "Я убью тебя".

Мужчина замер. Зимо рассмеялся и похлопал его по плечу, улыбаясь.

"Не стоит беспокоиться, мой друг. Я просто шучу. Мы все здесь братья и друзья. Теперь

я скажу тебе, как мы решим эту проблему, как братья и друзья. Я дам тебе две тысячи американских долларов. В обмен ты одолжишь моему другу свою машину на час-другой. Я объясню почему". Он наклонился к мужчине и прошептал ему на ухо: "Его жена находится в этом ресторане с другим мужчиной. И он следит за ней. Но он не должен быть замечен. Вы понимаете?"

Мужчина напрягся, судорожно сглатывая. Он кивнул несколько раз.

"Хорошо, мой друг. Ты хороший человек. Теперь вот что мы сделаем. Ты дашь моему другу ключи от своей машины. Потом мы с тобой пойдем за эти пальмы к паромному терминалу, и я дам тебе деньги".

Филиппинец достал ключи и протянул их Гуанси, бормоча при этом.

"Пожалуйста, возьмите машину. Она мне не нужна. Пожалуйста, не убивайте меня. У меня жена, трое детей, пожалуйста, не убивайте меня".

Зимо засмеялся. Он чувствовал, как его сердце ускорилося, а в животе потеплело от адреналина.

"Расслабься, я не собираюсь причинять тебе вред. Я просто помогаю своему другу выставить его жену такой, какая она есть - шлюхой и блудницей. Пойдем, я угощу тебя выпивкой".

Гуанси забрался в машину, а Зимо подвел мужчину к киоску у входа в порт. Мужчина немного расслабился. Зимо тихонько засмеялся, убирая "Глок".

"Только не говорите мне, что вам не пригодится пара тысяч американских долларов".

"Ну, конечно. Я просто не ожидал..."

Он нахмурился. Боль не была резкой или нестерпимой. Она была тупой, но глубоко проникающей. Она скользила глубоко внутри него, а затем снова выскальзывала наружу. Он очень устал, очень хотел спать и был растерян.

Зимо сказал: "В чем дело, друг мой? Ты устал?"

Он поддержал его последние спотыкающиеся шаги к дверям паромного терминала. Там стояла скамейка, и он опустил его в сидячее, сонное положение. Преимущество длинного, острого как бритва шила в том, что практически все кровотечение было внутренним, и боли почти не было. Ни криков, ни воплей, ни грязного кровотечения. Все закончилось за несколько секунд, и тело, скорее всего, не заметят до утра.

Он вернулся в машину. Гуанси опустил окно. Зимо сказал:

"Я собираюсь подготовить вещи в отеле. Скажи мне, когда они уйдут".

"Да, сэр".

Зимо пошел прочь через переполненный людьми район порта, говоря в свой миниатюрный микрофон остальным членам своей команды.

"Цели были замечены в порту, напротив паромного терминала, на террасе ресторана "Азиатский вок". У Гуанси есть глаза. Фуцзянь, займи позицию два у входа в порт. Ву, ты займешь позицию три, у входа в отель".

"Сэр, мистер Чу", - раздался в ухе голос Ву: "Возле отеля негде спрятаться. Что мне делать?"

Зимо улыбнулся: " Ты видел, эти змеи спят где угодно, на стене, на улице. Когда они подойдут, сделай вид, что ты спишь на улице, а потом следуй за ними. Мы уьем мужчину. Девушку мы заберем с собой для допроса. С ней я разберусь позже".

"Да, сэр".

Его наушник затрещал и замолчал, и он поспешил сквозь толпу, возвышаясь над

окружающими его людьми.

Глава Девятнадцатая

Я наблюдал с фонарного столба на другой стороне улицы, попивая пиво из бутылки возле бара-киоска с крышей из гофрированной жести. Я наблюдал за перепалкой китайца и филиппинца, где китаец изо всех сил пытался утихомирить филиппинца, который выглядел, по выражению Галлин, так, словно собирался наброситься на его задницу с муай-тай.

Затем я увидел, как появился Зимо, спокойный и расслабленный в своем небесно-голубом костюме, и убил филиппинца. Остерегайтесь спокойных мужчин на каблуках. Наконец я увидел, как Зимо уходит, разговаривая сам с собой, словно шизофреник, пытающийся упорядочить свои голоса.

Я не колебался. Я пошел через перекресток, протискиваясь через людей, стараясь выглядеть как все. Не смотреть в глаза - большая часть этого. Чем меньше зрительный контакт, тем менее заметным ты становишься.

Я подъехал к машине и постучал в окно водителя. Он неподвижно уставился на террасу ресторана, как будто если он проигнорирует меня, я уйду.

Неправильно. Я наклонился и усмехнулся через стекло. Я снова постучал и сделал ничего не значащие жесты, показывая на часы, поднося руку к лицу с ухом и большим пальцем, как бы говоря: "Я тебе позвоню". Он отвернулся, и я снова постучала, сделала знак, чтобы он опустил окно.

Он сделал это и с лицом, выразительным, как холодный картофельный суп, сказал: "Вы уходите".

Я наклонился вперед, улыбаясь, и сказал: "Зимо сказал мне прийти и забрать тебя", - и вогнал два дюйма лезвия швейцарского армейского ножа в его яремную вену и сонную артерию.

Я прислонился к двери, как будто разговаривал с ним, пока он дергался, брыкался и истекал внутренней кровью. Это длилось всего пять или шесть секунд. Потом он обмяк, и я смог вытащить лезвие. Я вытер его о его куртку, открыл дверь на несколько дюймов и поднял окно. Затем захлопнул дверь и смешался с толпой. Один убит, осталось трое.

На террасе "Азиатского вока" я увидел Хоффстаддера, сидящего с растрепанной блондинкой. Я двинулся обратно к входу в порт и позвал Галлин.

"Что?"

"Я тоже по тебе соскучился, дорогая. Я только что видел дядю Леонарда и Дебби".

"Где?"

"В "Азиатском ресторане" в порту. Какой-то парень наблюдал за ними с парковки через дорогу".

"Какой-то парень?"

"Нет, не он, а его друг".

"Ты..."

Я перебил: "Я разорвал его сонную артерию и аорту, и знаешь что? Никто не заметил".

"Тебе повезло. Осталось трое. Один направляется в порт, чтобы присоединиться к парню, которого ты только что уложил на лед. Они захотят проследить за ними до отеля, где их будут ждать Зимо и третий парень. Они прижмут их либо на улице, либо в отеле".

"Мои мысли в точности. Я уберу этого парня, когда он появится. Ты вернешься в отель и разберешься с другим парнем и Зимо. Я присоединюсь к тебе, как только смогу. Галлин?"

"Что?"

"Пожалуйста, будь очень осторожна. Этот парень очень опасен".

"Конечно, мама".

Она повесила трубку, и я пошел купить колу в киоске. Я занял позицию у фонарного столба и наблюдал за толпой, ожидая появления парня. Его было нетрудно заметить. Он был единственным парнем в костюме и быстро шел к тому месту, где я его ждал. Я оттолкнулся от фонарного столба и неуверенно пробрался сквозь толпу, рассчитав, что мы пересечемся примерно на одном уровне со входом в автобусный терминал. Я сделал вид, что немного взбешен, держал голову опущенной и держал курс, не похожий на курс столкновения. Я прошел мимо него на расстоянии около трех футов, крутанулся на пятке и оказался рядом с ним.

"Вы говорите по-английски?"

По его лицу было видно, что он не знал о моем существовании: " Уходите."

"Меня послал Зимо Чу. Послушай меня".

Он остановился и уставился на меня. Я подошел вплотную и прижал дуло Maxim S9 к его животу, а левой рукой выдернул наушник из его уха и вырвал микрофон из его рубашки. Я придвинулся еще ближе и обхватил его за плечи, подталкивая в сторону темного, пустого автобусного терминала.

"Давай поговорим здесь".

"Поговорим?"

Мы вошли в пустой зал с темными окошками для продажи билетов, автоматами с колой и конфетами и скамейками. На нескольких из них сидели спящие туристы. Я оттащил его в сторону, где нас не было видно. Я все еще направлял "Максим" ему в живот. Я шагнул вплотную правой ногой, поднялся на носки и ударил правым локтем ему в челюсть. Его глаза закатились, и я поймал его рукой за шею, когда он падал. Я рванул вверх и вправо и позволил мертвому весу его тела сделать все остальное. Позвонки хрустнули и щелкнули, и я опустил его на пустую скамейку. Затем я отправился бодрой походкой в сторону отеля.

Два сбитых, два осталось.

Дорога, на которой находилась гостиница, была пуста. Она выглядела длинной и темной, фонарь напротив отеля отбрасывал длинные, очень черные тени. Небольшой ветерок шелестел листьями пальм и банановых деревьев на переднем и заднем дворах, но кроме этого не было слышно ни звука.

Я начал идти, осматривая тени в поисках любых признаков Галлин. В темноте был слышен только тупой хруст моих ботинок. Держась в тени и внимательно вслушиваясь, я подошел к воротам отеля. Они были слегка приоткрыты и выходили во двор. Под навесом стояло несколько столов, где, как я понял, посетители завтракали по утрам. В окнах наверху не было света, но дверь на крыльцо была открыта, и я мог видеть свет из приемной.

Я вошел внутрь. Свет казался ярким после мрака снаружи. Было очень тихо и пусто. Я вытащил "Максим" из-под мышки и зашел за стойку регистрации. Там была дверь в небольшой кабинет. Я толкнул ее и увидел шумную секретаршу, сидящую на черном виниловом вращающемся стуле. Ее глаза были очень широко расставлены. Ее рот был очень широким, и ее горло также зияло очень широко. Передняя часть ее блузки была пропитана кровью, которая забрызгала стены и мебель.

Смех был женским. Он был высокочастотным, похожим на хихиканье. Он доносился со двора и становился все громче. В ответ раздалось глубокое мужское бормотание. Внезапно

он перешел на приём. Паузы не было. Он продолжал говорить, она пару раз засмеялась, и они поднялись по лестнице. Я заглянул в щель в двери и убедился, что это Мэрион Джеймс и Джей Хоффстаддер.

Я вышел из кабинета, закрыл дверь, выскользнул из приемной на темную улицу и побежал так, словно все адские гончие кусали меня за задницу.

* * *

Галлин вернулась в отель. На многолюдной Хай-стрит она старалась не бежать и не привлекать к себе внимания, но как только она свернула в переулок, где находилась гостиница, и увидела, что он пуст и тих, она пустилась в бег. От переулка до гостиницы было около ста пятидесяти ярдов, и когда она прошла чуть больше половины пути, то заметила мужчину, лежащего, свернувшись калачиком, прямо за воротами одного из передних дворов, в сорока или пятидесяти футах от гостиницы. Она замедлила шаг и вытащила Sig Sauer P365 XL из-под руки. Парень, свернувшийся калачиком у забора, храпел и источал сильный запах алкоголя. Она прошла мимо него и протиснулась через ворота в отель.

Наверху свет был погашен, но крыльцо было частично открыто, и свет проникал из приемной. Она вошла внутрь. Там было пусто, тихо и спокойно.

Ее ум быстро соображал. Она знала, что Хоффстаддер и Мэрион Джеймс все еще в ресторане, но Зимо и его парень уже должны быть в отеле. На ресепшене их не было. Значит, они были в номере?

Она увидела дверь и переместилась за стойку. Держа P226 в правой руке, она прошла вперед, повернула ручку и слегка толкнула дверь. Она не была уверена, что ожидала увидеть, но это было не то, что она увидела.

Она увидела хозяйку квартиры, которая смотрела на нее широкими, испуганными глазами. Она сидела на черном виниловом вращающемся стуле лицом к двери. Позади нее стоял Зимо в своем бледно-голубом костюме. Его левая рука лежала на ее плече. Его правая рука держала старинный британский нож коммандос, острие которого слегка касалось ее шеи. Ей потребовалась доля секунды, чтобы осознать происходящее. Зимо улыбнулся, и ее палец сжался на спусковом крючке. В тот же миг она почувствовала сильный запах спиртного; Зимо глубоко вогнал лезвие в шею женщины и подался вперед.

Затем в ее голове возникла жестокая, сводящая с ума боль.

* * *

Я бежал с растущей, ужасающей уверенностью, что все пошло совсем не так. Триста ярдов привели меня, задыхающегося, к шоссе Махарлика, где оно входило в город. Я не останавливался. Каждая доля секунды была жизненно важна. Я проскочил сквозь поток машин и побежал по диагонали через дорогу к парку, где мы приземлились. Я перемахнул через забор и понесся по траве. Земля была неровной, и дважды моя нога подворачивалась и я падал на землю. Каждый раз я поднимался на ноги и продолжал бежать к вертолету, который темным пятном сверкал возле деревьев.

Когда я добрался до него, я распахнул дверь. Как я и ожидал, Галлин была там, лежа на

заднем сиденье. Количество крови было ужасающим. Ее лицо было залито кровью. Блузка и пиджак были залиты кровью.

Сколько бы смерти вы ни видели, вы никогда не привыкнете к ней, но вы становитесь к ней невосприимчивым. На ваших эмоциях образуется мозоль. Но Галлин мне нравилась. За то короткое время, что я ее знал, она стала особенной. В моей голове вспыхнула ярость, я зарычал, повернулся и побежал обратно к отелю. Моя голова шла кругом, мой мозг кричал мне: где они? Перешел ли я им дорогу? Марион и Хоффстаддер были сейчас в своей комнате. Я должен был пересечься с Зимо и его парнем, возвращавшимся от вертолета. Но я не пересекся. Так где же они были?

И другие вопросы настигали меня, пока я бежал. И я начал думать, что опоздал. Слишком поздно.

* * *

Дверь мягко распахнулась, открывая освещенную луной комнату. Он был едва виден. Только бледный отблеск его улыбающегося лица. Она почувствовала, как в ее животе зародился горячий, больной колодец ужаса, а по коже пробежал холодок. Он шагнул в комнату, и она увидела, что у него в руках пистолет с длинным глушителем, привинченным к дулу. Он поднес длинный тонкий палец к губам и присел перед ней. Она увидела, как за ним в дверь вошел еще один китаец в костюме. Зимо заговорил с ней шепотом.

"Я не собираюсь убивать тебя. Ты мне очень интересна. Я собираюсь убить его". Он указал на спящего Хоффстаддера: "Он мне не нужен. Но ты мне нужна. Мне нужно, чтобы ты объяснила мне многие вещи. Поэтому я заберу тебя с собой. И тогда, - он подошел ближе, пристально глядя в ее широко раскрытые глаза, - у нас завяжутся очень напряженные отношения. Я буду как бог в твоей жизни. Я могу причинить тебе столько боли, больше боли, чем ты можешь себе представить, но я могу принести тебе мир, спокойствие, спасение, даже процветание. Все, что тебе нужно делать, - это слушаться меня и быть моим другом. Ты понимаешь?"

Во рту у нее пересохло. Она дрожала: "Я не понимаю, о чем вы говорите".

Я должен знать все, что у тебя на уме. Теперь ты принадлежишь мне".

Она уставилась на него, парализованная ужасом, затем заметила движение у двери и подняла голову. Другой китаец нахмурился, глядя на пустое место в трех футах перед собой. Он пробормотал "Wōde mā ya...", что, как она знала, означало "О, моя мать", потянулся к ножке кровати, чтобы опереться, но не удержался и рухнул на пол.

Зимо вскочил на ноги. В дверном проеме быстро двигалась какая-то фигура. Зимо пошатнулся назад. Казалось, что его бьет какой-то человек. Марион навалилась на Хоффстаддера, который вскрикнул в бессвязной тревоге.

Теперь две фигуры, казалось, схватились друг с другом, шатаясь взад и вперед, сталкиваясь с дверью, сбивая мебель. Послышались ворчание, сдавленные крики. Оба мужчины упали, затем Зимо поднялся на ноги и направился к двери. Другой мужчина схватил его за ногу, поднялся на ноги, опрокинул Зимо на пол и начал пинать его внутренней стороной бедра и наносить удары по ноге. Зимо вскрикнул, отбил удар, отпустил ногу и скрылся из виду.

Другой мужчина встал на одно колено, указал на нее и Хоффстаддера и сказал: "ОДИН!"

Не двигайтесь. Я здесь, чтобы отвезти вас домой!"

И он ушел.

Она поднялась с кровати и подошла к окну. Она увидела, как Зимо, сильно хромя, шатаясь, пересек двор и вышел на тускло освещенную дорогу, а затем побежал в сторону шоссе Махарлика на въезде в город. Он словно растворился в тени, и Хоффстаддер присоединился к ней у окна. Вместе они наблюдали, как другой мужчина с крыльца ворвался во двор, распахнул ворота и вышел на дорогу. На мгновение он замер, неуверенно глядя направо и налево.

Марион и Хоффстаддер заговорили одновременно.

"Он пошел в ту сторону!"

"Он сильно хромал. Он ранен".

Мужчина показал на них пальцем и прорычал: "Не двигаться! Стойте там!"

Затем он побежал за Зимо. Марион и Хоффстаддер на мгновение посмотрели друг на друга. Она сказала: "У нас в комнате труп. Он китаец, или был им". Она мгновение смотрела на тело: "Теперь он мертва".

Хоффстаддер посмотрел на тело, потом на нее: "Почему ты не разбудила меня?"

"Все произошло так быстро. А потом появился этот человек. Как ты думаешь, он действительно ОДИН?"

"Понятия не имею. Если эти парни - китайцы, то, наверное, он".

Они повернулись и снова уставились в окно.

Глава Двадцатая

Мне было больно везде. Зимо был зверюгой. Бороться с ним было все равно, что бороться с драконом Комодо. Он был безумно быстрым, неестественно сильным и диким. Я застал его врасплох и знал, что сильно ранил его. Я нанес ему пару прямых ударов в челюсть, от которых у любого другого потух бы свет, и пару хороших хуков в ребра. Ему это не понравилось, и он уже собирался уходить, но я повредил ему ногу, и он не собирался уходить далеко.

Он причинил боль и мне. Он был "грязным" бойцом, он царапал и кусал меня, а также наносил удары кулаками и ногами. Но в тот момент мне было на это наплевать. Я хотел Зимо, и мне было все равно, что мне придется сделать, чтобы заполучить его. Голос в моей голове подсказывал мне, что нужно быть осторожным. Он не был человеком, которого можно недооценивать, и, вероятно, он был наиболее опасен, когда был сильно ранен. Но я не мог заставить себя быть осторожным. Я продолжал видеть Галлин, залитую кровью, и ярость толкала меня вперед.

Когда я бежал, не обращая внимания на боль в легких, я мог видеть его извилистый силуэт на фоне огней шоссе, бредущий впереди меня сломанным, спотыкающимся бегом. Он направлялся к вертолету.

Я удвоил усилия, бежал на носочках, чтобы придать себе дополнительную, болезненную скорость. Я знал, что не смогу продолжать в том же духе, но я также знал, что не могу остановиться. Он не мог уйти, и ни за что на свете он не уйдет с телом Галлин. Не сейчас, когда в моем еще теплится жизнь.

Он вышел на главную дорогу и перешел ее по диагонали, как я раньше, но поднял руки вверх, заставляя машины и мотоциклы визжать и останавливаться. Несколько машин чуть не сбили его. Его высокое, угловатое тело шаркало и ковыляло по черному асфальту в сторону парка. Я помчался за ним и снова перемахнул через забор на зеленую территорию.

Он все еще опережал меня, хромая, волоча правую ногу, время от времени издавая крик боли. Я перешел на быстрый бег, сокращая расстояние, быстро и уверенно. Я вытащил "Максим" из-под мышки. Он нужен был мне живым для допроса, но внутри меня кипел дикий гнев, который я с трудом контролировал.

"Стой! Зимо Чу! Остановись сейчас же, или я тебя пристрелю!"

Он не остановился. Он издал еще один крик боли, но продолжал идти. Я подумал о том, чтобы выстрелить ему в ногу. Он приближался к вертолету.

Я поставил ноги и зарычал: "Стой!".

Он остановился. Пошатываясь, он сделал еще один шаг вперед и уперся в борт вертолета. Он наполовину повернулся и упал спиной к вертолету. Его правая рука сделала странное дергающееся движение, и вдруг яростная, жгучая боль пронзила мою правую руку. Моя рука была парализована болью. Зимо начал смеяться. Я посмотрел вниз и увидел, что из моего плеча торчит пятиконечный сюрикен.

Он дернул дверь вертолета. Я дотянулся левой рукой и выдернул зазубренную звезду из сустава. Боль была неопишуемой. Я выронил звездочку и попытался переложить пистолет в левую руку. Зимо, хромая и подпрыгивая, вылез из кабины с оружием в руках и теперь пытался опереться о вертолет, чтобы прицелиться. Я поднял "Максим" в левой руке и попытался выровнять его, но моя рука дрогнула.

Он выстрелил, но выстрел прошел мимо, и он, пошатываясь, сделал пару шагов вперед. Я понял, что мне придется убить его. Я прицелился ему в живот, и он снова выстрелил. Снова выстрел прошел мимо, и он злобно выругался. Боль в ноге, должно быть, была мучительной. Все его тело дрожало от усилия удержаться в вертикальном положении. Он поднял оружие. Я прицелился ему в грудь. Раздалось два громких удара, как от петард. Зимо Чу посмотрел на небо и упал на спину, его бледный, небесно-голубой костюм стал черным в ночи. Я не стрелял.

Галлин была там, как видение из кошмарного фильма-слешера, вся в крови, держа в руках свой Sig Sauer 365XL.

Я хмуро посмотрел на нее: "Я думал, ты мертва".

"Почему?" Ее голос был почти пронзительным.

"Ты лежала там", - я жестом показал на вертолет, - "вся в крови".

"Это не моя проклятая кровь! Это кровь той бедной женщины из отеля! В следующий раз померь мне пульс. Ты что, новичок? Где Хоффстаддер и Марион?"

"В отеле."

"Ты оставил их одних?"

"Давай! Отвали от меня! Я только что спас тебе жизнь!"

Я встал на колени и обшарил карманы Зимо.

"Какого черта ты сейчас делаешь? Мародерствуешь?"

"Он здесь легально, Галлин, с разрешения правительства. У него могут быть полезные бумаги, документы".

"Ай-яй-яй!"

Я взял его бумажник, удостоверение личности и сотовый, повернулся и начал возвращаться к отелю. Я слышал, как она топала позади меня: "Ты спас мне жизнь! Ха!"

"Как ты думаешь, почему они посадили тебя в вертолет? Они собирались допросить тебя и убить".

"Ты знаешь, как у меня сейчас болит голова? Посмотри на меня!"

В конце концов мы вернулись в отель и обнаружили Хоффстаддера и Марион сидящими, сгорбившись, на кровати. Они оба непроизвольно вздохнули, когда увидели Галлин.

"Все не так плохо, как кажется. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Скоро появятся копы. Кто-нибудь скоро заметит множество трупов. Но я должна смыть эту кровь". Она мгновение смотрела на меня и сделала пренебрежительный жест: "И ты! Что с тобой не так? Ты ввязался в драку с гигантским наемным убийцей, тебя ранили в руку, а ты выглядишь так, будто идешь на свидание".

Пока Галлин произносила это нелюбезное замечание, я заметил, что Марион держит наготове пистолет. Он не дрожал, и хотя она выглядела обеспокоенной, но была спокойна.

"Я никуда с тобой не пойду. Мы с Джемем собираемся сесть на паром завтра утром, и вы нас не остановите".

Галлин, казалось, наклонилась вперед в талии и сузила глаза на Марион. Она покачала головой, пробормотала что-то похожее на "Ата цочек алай?", повернулась и захлопнула дверь в ванную.

Я вытащил стул с жесткой спинкой на середину пола и уселся на него. Я понимал, что очень устал, но также знал, что пройдет еще много времени, прежде чем я смогу отдохнуть.

Я улыбнулся Хоффстаддеру, который выглядел крайне обеспокоенным, а затем перевел улыбку на Марион.

"Он трясет свой колокольчик, чтобы спросить, нет ли какой-нибудь ошибки. Единственный другой звук - это легкий ветер и пух". Я сделал паузу. Хоффстаддер нахмурился. Марион тоже. Я продолжил: "Лес прекрасен, темный и глубокий, но у меня есть обещание, которое я должен выполнить, и мне предстоит пройти много миль, прежде чем я усну, и много миль, прежде чем я усну".

Я позволил тишине повиснуть на мгновение, затем посмотрел на Марион. В ванной комнате начал шипеть душ.

"У меня к тебе два вопроса, Марион. Во-первых, действительно ли вы думаете, что завтра окажетесь на пароме, когда туда начнет прибывать полиция, а китайские власти будут дышать им в затылок? В этом городе четыре мертвых китайских агента MSS, один мертвый филиппинец и одна мертвая филиппинка."

"Эта милая женщина? Хозяйка?"

"Боюсь, что да. Это первый вопрос. Второй: даже если представить, что вы каким-то образом проскользнули сквозь заслон безопасности, который будет в ближайшие несколько часов, даже если предположить, что вы каким-то образом добрались до Минданао и далее до Найон нг Пангисда, а затем, что? В Дарвин? Даже если мы представим, что вам удастся совершить этот необыкновенный подвиг и вернуться в Лондон и Лос-Анджелес, как вы думаете, кто встретит вас там, в аэропорту?"

"Я не знаю."

"Мне сказать вам?" Она не ответила, и я постучал себя по груди: "Мне. Потому что ODIN действует под юрисдикцией всех стран "Пяти глаз" - Соединенных Штатов, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Великобритании. Так что если вы когда-нибудь доберетесь до Хитроу, я буду там, чтобы встретить вас на международном прилете".

"Откуда мне знать, что вы говорите правду?"

Я осторожно полез в куртку, достал удостоверение личности и протянул его ей.

Она изучила его и передала Хоффштаддеру. Она сказала: "Оно может быть фальшивым".

Я рассмеялся: "Может быть, но, может быть, вы объясните мне, зачем мне все это, чтобы добраться до этого захолустья и рисковать своей жизнью и жизнью моего напарника, чтобы уничтожить Зимо Чу и его парней и спасти вашу, если я не из ОДИНа".

Я ждал, но она не ответила. Она просто облизнула губы.

"Прямо сейчас, с этого момента, вы спасены. Возможно, мы успеем добраться до самолета или вертолета, и у нас будет достаточно топлива, чтобы добраться до американского посольства. Но продолжайте терять время, и вы заставите себя и нас попасться тем же людям, которые привели к вам Зимо Чу. Так почему бы тебе не опустить пистолет и не убраться отсюда к чертовой матери?"

Она посмотрела на Хоффстаддера. Тот кивнул.

Она передала мне пистолет: "ХОРОШО."

Они натягивали одежду, когда Галлин вышла из ванной, вытирая полотенцем волосы. Она была совершенно голая и сказала Хоффстаддеру: "У тебя есть джинсы и рубашка, которые я могу одолжить? И ремень. Мне нужен ремень".

Он кивнул, и через десять минут мы вышли из отеля и быстро двинулись по дороге в сторону шоссе. Когда мы дошли до перекрестка, там было много людей, которые стояли

вокруг и смотрели, как будто ждали, что что-то произойдет. Я решил, что они знают что-то, чего не знаем мы, например, кто-то из них позвонил в полицию, которая уже ехала из Булана.

Мы перелезли через забор, перебежали через зелень и через пять минут уже были в вертолете Зимо, поднимающемся над Матногом, несущемся на восток и север, обратно в Манилу, сквозь черноту ночи.

* * *

На следующее утро мы сидели за завтраком в саду-консерватории в американском посольстве в Маниле. Пола с нами не было - ОДИН был благодарен Компании, но это было дело ОДИНа, а не ЦРУ. Галлин, с другой стороны, присутствовала. Возможно, это объяснялось тем, что она участвовала в расследовании с самого начала, поэтому она мало что могла узнать из этого интервью, чего она еще не знала. А может быть, дело было в том, что ОДИН легче делиться информацией с Моссадом, чем с ЦРУ, потому что, по крайней мере, можно было быть уверенным, на чьей стороне Моссад. Какой бы ни была причина, Галлин присутствовала.

Я сидел, стараясь не обращать внимания на тупую боль в забинтованной правой руке, и смотрел, как Мэрион Джеймс и Джей Хоффстаддер поглощают блинчики, яичницу с беконом, кофе и тосты.

"Что нам до сих пор не ясно, - сказал я им обоим, ожидая ответа от Марион, - так это то, что Эд сделал, чтобы спровоцировать такую реакцию китайцев. Ведь он работал в Маниле уже несколько лет". Они оба смотрели на меня, жуя, ожидая ответа. Я указал на Хоффстаддера: "Я имею в виду, он держал вас в ячейке несколько лет, так?"

Он кивнул с набитым ртом. Я продолжил.

"И вы поставляли постоянный поток полезной информации. То же самое было и с Кармоной. Он завербовал Кармону примерно в то же время, что и вас".

Хоффстаддер сглотнул и отпил кофе: "Я встречался с ним пару раз. Хотя Эд предпочитал, чтобы мы не знали друг о друге, я познакомился с Кармоной, потому что мы вместе работали над несколькими заданиями, когда Дутерте готовился к своему решению отменить Соглашение о Приглашенных Силах. Но в целом он держал нас на расстоянии".

Я переключил свое внимание на Марион.

"Но вы, Марион, вы были странной. Вы не соответствовали профилю его типичного новобранца. Вы не работали на тех социальных, академических или профессиональных уровнях, на которых работали другие его рекруты".

Она подняла брови: "Спасибо", - сказала она сквозь полный рот яиц, бекона и тостов. Затем отпила кофе: "Ни у кого из тех, кого я там встретила, не было первого образования в Оксфорде".

"Не обижайтесь. Я видел множество доказательств ваших мозгов. Я хочу сказать, что все остальные его новобранцы имели доступ к разведывательной информации через дипломатические и академические связи. Вы, как я выяснил, работали переводчиком".

"Да, в китайском посольстве. И именно поэтому он завербовал меня: отчасти потому, что я окончил Оксфорд с первой степенью по китайскому языку и восточной философии, а отчасти потому, что он узнал через свои различные связи - предполагаю, что у него были

контакты в Оксфорде, - что у меня эйдетическая память. Это было благословением для него, потому что это означало, что я мог воспроизводить файлы и забирать их из посольства, просто взглянув на них".

Галлин села вперед, поставив локти на колени: "Хорошо, вот что мне не совсем ясно. Вы имели дело с документами на китайском языке, которые нужно было перевести на английский?"

"И наоборот. Я также занималась синхронным переводом и могла докладывать о том, что слышала на встречах и обсуждениях".

"Так на что же вы наткнулись, что так взволновало Эда, и в итоге его убили?"

Она вздохнула, намазывая маслом ломтик тоста и кладя на него немного бекона: "Сначала он не был уверен. Он был гениальным человеком. Он мог одновременно держать в голове огромное количество информации и видеть все трехмерные связи и то, как все это сочетается, как матрица". Она откусила кусочек: "Я докладывала ему о нескольких встречах, письмах и отчетах, которые попадались мне на глаза и касались сделок с IT-компаниями. Некоторые из них находились в Великобритании, другие - в Испании, Бразилии - странах, разбросанных по всему миру. В основном сделки касались различных программных продуктов, как правило, новейших брандмауэров и антивирусных приложений. И, конечно, вся переписка велась на английском языке".

Я перебил: "Это было необычно для посольства - иметь такого рода дела?"

"Ну, да, особенно учитывая, что они только что вложили огромные деньги в создание целого университетского факультета здесь, в Маниле, посвященного изучению именно этой темы. Зачем посольству покупать случайные кусочки программного обеспечения по всему миру, если их собственное правительство только что создало этот факультет? Сначала это показалось ему странным, но постепенно он начал понимать, что это имеет более глубокое значение".

Галлин огрызнулась: "Какое значение?"

Марион слегка кивнула и вытерла кусок хлеба о свою тарелку, размазывая яйцо.

"Это произошло, когда я упомянула ему, что перевела необычное количество исследований в модели глобальной экономики. Но не просто компьютерные модели глобальной экономики..." Она озорно усмехнулась: "Простите, я имею в виду, что это были модели для анализа мировой экономики, но это также были попытки создать алгоритмы прогнозирования, которые могли бы использоваться крупными и национальными банками, якобы для поддержания стабильности на международных денежных рынках".

"Почему это необычно?"

"Ну, само по себе это не так. Но в посольстве вы ожидаете столкнуться с одним или двумя такими случаями в год, не более. Такой объем, как у меня, был бы нормальным где-нибудь в Лондонской школе экономики или в банковской фирме. Мне пришлось переводить четыре документа за один месяц, причем на чрезвычайно высоком уровне специализации. Мне пришлось обратиться за помощью к математику и двуязычному экономисту".

"Итак, он подозревал, что китайцы разрабатывают вирус, который положит конец всем вирусам. Это страна, которая специализируется на кибернетической войне, разрабатывает программное обеспечение, которое может составлять карты всемирной паутины и одновременно читать и предсказывать движения всего мирового рынка. Если они когда-нибудь разработают такое оружие..."

"Они разработали".

"Что?"

"Я просматривала некоторые документы на английском языке с мистером Вангом, главой местного отделения MSS, когда в офис привели молодого китайца. Молодого человека звали Лю Бао, и он сообщил господину Вангу, что "проект" завершен. Если бы не работа, которую я проделала с Эдом, это ничего бы для меня не значило, но пока они говорили, я начала понимать, что это и есть тот самый вирус, о котором так беспокоился Эд".

Галлин нахмурилась: "Они говорили об этом в вашем присутствии?"

"Конечно. Я была для них меньше, чем человек. У Бао был вирус на флешке. Он отдал его мистеру Вангу, который положил его на свой стол, а потом они оба вышли из комнаты, чтобы пойти и поговорить с кем-то. Это было совершенно невероятно, но вот такими высокомерными они могли быть. Поэтому я не стала раздумывать. Я сделала копию на свой собственный накопитель - я всегда ношу с собой несколько - и когда мистер Ванг вернулся, он был точно там, где он его оставил, и я читала документ".

"Как они узнали, что была сделана копия, и что она у Эда?"

"Я не знаю. Наверное, у Эда где-то была утечка".

Я кивнул и на мгновение уставился на Галлин. Затем я встал и вышел в сад в задней части комплекса, откуда открывался вид на Манильский залив. Я достал свой сотовый и позвонил шефу.

После распознавания голоса Лавлок соединил меня с ним.

"Что?"

Я рассеянно подумал, не являются ли они с Галлин родственниками.

"Сэр, причина, по которой Эд был убит, и причина, по которой MSS решили устранить всех, кто мог быть связан с его манильской ячейкой, заключалась в том, что он, Хэмптон, обнаружил, что новый университетский факультет, который китайцы строили в Маниле..."

"Факультет вирусной кибернетики".

"Да. Он обнаружил, что у этого факультета очень специфическая функция. Он был основан по определенной причине: чтобы создать вирус, который будет беспорядочно распространяться по глобальной сети, просачиваясь через брандмауэры и оставаясь невидимым для антивирусных программ. Этот вирус в буквальном смысле составил бы карту мировой экономики, но вместо топографии он использовал бы алгоритмы. Он будет мгновенно и одновременно считывать динамику, происходящую в...", - я покачал головой, делая рукой круговые движения, - "Amazon, Microsoft, Shell, Volkswagen, Surinam Rice, McDonald's, Bulmer's Cider, Martini, Oreos и всех других публично объявленных компаниях, с которых вы можете подумать, а также считывать тысячи других рыночных показателей".

"Вы в своем уме? Ты начал писать научно-фантастические рассказы и курить дурь?"

"Сэр, я серьезно. Мы говорим об использовании мощности каждого компьютера на планете - триллионов гигабайт - для реального запуска этого программного обеспечения. Всемирная паутина станет их компьютером. И они используют этот компьютер для анализа всей мировой экономики..."

"Вы сошли с ума".

"...и со всей этой информацией те, кто контролирует программное обеспечение, могут решить, использовать ли динамику рынка в своих интересах в любой данный момент, влиять ли на его движение в свою пользу, или вызвать локальный или даже глобальный коллапс рынка, чтобы они могли войти и скупить местные компании, банки или целые

инфраструктуры".

Он надолго замолчал: "Политика "Пояса и пути" на стероидах".

"Именно. И этот вирус существует на диске в китайском посольстве в Маниле".

"У вас есть веские причины для такой чепухи?"

"Довольно веские. Есть также копия".

"Где? У кого она?"

"Если я не ошибаюсь, она находится в бачке туалета ресторана "Голодный Сэм", где он спрятал ее в ночь своего убийства. Нам нужно получить его и вернуть ноутбук Хэмптона. Быстро. В спешке."

"Делай все, что нужно".

Первое, что я сделал, это отправил пару оперативников к Голодному Сэму. Второе, что я сделал, это организовал визит.

Глава Двадцать первая

В мобильном телефоне и бумажнике Зимо Чу нашлась одна интересная вещь - адрес, который несколько раз упоминался в его мессенджере Telegram. Из того, что Марион могла понять, читая сообщения, работа, начатая на факультете, дорабатывалась и совершенствовалась для конкретного использования в секретных лабораториях по этому адресу.

Он находился в северной части Манилы у водохранилища Меса, на проспекте Катипунан. Предварительное расследование в виде расспросов и проверки Google показало, что это заброшенный склад в захудалом промышленном секторе города. Но когда мы приехали туда, реальность оказалась несколько иной.

Снаружи здание выглядело так, как и следовало ожидать: много гофрированной стали, заколоченные окна и брошенные поддоны. Но внешняя стена и ворота были новыми, как и камеры наблюдения.

Мы проехали мимо на моей "Тойоте", свернули в Санта-Фе и припарковались за серым "Шевроле Экспресс G3500", выскочили из "Тойоты" и забрались в кузов фургона. Там было двенадцать парней, плюс водитель. Они были в грязной рабочей одежде и строительных касках, и у каждого из них под сиденьем был спрятан ручной пулемет M18 и M27 IAR, потому что это были не рабочие в обычном смысле слова. Это были закаленные в боях морпехи.

Мы покатали назад по Санта-Фе до пересечения с проспектом Катипунан, повернули налево и в ровном темпе доехали до полуразрушенного склада. Там водитель остановился, включил аварийные огни, свернул на другую сторону дороги и задним ходом подогнал "Шевроле" прямо к воротам. Мы все натянули бронежилеты.

Один из парней уже натянул на лицо балаклаву. Он вышел из фургона со своим M27 и снял обе камеры, затем снял замок с ворот и толкнул их. Фургон въехал задним ходом, и он снова закрыл ворота.

Затем весь комплекс наполнился тринадцатью хорошо обученными морскими пехотинцами. Пятеро обошли сзади. Остальные восемь ворвались через дверь, быстро двигаясь и занимая позиции. То тут, то там раздавался грохот автоматной стрельбы. Затем раздался крик: "Чисто!" Я побежал вверх по лестнице, Галлин - за мной. Мы оказались на лестничной площадке. Двери открывались, и из комнат выходили китайские мужчины и женщины, выглядевшие в недоумении. Высокий пожилой мужчина стоял в дверном проеме офиса. В руке у него было оружие. Я бросился к нему со своим FK BRNO PSD 7,5 калибра, направленным ему в голову.

"Брось! Бросьте оружие, сейчас же!" Он бросил его. Я схватил его за воротник: "Ты управляешь этим местом?"

Он ничего не сказал, но его глаза сказали мне, что он главный. Я швырнул его в проход, где его подхватила пара морпехов. Я прорычал: "Этой рукой вверх. Обращайтесь с ним осторожно. Он один из тех, за кем мы пришли".

Но потом я увидел другого парня. Он стоял у стола. Ему было не больше двадцати, тощий и бледный: китайский ботаник, а прямо за ним стоял открытый ноутбук. На экране я узнал логотип ODIN.

Я вошел. Снаружи загрохотала пара M27.

"Чисто!"

"Вы говорите по-английски?"

"Да".

"Как вас зовут?"

"Лю Бао".

"Вы тот инженер, который работает над этим?". Я кивнул в сторону ноутбука.

Он кивнул: "Да. Пожалуйста, не убивайте меня. У меня есть невеста. Я не солдат. Я просто айтишник".

"Я не собираюсь убивать тебя, Бао. Нам просто нужно поговорить с тобой".

Я пошел и взял компьютер. Затем я взял его за руку и вывел на площадку. Все вокруг гудело от последних криков "Чисто! Чисто!", и морские пехотинцы хватали и уносили компьютерные терминалы и все остальное, что могло представлять интерес для ИТ.

Через пять минут мы снова загрузились в фургон. Водитель завел двигатель, и последние два парня выбежали, чертыхаясь, из здания. Они запрыгнули на борт с криками: "Поехали! Поехали! Вперед!", и мы выехали со склада на Калипунан-авеню. Один парень спрыгнул вниз и закрыл ворота, затем снова запрыгнул на борт, захлопнул дверь, и мы с величественной скоростью понеслись к "Тойоте".

Там, когда мы пересели в нанятую мной машину, водитель снял фальшивые магнитные номера, чтобы показать дипломатические, и мы разошлись каждый своей дорогой. Они отвезли свой груз, включая Ванга и Бао, в безопасное место, а мы с Галлин вернулись в отель, чтобы собрать вещи.

Когда мы выехали из промышленной зоны на Пайатас Роуд и двинулись вдоль береговой линии водохранилища, в зеркале заднего вида я уже видел столб черного дыма, поднимающегося в воздух.

Некоторое время мы ехали в тишине. Потом Галлин посмотрела на меня и спросила: "Так это все?".

"Почти".

"Почти?"

"Остается еще вопрос, как китайцы начали подозревать, что Эд за ними следит".

"Да, я задавалась этим вопросом, но я думала, что ты держишь это между собой и Большим Кахуной".

"Нет. Но именно здесь все становится деликатным".

"Деликатным."

"Ты не поймешь. Я объясню по дороге в Лос-Анджелес".

* * *

Через сорок восемь часов и семь тысяч восемьсот восемьдесят восемь миль я припарковал свой арендованный Mustang V8 у дома № 1820 по Оушен Драйв в Лос-Анджелесе. Я заглушил двигатель и посмотрел на Галлин. У нее были мешки под глазами от недосыпания и нарушения графика работы организма. Она сказала:

"У тебя мешки под глазами".

"А ты, напротив, похожа на маргаритку, только что поцелованную росой".

"Однажды я совершу ошибку, поверив тебе. Иди."

Мы вылезли, вошли в маленький, выложенный плиткой дворик, поднялись по ступенькам и позвонили в колокольчик.

Дверь открыла симпатичная филиппинка лет тридцати. Она выглядела комфортно и непринужденно в синих джинсах и белой шелковой блузке.

"Здравствуйте?"

Я сказал: "Вы миссис Мауи Маркос?"

"Да, а кто вы, пожалуйста?"

"Мэм, это капитан Эйла Галлин, я Алекс Мейсон, мы работаем в офисе директора по иммиграции и натурализации. Ваш муж дома?"

"Да".

"Можем ли мы поговорить с ним, пожалуйста?"

"Конечно". Она отступила назад и открыла дверь: "Никто не сказал нам, что мы ожидаем..."

"Мы не отнимем у вас много времени".

Она провела нас в уютную гостиную, а затем исчезла, пройдя через арку по тяжелым ступеням из темного дерева. Я услышал ее голос: "Феликс! Кто-то хочет видеть тебя из иммиграционной службы!"

Я улыбнулся Галлин, а она закатила глаза.

Через две минуты Феликс Маркос, выглядевший осунувшимся и усталым, вошел в комнату следом за своей женой. Мы встали, обменялись локтевыми приветствиями, и Мауи Маркос сказал: "Могу я приготовить кому-нибудь кофе? Травяной чай или фруктовый сок?"

Я покачал головой: "Вообще-то мы хотели бы поговорить с вами, а также с вашим мужем, и я надеюсь, что это займет всего пару минут. Не могли бы вы присесть с нами?"

Она взглянула на своего мужа, и они оба сели.

Галлин улыбнулся Мауи, затем встретилась взглядом с Феликсом Маркосом.

"Мы не могли понять, доктор Маркос, как китайцы узнали о том, что Эд подозревает, что они делают, и скопировали вирус".

Его челюсть слегка отвисла. Затем он закрыл глаза: "Офис директора по иммиграции и национализации - ОДИН".

Она проигнорировала его и продолжила: "Как мы ни крутили, ясного пути не было. И тут нас осенило. Все остальные члены ячейки были либо мертвы, либо в бегах. Но один человек, и только один человек, действительно получил выгоду и был переправлен самими китайцами в США. Или, по крайней мере, в посольство".

Его лицо покраснелось, глаза стали влажными от слез: "Клянусь вам, я никогда ничего не предавал! Я ненавижу китайцев! Первое, что я сделал, когда приехал сюда, это сказал, что китайцы попросили меня шпионить!"

Я ответил: "Я нисколько не сомневаюсь в вашей преданности, доктор Маркос. Доказательством тому служит тот факт, что на факультете вы получили лишь номинальную должность. Вы были главой факультета, но не имели никаких реальных полномочий в отношении персонала или проектов. Очевидно, что они не доверяли вам".

"Но она говорит..."

Я прервал его: "Вы очень любите свою жену, не так ли, доктор Маркос?"

Я увидел, как ее щеки покраснели, а его стали пепельно-серыми.

"Да."

"Я думаю, она тоже вас очень любит. Возможно, это произошло, когда она увидела, что"

ваша карьера столкнулась с Великой Китайской стеной, возможно, когда она поняла, что из-за ваших американских симпатий вы оказались в стороне от новой администрации, я не знаю точно, когда и почему, но в какой-то момент, сразу после того, как начался новый проект, и она поняла, что управление новым факультетом ушло из ваших рук, она продала свои услуги китайцам."

Он сказал: "Нет..."

Но она промолчала. Я продолжил: "Вы были верны Филиппинам, своим американским союзникам и ОДИНу, но вы также были верны и преданны своей жене, не так ли? Вы обсуждали свои тревоги, заботы, коллег и, если я хоть что-то знаю о людях, вы также обсуждали свои надежды и мечты о том, что ОДИН скоро устроит вам переезд в Штаты".

Он зарылся лицом в свои руки: "Нет...!"

"Но ваша жена была более циничной, более реалистичной, менее наивной. Она знала, что пока вы полезны для ОДИН там, где вы находитесь, они не собираются переводить вас в Штаты. Она знала, что вы можете годами ждать, и она знала, что с каждым годом вы будете становиться все более изолированным от академической среды, все более бесправным на своем факультете и все менее ценным для кого-либо еще. Затем, когда Эд получил свою копию вируса, ему нужно было довериться вам, потому что только вы обладали специальными знаниями, чтобы сказать ему, подлинный ли это вирус, и будет ли он работать. Поэтому он рассказал вам об этом, а вы рассказали своей жене". Я повернулся к Мауи: "Я прав?"

Она кивнула, один раз, затем отвернулась от мужа. Он уставился на нее, и слезы полились по его щекам.

"Как ты могла? Как ты могла так поступить со мной?"

Она обернулась и закричала на него: "Китайцы высасывали тебя досуха! Унижали тебя! Обращались с тобой как с дерьмом! А ты только и мог сказать: "Американцы нам помогут! Американцы нам помогут! Помогут нам? Как они помогли Кармоне? Как они помогли Эду? Знаешь, кто помог нам в конце концов? Знаешь, кто привез нас в Америку? Китайцы!"

Он зарылся лицом в свои руки: "Мауи! Стой! Стой! Это неправда!"

Она повернулась ко мне и выплюнула в меня эти слова: "И что теперь? Тюрьма? Казнь? Убийство?"

Я предложил ей однобокую улыбку: "Вы - китайская шпионка, миссис Маркос; вы предали своего мужа и своих союзников. Мы не стали бы вас казнить, хотя вы могли бы предстать перед очень публичным судом и отправиться в тюрьму. Но мы не хотим этого делать ни с вами, ни с вашей семьей. Мы бы хотели, чтобы ваш муж занял свой пост в университете и продолжил свою карьеру, а вы продолжали шпионить для китайцев, но под нашим тщательным наблюдением". Доктор Феликс Маркос уставился на меня влажными глазами и мокрыми щеками. Я покачал головой: "Я не хочу никаких ссор или разводов. Я хочу счастливую, стабильную семью. Она сделала то, что сделала для тебя, Феликс. Запомни это. Я хочу счастливый, стабильный дом для твоих детей. А вы, - я указал на Мауи Маркос, - вы работаете на меня".

Она опустила в кресло, уставившись вдаль. Через мгновение она посмотрела на меня: "Мне заплатят?"

Я улыбнулся: "Да, ты можешь сохранить свою жизнь".

19-я улица была пешеходной аллеей, которая вела вниз к белому песку пляжа и бескрайним просторам Тихого океана под калифорнийским небом. Мы сели на песок и

позволили морскому ветру некоторое время обдуть наши лица невидимой солью и озоном.

"Ну, это было весело", - сказал я, думая о том, что все действительно классные девчонки всегда двигаются дальше: "Что ты теперь будешь делать? Вернешься в Израиль, наверное, да?".

Она пожала плечами: "Даже если бы я знала, я, наверное, не смогла бы тебе сказать".

"Значит, никаких приказов?"

Она покачала головой: "Ты?"

"У меня есть несколько дней отпуска по болезни". Я сжал правую руку: "Этот сюрикен причинил боль. И он испортил мой костюм. Теперь мне придется ехать в Лондон, чтобы купить другой". Она посмотрела на меня так, будто хотела ударить. Я проигнорировал ее и сменил тему: "Я думал поехать в Сан-Франциско. Там есть хорошие вина и морепродукты".

"Ха..." Она немного посмотрела на море. Ветер трепал пряди волос на ее лице: "Это мило".

"Не твоя сцена, вино и морепродукты?"

"Да, ну, я бы так не сказала. Я могу пить вино и есть морепродукты. Просто устрицы открывают аппетит, а говядина его закрывает. Морепродукты заставляют вас проголодаться. Мясо насыщает".

"Не хочешь провести небольшое исследование?"

Она пожала плечами: "Наверное. Но я за рулем. Ты водишь как киска".

Я фыркнул: "Да, точно. Это коробка передач, сестренка. А с ручным переключением - это мужская машина".

Она встала и вытерла песок со своей задницы: "Да? Так почему же ты на ней едешь?"

Я поднялся на ноги и подтолкнул ее к "Мустангу": "Это не было умным ответом, когда тебе было пятнадцать, и до сих пор не является. Ты можешь ехать на нем до Арройо-Гранде. Остальную часть пути я проеду на нем".

"Ты поедешь по прибрежной дороге? Значит, мы приедем туда уже на следующей неделе?"

И так до самого Фриско.